

Наша библиотека

Н. Д. Гурьев

Страсти и их воплощение в болезнях (соматических и нервно-психических)

Москва
2000

*Издается по благословению
Высокопреосвященного Амвросия,
архиепископа Ивановского и Кинешемского*

Если иные бывают в расслаблении, имеют поврежденные члены, страдают огневицею и недомогают; то сие произошло от греха, потому что он есть корень всех зол; от него же бывают душевные пожелания и худые помышления.

Св. Макарий Великий

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

О путях возникновения, формирования и роста болезней

О грехе

О добродетели

Перечень некоторых болезней с указанием их предположительных причин, которые, при всем разнообразии характеров, наблюдаются всегда.

Психические заболевания

Соматические заболевания

Краткое изложение сложившейся методики бесед с больными (нуждающимися)

Перечень и определения отрицательных качеств (грехов) с описанием некоторых из них

Перечень и определения положительных душевных качеств (добродетелей)

Дерево греха

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сразу же хочется предупредить читателя, что он не столкнется в этой работе с описанием “благородных” страстей или “жутких” поступков, совершенных под влиянием той или иной страсти.

Речь пойдет о том, что незаметно наполняет нашу жизнь и определяют ее течение: о грехах и добродетелях, об их влиянии на жизнь и здоровье человека.

На первый взгляд может показаться странным во время всеобщих бедствий, когда жить трудно, а для некоторых и непосильно, когда не хватает ни времени, ни сил на обеспечение житейских потребностей, разбираться в том, какие бывают грехи и к чему они ведут. Что от этого может измениться или улучшиться? На первый взгляд, только сам человек.

Но Бог непостижимым образом устраивает внешнюю жизнь человека в полном соответствии с его внутренним устройством. Узнав о грехе, человек может рассудить: что делает его жизнь хуже, а что содействует ее улучшению; в чем причина бед и скорбей личных, семейных, общественных. Человек сможет целеустремленно, последовательно, с терпением (не путать с терпимостью!)

противостоять злу. А всякий, отстаивающий правду, имеет своим помощником Бога, и “если Бог за нас – кто против нас?” Но, если бы изменились люди – изменились бы и внешние условия их жизни. Если бы...

Всякое зло измеряется не само по себе, а величиной добра, которое злом отвергается. Отпадение России от организующего личную и общественную жизнь Православия можно определить не иначе, как “беспределом”. Беспредельно далеко не исчерпавшее все свои возможности и продолжающее нарастать зло, проявления которого каждый может видеть вокруг себя и, видя, убедиться в деструктивном воздействии греха не только на отдельного человека, но и на все общество в целом. Улучшений ждать, к сожалению, не приходится, потому что правят нашей страной или еще только рвутся к власти люди, не приемлющие Православия. А Православие и Россия связаны настолько неразрывно, что враждебно относящийся к Православию не может не относиться враждебно и к России, и к русским, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Иначе и быть не может хотя бы потому, что не бывает атеизма спокойного, мирного, просто отрицающего бытие Божие. Атеизм стремится не оставить места Богу не только в сознании людей, но и где бы то ни было во всей Вселенной. Это – война с Богом, поэтому атеизм по природе своей воинственен и правильнее было бы называть его антиатеизмом. Атеизм не может обойтись без активного разрушения, искоренения или извращения всего того, что связано с верой в Бога или сформировано под влиянием этой веры, будь то государственный строй, производственно-хозяйственные отношения, построение повседневного быта или индивидуальная нравственность. Именно поэтому те, кто находятся у власти, безудержно и безнаказанно разрушают все в бывшей православной стране, не уставая обещать все то, что, с их точки зрения, может быть привлекательным или соблазнительным для людей. И люди не замечают, что обещаемое атеистами по своей сути те же соблазны, которыми искушал Спасителя в пустыне сатана.

Надеюсь, что прочтение этой книги хоть в малой мере будет способствовать пониманию обстановки в нашей стране, ибо все, происходящее в России и с Россией, несмотря на кажущуюся хаотичность, имеет чисто религиозные причины, преследует чисто религиозные цели и, следовательно, может быть понято и оценено только с религиозной точки зрения.

Написана настоящая работа с позиций **православной нравственности** и адресована самому широкому кругу читателей, которые хотят лучше разобраться в себе и в окружающих, в характере подчиненных и руководителей, учащихся и преподавателей; всем, кто испытывает потребность понять причины того или иного поведения людей. Не требуя специального образования и будучи практически общедоступной по своему содержанию, книга эта будет понятнее православным людям любой национальности, а также русским, в которых православное отношение к себе и окружающему вольно или невольно сформировано их еще не до конца разрушенным бытом и которым не чужда православная нравственность.

Обращаю на это внимание потому, что **универсальной нравственности не существует**, ибо именно нравственность единит людей или отчуждает их друг от друга. Тем, кто причисляет нравственность к “**общечеловеческим ценностям**”, хочется напомнить, что для японца совершить в определенных обстоятельствах самоубийство – дело чести, а для православного – всегда погубление души; что для иудея отдать деньги в рост под огромные проценты – причина для радости, а для русского – причина для исповеди и раскаяния для получения прощения в этом тяжком грехе; у индейцев (да и у белых американцев) о воинской доблести свидетельствовали скальпы, снимаемые даже с живых людей, а у русских в тот же исторический период и о той же доблести свидетельствовали прощение побежденных и забота о раненых и пленных.

Таким образом, есть все основания считать, что “общечеловеческое” ограничивается анатомией и физиологией, а во всем остальном тот, кто не исповедует христианство, не обладает христианским духом – непременно является носителем духа антихристианского. Это можно сказать и об иноверцах и, тем более, об атеистах и екуменистах, которые являются прямыми предтечами Антихриста, ибо уже делают то, что, в свое время, сделает и он сам: отвергают всех богов.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что обращаться за помощью к атеистам или иноверцам православные должны с осторожностью, учитывая чуждость их духа духу христианскому.

Раньше Церковь ограждала православных от возможной опасности такого обращения своими соборными правилами, запрещая обращаться к гадалкам, волхвам, чародеям, звездочетам и врачам-иудеям. Но сейчас правила забываются и пренебрегаются. Увеличивается опасность вторжения в душу и воздействия на нее того, что чуждо и губительно для всякой души, особенно для души христианина.

Поэтому хочется напомнить, что, даже если при лечении телесных болезней врач дает рекомендации, касающихся психики человека, желателен совет священника, а при разрешении душевных и духовных вопросов такой совет просто необходим.

О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Во всем мире люди болеют, страдают и умирают. Во всем мире все ищут выздоровления, в том числе православные люди. И во всем мире люди не очень хотят, мягко выражаясь, признать, что причина их заболеваний *в них самих*, в их греховных расположениях, хотя об этом ясно и многократно говорится в Священном Писании. Мне могут возразить, что болезни свойственны и святым и ведут к стяжанию венцов, что иногда они попускаются по особому промыслу Божию, с учетом жизненного пути человека, на котором болезни помешают ему реализовать свои греховные наклонности или послужат обнаружению Божьего всемогущества и милости, а также искуплению прегрешений и облегчению загробной участи, ибо дважды за одно не наказывают. Эти возражения, как правило, имеют целью не поиски истины, а обнаружение эрудиции возражающих.

Для чего посылаются болезни тому или иному человеку? Очевидно, что если человек переносит их с радостью – то для награды; если задумывается – то для вразумления, а если тяготится – то для наказания. Особенности случая промыслительного заболевания я не рассматриваю, ибо святые отцы считают, что особенное, необычное не может быть общим правилом.

Но грех как причина болезни сказанным не исключается, поскольку награждать можно за противостояние греху, а вразумлять или наказывать – за услаждение тем же грехом. Возникает болезнь не по воле Бога, решившего наказать человека за его прегрешения, а как результат расположений самого человека, определяемых его же свободой и волей.

Отец всегда может наказать малолетнего ребенка за игры с огнем или предотвратить такие игры. Но может, если ребенок не слушает уверений, убедить его, что огонь опасен, дав ему возможность слегка обжечься. Приблизительно так же, как огонь и боль, соотносятся грех и болезнь. Приятна ли физическая боль? Нет, разумеется, но хорошо, что человек ее испытывает, поскольку боль предупреждает о повреждающем физическом воздействии на тело, об опасности физической. Точно так же страх – это ощущение в первую очередь опасности душевной и, чаще всего, еще только возникающей.

Болезнь также говорит о воздействии какого-либо повреждающего фактора, но, поскольку тело инертно и обладает колоссальным запасом прочности, о воздействии не кратковременном, а длительном.

Различные болезни вызываются разными грехами. И если человек ищет избавления от страданий, то ему необходимо знать, какой конкретный грех явился их причиной. Грех этот успешнее можно отыскать, если известны природа и устройство человека. Тогда станет понятно, что же в нем самом является причиной болезни и что во внешнем мире может способствовать заболеванию.

Человек состоит из души и тела. Говоря о создании человека и об его исходе из земной жизни, Св. Писание ничего не говорит нам о духе как о третьем обособленном компоненте человеческой природы, поэтому пока рассмотрение вопроса о духе целесообразнее отложить.

Душа человека создана по образу и подобию Божию и для своей деятельности располагает желательной, мыслительной и раздражительной силами, а также душевными чувствами, или ощущениями, – эмоциями. Располагает душа и “душевными органами”, к которым относятся ум, память, воображение, сознание, произволение и некоторые другие. Главенствующее положение в душе занимает ум. Св. Макарий Великий говорит, что как органов телесных много, но они не враждуют между собой, а составляют одно тело, так много органов и у души, и они не противоречат друг другу, а согласно взаимодействуют. Нарушение этого взаимодействия и установленной Богом соподчиненности ведет к нарушению душевной деятельности. Например, подчинение всей души не уму, а желанию ведет к таким же пагубным результатам, как и подчинение всего тела желудку или подчинение всего государства рабочим.

Сведения об окружающем мире человек получает с помощью интеллекта, эмоций и телесных органов чувств. Телесными чувствами воспринимается только то, что оказывает на них непосредственное воздействие, поэтому само по себе тело может стремиться только к тому, что воспринимается его органами чувств, а не к предметам умопостигаемым.

Интеллект может давать информацию о явлениях и предметах, поэтапно, постепенно постигаемых рассудком.

Эмоционально человек может мгновенно оценить значение для себя того, на что направлено его внимание, к какому бы миру – духовному или физическому – ни относилось оцениваемое и как бы мало или велико оно ни было. Видимо, поэтому святые отцы и советовали для оценки являющихся человеку духов обращать внимание на то, какие эмоции они вызывают: страх, смущение, возбужденность или радость, ясность, спокойствие.

Но вся и всякая информация подлежит рассмотрению и оценке ума, который руководит деятельностью человека и направляет ее. Так и говорится: “Человек пришел к умозаключению...”

Что касается телесных органов чувств, то они служат телу, сообщая ему, можно ли принять (приятно), приемлемо (приятно) ли что-либо в физическом мире или оно может быть вредоносным (неприятным). Выходит так, что чувства телесные суть только слуги тела, а назначение тела – служить душе. Потому и говорят, что человек унижает себя, становясь слугой собственных слуг, когда душа служит телу, изыскивая приятное для него. При этом не имеет значения, услаждению какого телесного чувства служит душа: зрения, слуха или вкуса. Во всяком случае унижается роль души, унижается душа. И во всяком случае человек стремится, душой своей служа телу, творить волю удов (членов тела) или просто предоставлять удам волю, испытывая при этом удовольствие или удовлетворение.

Но назначение человека в том, чтобы, служа Богу, не утратить вечную жизнь души, а не в том, чтобы, служа преходящей материи, уготовить себе вечную смерть. Что же, о телесных потребностях не нужно заботиться? Нужно, но, по словам ап. Павла, нельзя законную заботу о плоти превращать в похоти.

Сказано, что грехом смерть вошла в мир. Но грех был бы невозможен без греховности. А греховность – это унаследованное нами от праотцев и ставшее привычным обращением внимания и желания от мира духовного к миру чувственному; от Творца – к творению; от Бога, Источника Жизни – к тому, что преходяще, разрушаемо, смертно, а будучи смертным, является и смертоносным. Святые отцы говорят, что душа человека приобретает качества того, на что обращено ее внимание и желание. Поэтому, если душа занята материей, которая ограничена во времени и пространстве, то и сама она становится ограниченной.

Душа всегда ищет возможность воплотить то, что в ней напечатлелось зрением, слухом или иными чувствами в ее повседневной деятельности, во внешнем мире или в теле, которое, по мнению святых отцов, также является внешним по отношению к душе.

Таковы, в самых общих чертах, естественное устройство и назначение человека. Но любое отклонение от естественного необходимо оказывается противоестественным и не может не повреждать естество человека, вызывая болезнь. Таким отклонением можно считать любое нарушение взаимодействия, соподчиненности и ориентации душевных сил человека. Именно душевных, потому что даже тогда, когда душа служит телу, в нем необходимо воплощается ее состояние.

Душевное состояние воплощается не только в телесных, физических процессах, но и в любых высказываниях или поступках человека. Для утверждения, что поведение обусловлено внешними обстоятельствами, нет ни малейшего основания: ведь каждому известно, что в одной и той же ситуации действия разных людей могут быть совершенно различны. В то же время именно на внешнее

реагирует человек, совершая те или иные поступки, но реакция эта определяется не внешними событиями или обстоятельствами, а внутренним отношением к ним человека.

Отношение это зависит от характера, настроения и установок человека. Характер – это совокупность более или менее постоянных и выраженных нравственных качеств. Поэтому, спрашивая, что собой представляет тот или иной человек, в ответ чаще всего слышишь перечисление именно нравственных качеств: он добрый, честный, вспыльчивый, но отходчивый; немного ленив, но, начав дело, работает добросовестно и так далее.

Настроение – это всего лишь временный настрой на какое-либо определенное нравственное качество. Происходит он приблизительно так же, как настройка музыкального инструмента или радиоприемника на определенную длину волны. Человек, подобно камертону, отзывается, проявляет эмоциональную заинтересованность в том нравственном качестве, на которое настроен, и ищет причины как для удержания этого качества в своей душе, так и для его воплощения во внешнем мире. Настраиваются же обычно на то качество, которое по каким-либо причинам приятно человеку, по нраву ему. А установка – это решение следовать той или иной линии поведения, обусловленное опять-таки нравственными качествами.

Вот и получается, что, может быть и сам того не замечая или не сознавая, человек каждым своим поступком совершает служение тому или иному нравственному качеству. Человек может быть нравственным или безнравственным (добронравным или злонравным), но не может быть вненравственным. Поэтому любые действия и высказывания человека можно оценивать с самых разных точек зрения: насколько они приятны, полезны или удобны; свидетельствуют ли они о находчивости и уме; обнаруживают ли широту взглядов или высокую профессиональную подготовку. Но единственная оценка, которая должна быть дана рассматриваемым поступкам или высказываниям, независимо и помимо всего прочего, это их нравственная оценка, позволяющая сразу и без сомнений определить, чему они служат и к чему, в конечном счете, приведут.

Возможно это происходит потому, что в любом случае имеет место определяющая роль нравственных качеств, которые и можно без натяжек считать первичным, основным мотивом любого поведения. Цель и средства ее достижения практически всегда нравственно тождественны, и если ложь используется как средство достижения цели, то и сама цель, безусловно, ложна.

Правда, в реальной жизни при выборе поведения отмечаются и борьба, и сомнения.

Будучи всегда и безусловно свободен (свобода – это право выбора своего внутреннего отношения) и волен (воля – право выбора своего внешнего поведения), человек из различных вариантов поведения всегда пытается выбрать субъективно оптимальный. Именно этот вариант больше других нравится человеку, по нраву ему; иными словами – соответствует его нравственности.

Не мотивированных нравственностью поступков не может быть хотя бы потому, что все они совершаются по желанию или по потребности, а это и есть нравственные качества. Даже когда поступки объясняют влиянием подсознательного, природа мотивации поведения не изменяется.

Для того, чтобы это понять, необходимо рассмотреть подсознание в той его, очень незначительной, части, которая имеет прямое отношение к обсуждаемой теме.

Подсознание человека можно сравнить с содержимым подвала, в который складывают вещи безвредные, но почему-либо ставшие ненужными, или вещи опасные, могущие принести больший или меньший вред. Безвредные вещи либо валяются в беспорядке где попало, либо аккуратно сложены – это уже зависит от хозяина. Опасные вещи, в зависимости от степени их опасности, могут запирать в сундуки и сейфы, подключать к ним охранную сигнализацию, окружать проводами, по которым пропускают электрический ток и даже минировать подступы.

В психической жизни человека отбор того, что следует перенести в подсознание, определяет само сознание, а осуществлять этот перенос могут все уже названные силы души. Эти же силы удерживают содержание подсознания под замком. Да и внешние воздействия контролируются душой, и те из них, которые могут пробудить, освободить запертые в подсознание мысли, образы или грехи, – те воздействия отсекаются. Выражения “я не желаю это слышать (видеть, знать)”, “не напоминайте мне об этом”, “эта мысль мне неприятна (мучительна)”, “меньше знаешь – дольше проживешь” и другие, подобные приведенным, свидетельствуют именно о процессе контроля за содержанием сознания, за тем, чтобы ненужное сознанию оставалось в подвале подсознания.

Сам человек наполняет подсознание воспоминаниями, принятыми решениями, желаниями, которые он хочет спрятать подальше от самого себя, и заученными, доведенными до автоматизма, действиями. Кроме этого, помимо воли человека, участие в формировании подсознания принимают внушения косвенные или внушения в гипнотическом состоянии, а также мысли и желания влагаемые (всеваемые) в душу бесами. Их отрицательная нравственная ценность не подлежит сомнению хотя бы потому, что они не осмысливаются, не оцениваются сознанием и поэтому не могут служить человеку для достижения им определенной цели. Но бессмысленное и бесцельное не может быть хорошим, поскольку бесцельность и бессмысленность нехороши сами по себе.

Относить к подсознанию интуицию и инстинкты вряд ли целесообразно потому, что в норме они не являются содержанием сознания и, следовательно, не могут быть из него вытеснены. Интуиция – это внутреннее, эмоциональное восприятие и эмоциональная же оценка совершающихся, надвигающихся или планируемых событий, в которых человек так или иначе принимает участие; это результат работы эмоционального канала информации, и “выключать” этот канал так же нелепо, как и “выключать” зрение, если окружающее не радует глаз. Но даже, что бывает весьма редко, если эмоции доведены до сознания, тяготящими оказываются не они сами, а то, чем они вызваны.

Но вернемся к тому, чем наполняет подсознание сам человек и что всегда можно осознать самостоятельно или с посторонней помощью и изменить или выправить.

Легче всего осознается и изменяется то, что обозначено нами как “заученные действия”. Как правило, например, водитель, пользующийся постоянно одной и той же машиной, не контролирует сознанием усилия при торможении или переключении передач. Но, пересев за руль машины с иными габаритами и грузоподъемностью, он бывает вынужден осознать (извлечь из подсознания) свои действия и сознательно изменить их, а после приобретения необходимых навыков и изменения манеры вождения опять отправить в подсознание.

Доведение до сознания воспоминаний несколько усложнено, поскольку они уже могут быть тягостны для человека и, как следствие, нежелательны. Кстати, желание способно не только стремиться к чему-либо, но и отторгать, и поэтому словами “не желаю” правильнее обозначать отсутствие всякого желания, равно отвергающего реальность или устремляющегося к ней, а не желание отвергнуть что-либо.

Желания, осознаваемые человеком и скрываемые им в подсознании, имеют, как правило, отрицательный характер: будь они хороши, незачем было бы их скрывать. Это могут быть желания (грехи), которые человек хочет удовлетворить, но которые не хочет считать мотивом своего поведения. Другие желания (грехи) человек скрывает в надежде, что они не будут замечены окружающими и их легче будет воплотить. Есть также желания, с которыми человек согласен, но боится пагубных для него самого физических последствий их воплощения. Блудливый, например, и рад бы соблудить, но боится заражения венерическим заболеванием. Еще одна группа желаний слагается из грехов, с которыми человек категорически не согласен, к которым он сам относится с омерзением и изгоняет в подсознание, рассматривая это изгнание как способ борьбы с грехом. И, наконец, в подсознании скрываются желания, вроде бы и неплохие, но для реализации которых не хватает времени и сил. Если же вспомнить слова святых отцов о том, что все хорошее, но неуместное, несвоевременное и непосильное – от сатаны, то и эти желания приобретают совершенно определенную нравственную окраску.

Последняя из перечисленных слагаемых подсознания обозначена как “принятые решения (мнения, суждения)”. Что имеется в виду под этими словами, легче понять, рассмотрев простейший пример.

Предположим, молодой человек в своей жизни часто оказывается в ситуации, в которой только применение физической силы или ее демонстрация могут оградить его от неприятностей. Постепенно он может прийти к мнению о физической силе как о главном и чуть ли не единственном достоинстве мужчины. Стало быть, он должен непременно ею обладать, всемерно развивать и повсеместно применять. Вот решение и принято, и человек больше не загружает свое сознание размышлениями о том, что ему нужно делать. Остается лишь один вопрос: как делать.

Но с течением времени изменяются условия жизни. Меняется и сам человек. И привычная линия поведения уже мешает ему. Содержание сознания вступает в неочевидный, но имеющий далеко идущие последствия конфликт с подсознанием. Разрешить этот конфликт можно, только отыскав давнишнее решение, признав его ошибочность и несовершенство (исповедь), изменив отношение к нему (раскаяние) и приняв новое решение, соответствующее содержанию сознания.

Среди “принятых решений” особняком стоит весьма малочисленная группа, состоящая из того, что святые отцы называли залогами. По их мнению, человек не может не только избавиться от нападков того греха, залог которого он содержит в своей душе, но даже и ослабить эти нападки; устоять перед грехом может, а избавиться от нападков – никак. А залог – это всего-навсего принятое суждение (решение) о самостоятельной нравственной ценности тех предметов, состояний или действий, которые не обладают вообще никакой нравственной ценностью, которые ни хороши, ни плохи. Но если человек принял и отправил в подсознание суждение, согласно которому быть сытым – всегда, везде и безусловно – хорошо, то бес чревоугодия не отстанет от него. А хорошо ли быть сытым? Ценой лжи, воровства, предательства – безусловно плохо, а в результате гостеприимства или труда – хорошо и законно.

Как и все “принятые суждения”, залогов грехов подлежат исповеди и раскаянию. Но в еще большей степени человек нуждается в осознании и исповеди скрываемых желаний. Ведь независимо от причин сокрытия грехов в подсознании они пребывают в душе и, не будучи проявляемы, неизбежно соматизируются.

Плоха и опасна для человека открытая гноящаяся рана, но неизмеримо опаснее внутреннее нагноение, могущее вызывать общую интоксикацию, повышение температуры, поражение отдельных органов или проникновение гноеродных микробов в кровяное русло (заражение крови). Такая же разница между грехом скрываемым и исповеданным (обнаруженным).

Сказанное делает очевидным нравственное значение большей части содержания подсознания. Поэтому делается очевидным, что и мотивация поведения подсознательно также имеет нравственную природу.

Но нравственность – понятие собирательное, зависящее от совокупности и взаимодействия совершенно конкретных положительных и отрицательных качеств, от добродетелей и грехов. Говорить же, поскольку речь идет о болезнях, нам придется больше о грехах. Грех, возрастая и усиливаясь, поработает человеческую душу. Наиболее кратко и в то же время исчерпывающе рост их власти над человеком показан преп. Филофеем Синайским. Он говорит: *“Наперед бывает прилог (приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом сочетание (содвоение: внимание сквано предметом, так что только и есть душа да предмет, прираженный и ее занявший); далее сосложение (предмет, прираженный и внимание занявший, возбудил желание, и душа согласилась на то – сложилась); за сим пленение (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и, как рабу связанную, ведет к делу); наконец страсть (болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкой (к делам, коими оно удовлетворяется) ставшая чертой характера”*.

Сказанное им необходимо для противостояния греху. А для распознавания греха и оценки степени его влияния в мирской повседневной жизни представляется вполне достаточным учитывать три ступени роста греха.

На первой ступени внешняя реакция человека на окружающее соразмерна раздражителю: сильно обидели человека – он сильно обиделся, а слегка задели – и обида невелика. Вторая ступень характеризуется отсутствием указанной соразмерности: сильно обидели человека – он сильно обиделся, слегка задели – а он все равно сильно обиделся. А на третьей ступени – никто не трогает

человека, а он сам ищет, на что обидеться; он постоянно носит в себе обиду и только ищет предлог для ее проявления. Точно так же можно искать, на ком сорвать злость, чем похвалиться, по какому поводу поунывать. На этой ступени человек поработен грехом и фактически служит ему. Это и есть страсть, которой всегда следует страшиться.

Можно сказать, что греховностью человек устремляется во внешний мир, а конкретным грехом привязывается к чему-либо в этом мире.

Хочет собачка побегать, да привязана к своей будке. Рад бы человек в Царствие Небесное, да привязан своими желаниями к земному: к дому, детям, жене, даче, машине... Как раньше говорили, рад бы человек в рай, да грехи не пускают. Что же, и любовь к детям плоха и греховна? Любовь-то хороша и похвальна. Плохо отношение, которое сопутствует страсти, пристрастное отношение, влекущее за собой привязанность или зависимость. Не различают, к сожалению, люди любовь к детям и любовь к себе в детях. И не понимают, что их пристрастие, которое они называют любовью, на самом деле одно из проявлений самолюбия.

Во всяком случае, одно дело устремляться к миру с желанием, а другое – принимать мир с благодарностью, не привязываясь ни к миру, ни к своему в этом мире. Поэтому и сказано: “В терпении вашем стяжите души ваша”. Откуда стяжать-то? Да из мира, по которому они разбросаны грехами (желаниями).

Если сказанное позволяет оценить выраженность греха, то для его распознавания совершенно необходимо давать нравственную оценку поведению человека: по высказываниям, действиям и целям, которые он перед собой ставит.

В связи с этим много раз приходилось слышать: “Ах, не судите! Ах, не осуждайте! Ах, все люди хорошие! Ах, ах, ах...” Но... В-первых, Церковь учит, что каждый человек грешен. Во-вторых, суд предполагает вынесение обвинительного или оправдательного приговора, а, значит, не судить – равно не обвинять, но и не оправдывать. Те же, кто допускает приведенные высказывания, как правило, грешат, стремясь оправдать человека, которого уже судили, сами того не замечая. А как же быть с прощением? Но прощение – это отказ от компенсации причиненного вреда, а отнюдь не снятие вины, не оправдание. Снимает вину только помилование, а прощение оставляет ее на человеке и совершенно не обязательно предполагает возобновление или поддержание с человеком каких-либо отношений. В-третьих, судить не должны мы сами, своим судом. А вот пользоваться судом Евангельским мы просто обязаны, если мы православные. И в Евангелии от Иоанна прямо говорится: “Не судите по наружности, но судите судом праведным”. Наружность – это внешние поступки, далеко не всегда свидетельствующие о расположении человека, а именно эти расположения подлежат суду. И такой суд безусловно праведен. Правда и та, что судья должен знать законы, по которым судит, и иметь опыт ведения судебных дел.

Наконец, четвертое. Следует сказать, что, хотя видение греха и позволяет впасть в осуждение, пагубно именно осуждение, и только оно одно, ибо страждущий страстью осуждения, даже не разбираясь в грехах, всегда найдет, за что осудить человека. Видение греховного (недолжного) поведения человека ставит его по отношению к нам в положение должника. И наше отношение к согрешающему человеку (к должнику) может позволить или воспрепятствовать нам произнести слова: “и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”.

Вот и получается, что видение своего или чужого греха отнюдь не вредно для человека.

Воплощение же греха, проявления его в материальном мире могут быть весьма разнообразны. В первую очередь, это слова и поступки, свидетельствующие о расположении, характере или настроении человека. Но внутреннее состояние обнаруживается (выходит наружу) не только в них. Мимика, жестикуляция, походка, речь – это тоже формы воплощения и тоже дают возможность судить и о характере в целом, и об отдельных его чертах.

Возможно, сказанное показалось несколько непривычным. Но ведь никого не удивляют одинаковые мимика и жесты у людей разных, но пребывающих в одинаковом эмоциональном состоянии. При этом мимика и жесты настолько специфичны для того или иного качества, что их наличие легко позволяет различать невидимые глазом эмоциональные состояния и черты характера. Св. Макарий Великий прямо говорит, что “все видимое только тень невидимого в душе”. Так, например, застенчивость часто проявляется тем, что человек ставит стопы ног при ходьбе носками внутрь, а склонный к самолюбию избыточно выворачивает их наружу; сосредоточенности, напряженности мысли сопутствуют вертикальные складки в центре лба, а горизонтальные складки на лбу говорят об эмоциональной напряженности. Скрещенные на груди руки (“наполеоновская поза”) обычны для людей самоуверенных, самонадеянных; пассивное склонение набок головы при нормальном зрении может свидетельствовать о самолюбии с оттенком саможаления или о любовании делом рук своих (свойственно художникам этакое самоумиление), а активное склонение головы набок, попытка как бы посмотреть на человека сбоку-снизу, отмечается при преобладании испытующе-задиристого настроения; выпячивание вперед тазового пояса – о задиристости и т.д. Таких внешних признаков внутреннего состояния достаточно много.

Но мимика сама по себе не нарушает функций организма и не может рассматриваться как повреждающий здоровье фактор. Греховные слова и поступки также не являются болезнетворными и влекут за собой большей частью внешние нежелательные последствия. Есть еще одна форма воплощения греха, которая чаще всего и бывает причиной разнообразных заболеваний. Это воплощение греха в физическом теле человека через изменение деятельности нервной системы и эндокринных желез, изменение биохимических процессов и, в конечном счете, всего, что составляет человеческую плоть.

Точность и тонкость саморегуляции человеческого организма до сих пор не познаны материалистической наукой и детально ею описаны быть не могут несмотря на все ее успехи. Наука и не пыталась никогда экспериментально проследить изменения, совершающиеся в организме под влиянием того или иного настроения. Точно так же наука не пыталась выявить преобладающее настроение, общее для больных с одним и тем же диагнозом, хотя располагает необходимыми для этого методами обследования больного. Одной из причин этого, быть может, является исходно материалистическая ориентация науки, которой совершенно не учитывается главенствующая роль души в ее взаимодействии с телом, хотя результаты этого взаимодействия сами собой говорят именно о таком характере их взаимоотношений.

Возьмем, например, гипертоническую болезнь. Такое качество, как самоуверенность видимой связи с ней, во всяком случае на первый взгляд, не имеет. Но не изменение сосудов приводит к повышению артериального давления, а увеличение объема крови, проходящей по ним за единицу времени. Усиливается, как правило, кровоснабжение того органа, который напряженно работает. В рассматриваемом случае преимущественно усиливается кровоснабжение головного мозга. Это, правда косвенно, подтверждается тем, что чаще всего гипертоническая болезнь осложняется нарушением целостности сосудов именно головного мозга; это означает, что именно функциональная нагрузка головного мозга требует увеличения кровотока. А вот избыточные нагрузки своему мозгу дают самоуверенные люди, которые берутся за решение или слишком многих, или неразрешимых вопросов. Мозг работает на пределе своих возможностей, а решение поставленных вопросов все никак не приходит. Послушное душе тело изменяет работу не только мозга, но и сердечной мышцы, болевых рецепторов, изменяет деятельность и кровеносных органов. И Бог знает, какие еще изменения в организме происходят под влиянием самоуверенности.

Теми же путями, но с противоположным результатом, действует на тело и в теле душа, страдающая унынием. Душа считает, что нечего и трудиться, если все равно не будет так, как ей хочется, и у человека, у его тела, опускаются руки вследствие снижения активности мозга, гипотонии, гипотермии, повышенной утомляемости. Все это может наблюдаться при депрессии, одной из форм которой является уныние.

Но грех не только усиливает или ослабляет деятельность организма. Достаточно четко прослеживается связь между греховным настроением, которое предполагает совершенно определенный характер деятельности во внешнем мире и органом или функциональной системой, осуществляющими сходную деятельность в здоровом организме.

Так, злость стремится разрушать все, что человек считает нежелательным, неприятным или вредным для себя, а назначение печени, помимо всего прочего, – расщепление (разрушение) веществ, которые неприемлемы (неприятны) для организма, которые могут повреждать организм или мешать его работе и, вследствие этого, нежелательны. И у людей, страдающих злостью, заболевания печени возникают слишком часто для того, чтобы считать это совпадение случайным.

Возможно, подобная связь существует между выдержкой, которая, фигурально выражаясь, препятствует оттоку греха во внешний мир и функцией желчного пузыря, который регулирует отток желчи в желудочно-кишечный тракт. В этом случае выдержка вполне может оказывать отрицательное влияние на функциональное состояние желчного пузыря. К сожалению, обратимые функциональные нарушения слишком часто переходят в необратимые, органические не только в данном случае.

Уместно заметить, что выражение “желчный характер” подразумевает именно те связи, о которых только что шла речь. Материалист считает первичными функциональные нарушения, а формирование сознания вторичным. Иначе и быть не может, если душа всего лишь нематериальный продукт материальной деятельности материального мозга. А для православного человека несомненна первичность духа и вторичность материи. Как следствие этого душевным состоянием определяются материальная деятельность человека и материальные процессы в его организме, а не наоборот. Следует отметить, что в приведенных примерах речь шла не о значении для человека душевной и телесной деятельности, не об ее результатах, а о самом общем сходстве характера этой деятельности.

Кстати сказать, святые отцы местопребыванием плотских желаний считали почечную область, в которой расположены надпочечники, вырабатывающие гормоны, необходимые для совершения любой желательной плотской деятельности, а выносливость, по некоторым другим источникам, связана с функциональным состоянием селезенки.

Еще одну вероятную причину целенаправленного воздействия души на состояние тела можно условно обозначить как попытку обоснования греховного поведения и оправдания телесным состоянием недолжного душевного расположения.

Простейшей иллюстрацией этого может служить давным-давно известная симуляция. Если эта симуляция носит длительный характер, то тело как бы вживается в болезнь, воспроизводя ее симптоматику. Условная заинтересованность в наличии болезни может проявляться в усилении жалоб, несоответствующих объективному состоянию больного. Жалобы эти сначала могут иметь общий характер, но с течением времени конкретизируются по мере того, как тело послушно подбирает то, к чему стремится душа, что является для души условно желательным. Возникают сначала функциональные нарушения, которые постепенно приводят к органическим повреждениям.

В этом случае симуляция перестает быть примитивной. Не носит она и поверхностный, надуманный характер, как это бывает при истерии. Тело человека, вживаясь в болезнь, воспроизводит уже не болезненные ощущения, а болезненные процессы, отражением которых являются жалобы больных. В этом случае уже нельзя говорить о симуляции в строгом смысле этого слова, поскольку болезнь не столько изображается, сколько переживается.

Во всех случаях взаимодействия души и тела человек даже не задумывается о том, что ему нужно как-то изменить деятельность организма в целом или отдельных его органов. Тело, не имея своего собственного, телесного рассудка, не осмысливает состояния души, но под его влиянием необходимо и неуклонно изменяет свое состояние, всю свою деятельность; оно повинуетея душе, даже если это ведет к перегрузкам или самоповреждению как во внешней, так и во внутренней деятельности.

Наличие в душе противоречивых тенденций только усложняет стоящую перед телом задачу и увеличивают вред, причиняемый ему душой. Можно ли сказать, что человек хочет повредить телу? Нет, конечно. Но его скрытые в подсознании мысли и желания, его грехи сами по себе, по своей природе вредоносны. Ох, уж эти сокровенные мысли и желания... Именно о них св. Макарий Великий говорил, что это змий, “который таится под самым умом, во глубине помыслов, гнездится и умерщвляет тебя в так называемых тайниках и хранилищах души; потому что сердце есть бездна...”

К сожалению, далеко не всегда острое или хроническое воздействие греха на человека может получить хоть какое-то логическое обоснование. Иногда приходится ограничиваться констатацией этого воздействия, как, например, в случае “медвежьей болезни”. Но

почему и какими прочными, хотя и невидимыми, нитями связана трусость (испуг) с деятельностью кишечника, вряд ли кто-нибудь может объяснить.

И все-таки люди не хотят расставаться с грехом, а ищут только возможности уклониться от его последствий, от плодов греха. Идеально эту позицию формулируют алкоголики: “Ты, доктор, сделай так, чтобы у меня печенка не болела, а выпивать чтобы я мог. И будешь ты мне лучший друг и товарищ”. Но, при внимательном рассмотрении, оказывается, что наличие греховного желания гораздо более значимо для человека, чем приятность его удовлетворения. Не имея возможности удовлетворить греху, человек ищет такую возможность и при этом ощущает, что жизнь наполнена смыслом; человек знает, для чего живет. Фактически людям дорого не то, что они желают, а сами желания (грехи). А утрата собственно желания вызывает в душе ощущение пустоты и некоторой растерянности, возникающее из-за лишения того, что человек любил и для чего жил. Св. Макарий Великий прямо говорил, что люди любят именно славу, гнев, шутки, сквернословие, сон, нерадение, а не их проявления. Этой-то любовью люди и привязываются к земному, и о ней святые отцы сказали: “Будь проклята та любовь, которая уводит от Бога”.

Грехи могут быть практически всеобъемлющими или очень узко направленными. Жадность, например, может касаться практически всего окружающего и может быть направлена только на коллекционирование марок. В этом случае вся сила жадности обращается на собирание коллекции, а во всем остальном человек может быть вполне бескорыстен. Разумеется, что причиной коллекционирования может быть и любознательность, и другие качества, но сейчас рассматривается только жадность, которая как бы заключается в определенные рамки, ограничивается. Точно так же могут допускаться, но ограничиваться проявления других черт характера. Человек может весь день воздерживаться от пищи, а вечером наесться, как говорится, “до отвала”. В этом случае нет и намека на воздержание, а только ограничение чревоугодия во времени. Нетерпение тоже может ограничиваться: терпеливо выслушиваются любые благоглупости руководства, а мнение подчиненных, даже вполне разумное, наталкивается на протест.

Следует учитывать, что человек может относиться с нетерпением не только к предметам и явлениям, но и к сопутствующим им факторам или даже к ощущениям, которые об этих факторах напоминают и в которых нет ничего плохого.

Весна, например, это время пробуждения природы, время цветения, но это и время экзаменов для учащихся. Протест против вероятного провала на экзамене или против необходимости сидеть над книгами в хорошую погоду, не будучи устранен (раскаянием), подавляется и загоняется в подсознание, а протест устремляется если не на цветы, то хотя бы на их запах. Поскольку протестовать против цветения и запаха цветов нелепо, а устранить этот запах своим напором просто невозможно, то и этот протест не обнаруживается, а соматизируется. Вот и готова почва для аллергических реакций с астматическими явлениями, и страдает от них “терпеливый” (а правильнее – выдержанный) человек, который пытался противостоять нетерпению, но не знал, что грех врачует исповедью, обнаружением.

В жизни пути формирования аллергических реакций могут быть гораздо более причудливыми, сложными и протяженными. Сознание, как правило, препятствует их выявлению, которое в обычных условиях у неправославного человека практически возможно только при выключении или снижении контроля сознания.

Следует заметить, что грехи, даже при их соматизации, совершенно не обязательно являются прямой причиной того или иного заболевания, хотя изменения во внутренней среде организма возникают всегда. Эти изменения могут снизить сопротивляемость организма микробам или увеличить срок заживления ран, что способствует различным осложнениям.

Так, например, у сладкоежек (гортанобесие) чаще и легче возникают гнойничковые заболевания кожи, а страдающий общим или ограниченным безнадеем создает у себя в организме условия, “комфортные” для возбудителей туберкулеза. Подобные изменения в организме простираются настолько далеко, что польские венерологи в свое время высказали, правда, очень осторожно, предположение о том, что для заражения сифилисом не бытовым, а половым путем необходима внутренняя готовность заболеть.

Отказ науки от признания роли внутреннего мира человека и его эмоций в возникновении и течении болезни проявился даже в учении о самих эмоциях. В учении Селье об эмоциональном стрессе внимание обращается больше на внешнюю ситуацию и внешнюю же реакцию организма, а не на душевную внутреннюю причину, которая делает внешнюю ситуацию стрессовой. Эмоциональное напряжение может быть весьма выражено, но оно является следствием любого греха. Понятно поэтому, что для жадного стрессовой будет одна ситуация, а для трусливого совершенно иная. Отсюда делается понятным, почему под влиянием этого самого “стресса” возникают или обостряются столь разные заболевания.

Роль именно внешних неблагоприятных обстоятельств, внешних факторов в развитии болезни, скорее всего, сводится к общему, недифференцированному ослаблению организма, который делается менее устойчивым по отношению к болезнетворному воздействию того или иного греха.

И, напротив, благоприятные внешние факторы в очень незначительной степени содействуют устранению причины болезни и совершенно необязательно приводят к выздоровлению, хотя их положительную роль нельзя недооценивать. Более того, воздействия, повышающие энергетическую насыщенность организма, позволяют усилиться некоторым греховным устремлениям человека, что приводит только к дальнейшему ухудшению состояния здоровья. Видимо, именно поэтому пребывание на южном солнце может резко ухудшить состояние онкологических больных или больных туберкулезом.

Кстати, уж коль скоро зашла речь об эмоциональном стрессе и об эмоциях, хотелось бы уточнить, какой смысл вкладывается в эти слова. Эмоции, по сути своей, это ощущения души, душевные чувства. К ним относятся страх, радость и прочие ощущения, о которых речь пойдет в свое время.

Но душевные чувства недопустимо и ошибочно отождествлять с тем, чем они вызываются. Поэтому представляется не совсем правильным, говоря о чувстве любви, ненависти или жадности считать, что сама любовь или ненависть являются душевными чувствами. Душа способна ощущать эти нравственные качества точно так же, как глаз способен воспринимать форму и цвет, а ухо –

воспринимать звуки. Но способность видеть – совсем не то, что человек воспринимает (ощущает) зрением. Так же и душевные чувства (ощущения): душа незримо ощущает незримую любовь, но это ощущение не есть любовь, а только ощущение любви.

И если эмоции просто душевные ощущения, то эмоциональный стресс – это ощущения, непосильные для души и нарушающие ее деятельность точно так же, как слишком сильный свет нарушает зрение, приводя ко временной или постоянной его утрате.

Что же касается грехов, которые человек не прячет и не подавляет, то они, как правило, ведут к нарушениям не телесной, а психической деятельности и являются предметом заботы психиатров.

Любой психиатрический диагноз ставится на основании оценки эмоционального состояния, мышления и поведения человека. О наличии любого психического заболевания говорят различные нарушения психической деятельности человека, различные симптомы, достаточно специфичные для каждой болезни и давно хорошо известные. Кроме этого, давно описаны черты характера заболевших, которые были им свойственны до начала заболевания. В процессе болезни и под ее влиянием симптомы усиливаются и характерологические черты заостряются. Но болезненный процесс начался не с момента появления симптоматики, а привел к ее появлению. Заключается же этот процесс в постепенном усугублении черт характера.

Из сказанного проистекают два способа определения (нахождения) нравственных качеств, приводящих к заболеванию той или иной болезнью.

Первый способ заключается в рассмотрении черт характера и выделении тех из них, которые отмечаются практически у каждого больного данной болезнью. Скорее всего, они и окажутся причиной болезни.

Второй способ состоит в отделении симптоматики, позволяющей поставить диагноз, от симптоматики, позволяющей только предположить заболевание или уточнить уже поставленный диагноз. Затем отыскиваются те качества, которые воплощаются в симптомах, позволяющих диагностировать данное заболевание. Эти качества и являются причиной симптомов, из которых складывается картина заболевания, складывается болезнь.

Добросовестно проделать подобную работу было бы полезно для любого психиатра, если бы не мешал сугубо материалистический характер их образования и запрет на попытки сделать поведение и высказывания больных психологически понятными. Сказывается и отсутствие навыка в соотношении симптомов болезни и описания греховного поведения.

Взять хотя бы истерию. Во всех учебниках и научных трудах красной нитью проходит описание “театральности”, нарочитости поведения истерика, описание поиска истериком зрительской оценки. По мнению святых отцов, все это поведение свидетельствует о тщеславии, которое считается одним из тяжчайших грехов. А психиатры этого не видят, и даже архимандрит Киприан в своей работе “Пастырская психиатрия” считает возможным заявить, что “аскетику в сущности не интересуют: навязчивые идеи, фобии, неврастения, истерия и т. д.”. Что же тогда говорить о шизофрении, клиническая картина которой значительно сложнее, а причины неизвестны?

Да и нужно ли, если поведение и высказывания больного шизофренией не говорят, а кричат о его величии. Величие это мнимое, поскольку объективных подтверждений этого величия нет, как нет чаще всего даже просто предпосылок для переживания собственного величия. Но логической коррекции высказывания больных не поддаются, поскольку они желают соотносить свои высказывания не с объективной реальностью, а со своими субъективно приятными (лестными) мыслями и представлениями. В конечном счете именно желаниями больного обусловлено его неправильное поведение и иные проявления болезни. Соотнести высказывания и поступки больного с такими качествами, как самомнение и мечтательность, достаточно просто, но этого нельзя делать, оставаясь в рамках ортодоксальной психиатрии. Сказанное относится и к прочим нарушениям психической деятельности. Странная вырисовывается картина: шизофреники игнорируют реальность материального мира, а психиатры вынуждены пренебрегать реальностью мира душевного для того, чтобы не отпасть от материалистических установок в науке, не отпасть от науки. Ведет это к тому, что и шизофреник, и психиатр равно лишены целостного восприятия реальности и возможности дать ей адекватную оценку.

Врач П. Малиновский в 1847 г. писал: “Кто хочет видеть страсти человека без маски, не стесненные ни приличиями, ни условиями общества, ни инстинктивной стыдливостью, ни заученным лицемерием, тот пусть отправляется в дом помешанных, и там первая, самая резкая и общая замечательность, которая поразит его, это “я!”. “Я” – выражение эгоизма, основной страсти человеческой просвечивается везде, и ограниченно помешанный твердит: “Я богач”; “я гений”; “я царь”; “я избавитель человечества”; “я великое существо”. И в общем помешательстве, между потоком галиматши чаще всего слышится заветное: “я” – и у людей, пораженных глупостью, беспрестанно вертится на языке хвастливое, смешное “я!”. Во всех видах помешательства является “я” обнаженное, без всякого благовидного покрова и выдается, как поврежденная пружина, около которой живут и вертятся другие страсти, около которой вращается все существование человека”.

П. Малиновский жил и трудился в стране, которая еще была православной, но из его описания “дома помешанных” уже не совсем ясно, считает ли он страсти апогеем грехов и рассматривает ли их как причину болезни или только как ее следствие. Вообще-то было бы довольно странно, если бы инфекционное, травматическое или иное поражение мозга расценивалось как причина возрастания гордости, злопамятства, жадности и прочих грехов.

Между прочим, описание “дома помешанных” вполне применимо для описания жизни современного нам общества, в котором страсти тоже выступают без маски, не стесненные ни приличиями, ни условиями общества, ни... стыдливостью. Можно даже, без всяких гипербол и аллегорий, сказать, что мы живем в “мире помешанных”.

В таком “с ума сшедшем” мире православный христианин, пытающийся сохранить стыдливость и противостоять страстям, рано или поздно будет признан не соответствующим общепринятым нормам, будет признан ненормальным и окончательно не только

отвержен, но и исторгнут миром, но ни в коем случае не побежден им. Христианин может быть побежден только в том случае, если он сам отторгнется от православия, но для этого не бывает иных причин, кроме устремления ко внешнему.

Что касается детских болезней, то о причинах их возникновения следует говорить отдельно: с одной стороны, дети сами по себе безгрешны и даже не ходят на исповедь до достижения сознательного возраста, а с другой стороны, за грехи родителей им воздается до третьего поколения. Означает ли это, что один человек наказывается за преступление другого? Отнюдь нет. Дети страдают не за то, а потому, что их родители повредили свою душу и тело грехом, и это поврежденное состояние родителей сказалось на формировании и развитии детей.

Иллюстрацией этого может служить то, что происходит с детьми алкоголиков: не по воле врача дети становятся инвалидами и не за то, а вследствие того, что родители не соблюдали советов врачей. В Священном Писании говорится о воздаянии потомкам, но не в качестве угрозы, а предупреждения, в надежде, что напоминание о болезнях детей хотя бы приостановит рост родительской греховности. Не Бог наказывает, а грех привносит в естество ребенка болезнь.

Помимо рождения уже больных детей, родители обязательно передают потомству черты своих характеров, как положительные, так и отрицательные; последние, по мере своего роста, могут в дальнейшем привести к заболеваниям.

Но бывает, что болезнь вызывается не ростом греха в развивающемся ребенке, а в результате непосредственного эмоционально-нравственного влияния родительских грехов, которое осуществляется помимо воли родителей и независимо от нее, и начинает сказываться на ребенке еще в период внутриутробного развития. Любые постоянные душевные качества родителей и их временные настроения оказывают влияние на формирование ребенка, оставляя след в его душе; и таким образом действуют качества не только родителей, но и всякого человека, в обществе которого ребенок проводит достаточно много времени, будь это бабушка или воспитатель в детском саду.

Все, что сказано о взаимодействии грехов и болезней ни в коем случае не следует рассматривать как попытку доказать, что какая-либо определенная болезнь всегда является следствием определенного греха; что какой-либо грех вызывает только одно заболевание и никакое другое; что наличие греха обязательно ведет к заболеванию.

Изложенное выше только показывает несомненное наличие связи между грехом и болезнью. Следовательно, возникновению болезней способствует все то во внешнем мире, что служит узакониванию, восхвалению и распространению греха, что напечатлевает греховные образы и мысли в душах людей или прямо понуждает людей к согрешению. Отыскать все это предельно просто: нужно только дать нравственную оценку лозунгам и программам различных партий, скандальным сведениям о личной жизни политиков и актеров, содержанию телепередач и печатной продукции... Все, чем наполнена окружающая нас действительность, необходимо давать нравственную оценку, и тогда, хотя бы общих чертах, будет ясно, кто и каким способом содействует греху, искореняя остатки православия, отнимая незаметно и постепенно остатки веры.

Не могу не привести слова протоиерея Е. Попова, почетного члена СПб Духовной Академии, сказанные им в 1901 г.: “Отнимите у народа церковные праздники, троньтесь и воскресного дня, и – тогда в народе будет забит дух веры и богобоязненности; тогда народ наш очерстует духом и с ним повторится то же, что за границей, где массы людей заняты одним материальным благосостоянием и ведут “борьбу за существование”. – Тогда народ будет близок к тому, чтоб совсем выродиться”. К этому, усилиями атеистической власти, мы и пришли в году 1999.

О ГРЕХЕ

При всем разнообразии грехов, вне зависимости от их проявления в жизни и положения на древе греха, для их совершения необходимо наличие *греховности*. Греховность – это возникшее при совершении первородного греха нашими прародителями и ставшее привычным обращением внимания и желания к внешнему как к цели, а не как к средству ее достижения. Греха без греховности быть не может. Сказанное ни в коем случае не означает, что жизнь и деятельность в мире необходимо греховны и для спасения души необходимо изображать из себя какого-то полумонаха, изрекающего трафаретно благочестивые фразы. Мирская жизнь, слагающаяся из служения Богу и людям, вполне может рассматриваться как благочестивая и спасительная.

Чем большей желательной и мыслительной силами одарена при создании душа человека, тем более напряженной будет и его греховность, и тем больше вероятность совершения человеком конкретных грехов. Соотношение общей греховности и конкретного греха можно уподобить соотношению между давлением жидкости в трубе и ее прорывами в слабых местах: такой прорыв более вероятен при высоком давлении и совершенно невозможен, если давления нет. Понимание этого отразилось в поговорке “Где тонко, там и рвется”. “Починка трубы” в данном конкретном месте не устраняет возможность аварии, пока сохраняется давление. Точно так же человек, чья греховность воплощалась в чревоугодии, может “починить” трубу и ограничить прием пищи, но тогда греховность “прорвет трубу” раздражительностью, жадностью, а “починка” в этих местах прорвет ту же самую “трубу” тщеславием, самолюбованием и проч. Так будет продолжаться до тех пор, пока греховность наличествует.

Человек, для которого нравственные ценности являются первостепенными, разумеется, тоже обращает внимание на внешнее, но только *как на средство* выполнения им заповедей. Он не устремляется к внешнему с вожделием и протестом, а с терпением принимает окружающее. Для всех остальных внешнее или какая-то его часть является самостоятельной и окончательной целью. В связи с тем, что большинство людей действует без учета нравственной ценности своих поступков, поступки закономерно оказываются безнравственными зло-, а не благонравными.

Всякий человек состоит из души и тела, которым душа пользуется для достижения желаемого или потребного. Различие в природе души и тела, разумеется, влечет за собой различие в том, что потребно для их существования, здоровья и жизни. Материальное тело, естественно, стремится к материальному миру, который необходим только для поддержания его существования, а душа, также естественно, стремится к духовным ценностям, которые необходимы для поддержания ее жизни, точно так же, как пища и питье – для поддержания жизни телесной.

По устройству телесному человек весьма близок к бессловесным существам, а по устройству душевному резко отличается от них не столько наличием интеллекта, сколько способностью различать добро и зло. Поэтому справедливо говорить, что человек, круг интересов которого ограничен удовлетворением физиологических потребностей, живет животной жизнью, как животное. К физиологическим потребностям относятся не только потребность в пище, питье и воспроизведении, но и потребность видеть, слышать, обонять, осязать и ощущать свое собственное тело. Но телесные ощущения не способны насытить душу, и само душевное устремление к ним об этом свидетельствует, ибо сытый человек не ищет пищи. Поэтому желание сделать эти ощущения более тонкими и разнообразными при помощи искусства, скорее свидетельствует не о наличии духовных интересов и не о богатой душевной жизни, а о желании сделать более утонченными, эстетизировать животные потребности. Именно удовлетворению животных, а не душевных потребностей и служат современные телевидение, кино, театр, живопись и литература. Удовлетворение потребностей и услаждение этим удовлетворением свойственно не только человеку, но и любому животному. Человеку свойственно во внешнем мире стремиться к тому, что напечатлевается в его душе через органы чувств его же вниманием и желанием, ему всегда свойственно воплощать в жизни свое внутреннее расположение.

Таким образом, можно сказать, что всякий грех является воплощением греховности, воплощением устремленности желаний и внимания человека ко внешнему. Будучи направлен на внешнее и во внешнее, всякий грех представляет из себя ту или иную форму самоутверждения человека в окружающем мире, способ расширения границ своего влияния и возможностей. На границе между сферой влияния человека и остальным миром обычно возникают неприятные, ему неподвластные ситуации, возникают конфликты. Расширение сферы влияния позволяет включить в нее конфликтные зоны и тем самым разрешить возникшие конфликты.

Но при расширении сферы личного влияния увеличивается протяженность ее границ и неизбежно возрастает число возникающих конфликтов. Поскольку такое “расширение” используется для получения приятных ощущений, постольку вредность греха не сразу делается очевидной. Святые отцы говорят, что всякий грех либо льстит душе, либо ласкает тело; что всякий грех сладок и приятен, а плоды его горьки, отвратительны и непереносимы. При совершении любых поступков человек руководствуется либо нравственными соображениями, и ищет душевной пользы, либо, условно говоря, пренебрегает нравственностью. Условно – только потому, что его поведение все равно определяется нравственными качествами, но отрицательными (ложь, жадность, хвастливость и т.д.). При этом он как в одном, так и в другом случае, приобретает навык в совершении определенных поступков, они делаются для него привычными.

В связи с тем, что в природе человека заложено свойство склоняться к добру, многие люди, приверженные к тем или иным грехам, пытаются доказать, что в грехе нет ничего плохого, поскольку признав его худость, они уже не смогут бездумно рабствовать греху. Другие люди просто не отмечают в себе наличие греха, желая его не видеть и не противостоять ему. Как правило, это относится к тем грехам, которые сделались настолько обычными для человека, что им уже не замечаются. Поэтому отрицание человеком какого-либо греха в себе рассматривалось святыми отцами как неоспоримое свидетельство наличия и выраженности в нем именно отрицаемого им греха. Оправдывая свои грехи, люди часто ссылаются на их естественность и, следовательно, законность согрешений.

Несостоятельность такого утверждения делается очевидной даже при самом поверхностном рассмотрении того действия, которое оказывает грех на душу человека, на человека в целом. Например, обидчивость сопровождается эмоциональным состоянием, которое характеризуется зависимостью, напряженностью, смущением, сомнениями, стыдом и страхом. Но этот же эмоциональный фон сопутствует и трусости, и хвастливости, и жадности, и всякому другому греху. Вызывается это эмоциональное состояние только у тех людей, у которых естественная душевная чувствительность не притуплена грехом, у которых душа сохранила способность ощущать и, следовательно, сохранила еще жизнь, ибо все живое ощущает, а теряет эту способность – умершее. Очерченное эмоциональное состояние можно обозначить одним словом – дискомфорт. Выраженный дискомфорт можно обозначить словом “боль”, длящуюся боль – словом “болезнь”. А завершение болезни – смерть, если не наступает выздоровления.

То, что естественно для какого-либо живого существа, не может вредить ему: рыбам не вредит пребывание в воде, кактусам не вредит засушливый климат, а камышу – постоянное пребывание в болоте. Поэтому, если бы грех был естественным для человека, то не приносил бы ему ни болезней, ни неприятностей. Привыкший удовлетворять греху человек легче удостоверится в пагубности греха, наблюдая за другими людьми, и с большими трудностями, при наблюдении за самим собой.

Всем известно, какие мучения, проистекающие не от трезвости, а от неудовлетворенного пьянства испытывает алкоголик. Но подобные же мучения приносят человеку и неудовлетворенные блудливостью, чревоугодием, хвастливостью, самолюбованием, жадностью и прочее. Зависимость страстного человека от возможности удовлетворять преобладающей страсти, весьма вероятно, принимает участие в формировании адских мучений, ибо лишенная тела душа, поработанная при земной жизни грехом, испытывает мучения из-за страстей, которые уже невозможно удовлетворить прямо или хоть чем-то компенсировать.

Эти мучения, по-видимому, и в этой жизни, и в загробной нельзя объяснить мучениями стыда или совести, так как и стыдливость, и совесть являются качествами положительными и по природе своей доставлять человеку мучений не могут так же, как не могут мучить человека доброта, вежливость, терпение и другие добродетели. Нельзя также считать, что причиной возникновения и роста греха являются окружающие человека вещи и явления, ибо практически все, что окружает человека, не является плохим само по себе. Даже о вещах, которые общепринято считаются причиной греха. Святые отцы говорят, что нет плохого ни в вине, ни в женщинах, ни в деньгах, а что плохо злоупотребление ими. При этом, само собой разумеется, что злоупотребление не является ни греховным, ни предосудительным.

В то же время все, что традиционно считается хорошим, то есть поступки или вещи, делается плохими, если совершается или употребляется незаконно, неуместно, несвоевременно или непосильно. Святые отцы прямо говорят, что все хорошее, если оно не к месту, не ко времени или непосильное – от сатаны.

Всякий грех является качеством отрицательным. Законность и обоснованность такого наименования обусловлены тем, что, несмотря на видимую распространенность, грех не существует сам по себе. Он существует только как *отрицание* какой-то добродетели, как отрицание положительного качества. И, действительно, солгать о чем-то человек может, только если ему известна правда и если он отрицает правдивость. Точно также скупость является отрицанием щедрости, если человек имеет физическую возможность быть щедрым, но бедняк, готовый помочь и отказывающийся в подавании, так как не имеет просимого, не может быть обвинен в скупости.

Из этой природы греха проистекает странный на первый взгляд вывод: **чем больше грехов у человека и чем в большей степени они выражены, тем более душа человеческая при создании была одарена добродетелями, которые отвергаются, отрицаются грешащим человеком.** Как естественное благонравие толкает неразборчивого человека на оправдание греха, так и противоестественное злонравие обнаруживается тем, что человек борется с грехом. Не будет человек безразличным к выпивке прикладывать усилия, чтобы удержаться от нее, нет нужды свободному от болтливости удерживаться от многословия; скромный избавлен от необходимости бороться с желанием привлечь к себе внимание. И, говоря в общем, **каждый человек, не склонный ко греху, не имеет нужды ему противостоять, ибо нелепо воевать с тем, чего нет, с отсутствующим противником.** Поэтому необходимость для каждого человека противостоять греху, прежде всего, свидетельствует о его греховности, о его худости, от которой не свободен ни один человек. Поэтому человек, утверждающий, что он успешно борется с грехом, что он не согрешает делами и потому считающий себя благонравным, добродетельным, глубоко заблуждается. Святые отцы говорили, что чревоугодник осуждается безусловно, но что точно так же осуждается тот, кто не чревоугодничает (по каким-либо причинам) и жалеет о невозможности чревоугодничать.

Человек во внешнем мире всегда претендует только на то, на что считает себя имеющим право. Иллюзию такого права дает человеку гордость. Гордость – это первый грех, им согрешил Денница когда, будучи тварью, решил обходиться без Творца и счел себя самостоятельным источником того, что ему желательно. Этот грех повлек за собой возникновение множества других грехов, которым сатана научил и которыми соблазнил значительную часть ангелов и наших прародителей. Грехи эти множились и ветвились. Именно поэтому святые отцы считают гордость стволом дерева греха, от которого произрастают все остальные известные грехи. При рассмотрении древа греха делается понятным, почему один и тот же конкретный недолжный поступок может быть обусловлен различными отрицательными качествами (грехами). Все грехи соблазняют людей временной приятностью, и, обращая внимание к временному же, не позволяют увидеть вечные последствия согрешений. Но наиболее коварными можно считать в этом плане такие грехи, как терпимость, выдержка и самооправдание.

Выдержка не позволяет человеку увидеть его внутреннее греховное расположение, поскольку он обращает внимание на отсутствие греховных дел или поведение (внешнее). Самооправдание не позволяет человеку признать греховность своего поведения и попытаться выправить его (исповеданием и раскаянием). Терпимость же научает не отделению от греха и тем более не противостоянию греху, а учит согласию с ним, приспособлению к нему и получению от него материальных благ.

Вообще же все грехи находятся в постоянной вражде друг с другом, так же как и служащие им бесы. Эти бесы бывают согласны друг с другом и соучаствуют только в одном: в погублении человека. И, действительно, либо человек, находясь в гостях, будет чревоугодничать, либо тщеславиться своей воздержанностью; либо будет воровать из жадности, либо воздерживаться от воровства из трусости (добродетельные варианты не рассматриваются). В то же время, если человек произвольно обращается к служению какому-нибудь одному греху, то остальные бесы перестают ему докучать с тем, чтобы не отвлек от этого служения и не помешать душевному погублению человека. При этом чем сильнее бес (или страсть), чем ближе она к гордости, тем меньшее количество грехов может осмелиться оспаривать у нее свою власть над человеком.

Вообще всякая власть греха возникает только в случае выполнения человеком внушения греха и его требований. Сохраняется эта власть только в том случае, если человек своими делами или словами подтверждает свое согласие с грехом и подчиненность ему. Подтверждаться это может безобидными словами: “Да, я жадный, трусливый и т.д.”. При этом человек не замечает, что в этих словах заключается признание его порабощенности грехом и единение с ним, а словами: “Есть я, и есть нападающий на меня грех” – человек и отделяет от себя грех, и противопоставит ему, и, разумеется, выражает свое отношение к нему. **Именно отношением к греху и к собственной греховности формируется личность человека,** его поведение, его принципиальная жизненная позиция. Если человек намерен признать свою греховность и противостоять греху, то он будет стараться узнать о грехах как можно больше, точно так же, как всякий солдат старается больше узнать о своем противнике с тем, чтобы распознать, что из себя представляет противник и когда можно ожидать его нападения, и чем он располагает, и как лучше ему противостоять.

Человек, желающий сохранить свою греховность, устремление к материальному, будет отрицать и Бога, и духовный мир. Если же он и признает духовный мир, то будет отрицать свою поврежденность грехом, поврежденность своих желаний, мыслей и будет утверждать, что он “хочет только хорошего”. Когда же он признает свою греховность, то он станет “стремиться к праведности”, “к праведным поступкам и делам”. Но дела и поступки совершаются во внешнем мире, таким образом человек достаточно надежно обосновывает и узаконивает свою греховность, свое стремление ко внешнему миру под тем или иным предлогом. Кроме того, необходимо иметь в виду, что, когда целью человека является “праведность”, он все свое внимание направляет именно на ее поиски. При этом он сам в общении с подобострастными людьми оценивает свое поведение, не замечая при этом, что грешит “самоправедностью”. Раньше таких людей называли “самосвятыми”.

Многие люди не желают разбираться в том, что из себя представляет каждый отдельный грех и как он проявляется, считая достаточным свое “духовное чутье”, ощущение, забывая при этом о повреждении грехом человека в целом и “духовного чутья” в частности. Но тем самым они лишают себя возможности распознать грех в себе, в окружающих и правильно к нему отнестись. Так например, мало кто увидит плохого в своем желании всех сделать счастливыми. Люди не заметят, что неудовлетворенность этого желания тягостна, и не вспомнят, что тяготит человека неудовлетворенный грех. Но разве во власти человека всех сделать

счастливыми? Разве человек является источником блага? Нет. Это гордость заставляет человека считать себя источником всякого блага. Совершенно необязательно для проявления грехов высокий интеллект, или другие формы одаренности. Он может проявляться и в бытовом, и в трагическом, и в комедийном обрамлении. Так было с бароном Мюнхгаузеном, который сам себя вытаскивал из болота за волосы, да еще вместе с конем. Так же бывает и с обычными людьми, которые стремятся к самоулучшению или самоисправлению.

Неспособность видеть собственный грех лишает возможности устранить причиняемый им вред. Это опасно для всякого человека, но наиболее бедственно для тех, кто осмелился взять на себя священнические обязанности. К священникам чаще всего обращаются люди, намеревающиеся противостоять греху, но не располагающие необходимыми для этого знаниями и опытом. Что может посоветовать таким людям священник, который не видит собственных грехов и греховности, не противостоит им и не имеет опыта противостояния? Кроме общих рассуждений – ничего. Его советы можно сравнить с советами, которые дает начинающему водителю человек, сам никогда не садившийся за руль. За погубление души отвечать, конечно, придется, но погубленным его советами не будет ни легче, ни лучше.

Кроме этого нужно иметь в виду, что непонимание вышеестественного дара священства ведет к отрицательным последствиям как для священников, так и для мирян. Многие священники совершенно безосновательно полагают, что рукоположение сообщает им личную святость и мудрость, которые они и тщатся обнаружить, невольно впадая при этом в самомнение. Миряне же, впадая в другую крайность, в заблуждении своем полагают, что дар священства может быть умален или вовсе обесценен греховностью человеческой природы священника, и уклоняются от исповеди и причастия до тех пор, пока не найдут “хорошего” священника, не замечая, что при этом впадают в грех человеконадеяния.

И не хотят вспоминать люди, что внимание человеческое – векторно, и даже ищущий ягоды в лесу не заметит растущих там же грибов, а ищущий признаков своей праведности просто не способен заметить свои же грехи. А ведь способность видеть грехи свидетельствует о приближении человека к Богу, так же как не замечаемая в темноте грязь на одежде делается заметней по мере приближения к свету. Отношение к видению человеком грехов очень хорошо иллюстрируется словами старца, обращенными к молодому монаху, который сообщил, что видит ангелов: *“Видеть ангелов дело обычное, а вот видеть собственные грехи – это достойно удивления”*.

По своей природе бесы отрицают всякое добро и не дают ему части в себе. Но тем более они отрицают добро в людях и всячески усиливаются склонить их к такому же отрицанию добра. Подобным же образом ведет себя грех в поработанных им людях: пьяница навязывает окружающим пьянство, сребролюбец склоняет к поискам прибыли, ничтожный гордец заявляет, что *“человек – это звучит гордо”*. Тех же, кто таким соблазнам противостоит, грешник отвергает даже невольно, не принимая своим произволением то доброе, от чего соблазняемый не согласен отказаться.

Но как бесы, так и их служители помимо склонения ко греху имеют еще одну возможность обречь человеческую душу на вечную погибель. В этом случае они не будут призывать к грехам, не будут причинять всевозможные неприятности. Напротив, они будут всячески содействовать человеку, преследуя одну цель: чтобы человек поверил им и не отделился от них. Они прекрасно помнят то, о чем забыли люди: вера определяет, надежда устремляет к тому, во что веришь, а любовь соединяет с тем, на что надеешься. Поэтому и бесы, и грешники могут говорить всю жизнь правду, чтобы им поверили, при этом ни разу не солгав, и всю жизнь материально “благодетельствовать” (или хотя бы бесконечно обещать материальное благосостояние), чтобы их любили. В этом случае душа человека, соединившись с ними сначала верой, потом – любовью, разделит их загробную участь, чем и будет погублена.

Распознать собственный грех человек может несколькими способами:

- 1) Удовлетворению какого качества послужили бы поведение и действия, обусловленные болезнью, если бы совершались здоровым человеком.
- 2) От совершения каких действий (на работе, в быту) человек воздерживается в связи с болезнью и о каком качестве такое “воздержание” свидетельствовало бы вне болезни.

И в первом, и во втором случае речь может идти об “условной приятности” заболевания.

- 3) Какие грехи человек видимо не совершает сам, но не только попустительствует, потакает их совершению другими, а даже соблазняет на эти грехи.
- 4) Проявлению каких качеств, воплощаемых делами или состояниями, способствует гиперфункция отдельных органов или систем, возникающая в результате тренировки или только сознательной деятельности человека. В случае тренировок необходимо уяснение вопроса: для чего, с какой целью человек сознательно приобретает те или иные навыки.
- 5) Воплощение во внутренней деятельности организма тех тенденций, с которыми человек согласен, но которые не может воплощать во внешней деятельности, подчиняясь тому или иному душевному качеству (замена “душевного чувства” на “телесное чувство”).
- 6) Наличие какого-либо греха может быть замечено человеком по дискомфортному душевному состоянию, которое несомненно свидетельствует о наличии греха, даже если человек его не видит.
- 7) Видение совершаемого греха (напр. пьянства, курения, сквернословия).
- 8) Указание на грех окружающими, вызывающее эмоциональный протест с попыткой оправдать или объяснить свое поведение.
- 9) Согрешение других людей, вызывающее раздражение и склонность к осуждению.

10) “Свято место пусто не бывает” – поэтому каждый человек может проверить наличие в себе той или иной добродетели и ее отсутствие расценить как свидетельство наличия противоположного ей греха.

11) Прямым указанием на конкретные грехи и на общую греховность может служить расхождение между поступками человека и их побудительными причинами с одной стороны, и Евангельскими заповедями с другой стороны.

В отношении окружающих тебя людей можно руководствоваться относительно простым правилом: все те, кто льстит тебе, кто призывает искать материальных ценностей или обещает их тебе, все, кто любым способом возвеличивает тебя или призывают к самовозвеличанию, все, кто призывает искать приятной и легкой жизни, все, кто обращает внимание на величие человека или человечества – все лгут тебе и ищут гибели твоей душе.

Правда, найти в себе грех может только тот, кто прилагает к этому усилия, кто согласен трудиться не ради временной, но ради вечной жизни. Возникшее видение греха отвращает и пугает человека, чему всячески способствуют бесы или служащие им грешники в надежде на то, что человек, убоявшись, перестанет обнаруживать и исповедовать свои грехи. В утешение таким людям можно сказать, что по мнению святых отцов, видение собственного греха свидетельствует о приближении человека к Богу, и делается возможным благодаря этому приближению.

Так же грязь на одежде незаметна в темноте, но при приближении человека к свету делается видимой благодаря этому приближению. Какое общение света ко тьме, что общего у верных с нечестивыми? Очевидно, что человек не имеет множества вариантов отношения к греху, а может выбирать одно из двух. Или он признает свою греховность и конкретные грехи и решает противостоять им с Божьей помощью, или он отвращается от Бога и продает себя в вечное рабство греху (и в муку) за временные приятности. Любые попытки человека воспользоваться приятностью греха и избежать его мучительных последствий могут иметь лишь временный успех, за которым последует тем горшее мучение, тем более тягостное наказание.

Вообще грехом можно либо тяготиться, либо услаждаться, а сама тягостность может вызываться как согрешением, так и невозможностью согрешить.

Из сказанного делается ясным, что знание о грехах жизненно необходимо человеку. В то же время постоянное содержание вниманием чужих грехов не может не оказать пагубного влияния на человека. Знание грехов и греховности необходимо для обращения к добродетелям, к животворным Евангельским заповедям, к Богу. Обращаясь к ним желательной и мысленной силой души, человек и осуществляет практически противостояние греху и обретает Жизнь, здоровье или силы для перенесения недугов.

Распространение греха, “заражение” грехом возможны не только тогда, когда человек сознательно склоняется к нему своим произволением. Сам факт общения с человеком, поработанным грехом и носящим его в себе, влечет за собой в душевном плане те же последствия, что и общение с больным инфекционным заболеванием. Человек в результате контакта с грешником приобщается именно к тому греху, которым грешник заражен и страдает. Наиболее заметен такой способ передачи греха при рассмотрении отношений родителей и детей. Дети, безусловно, не только заражаются от родителей грехами, но и страдают от болезней, которые этими грехами вызываются. Поэтому говорить о безгрешности людей, видимо, нет ни малейшего основания. Но можно и нужно помнить о том, что, по своей малости, ребенок до определенного возраста не подлежит ответственности перед Богом за усвоенные греховные наклонности и грехи. И странно ведут себя родители, пытающиеся искоренить в ребенке те грехи, которыми сами услаждаются если не в делах, то в мыслях.

Мучительность неудовлетворенного греха проходит, если его требования выполнить, и человек получает некоторое успокоение, передышку. Но это успокоение влечет за собой не освобождение из-под власти греха, а еще большее порабощение ему, зависимость от него. Грех, как удав, проглотивший добычу, на некоторое время успокаивается и за это время – вырастает. Так например, опохмелившийся алкоголик испытывает субъективно ощущение улучшения состояния. Но улучшение – это признак выздоровления. Разве, опохмелившись, он излечился от алкоголизма?

Люди могут соучаствовать в совершении любого греха, но это их объединение носит временный характер, и такое соучастие не исключает вражды и конкуренции между участниками, а, напротив, предрасполагает к ним. Грех заставляет грешника оценивать поведение других людей с его собственных греховных позиций и изыскивать даже несуществующий грех, потому что безгрешное поведение делается для него непонятным.

Поскольку каждый человек в той или иной мере осознает худость греха, то он пытается его скрыть, и следовательно, то, что человек пытается скрыть, чаще всего оказывается основанным на том или ином грехе.

Грех можно обнаружить по плодам (результатам) деятельности, которые оказываются огорчительными, вредоносными.

Поскольку качества необходимо воплощаются в результатах деятельности, по этим результатам человек может судить о не замечаемых им в себе грехах. Как говорят святые отцы, человек наказуется тем, чем согрешает. Поскольку последующего греха не бывает без предшествующего, постольку человек, заметивший какой-то грех, может без сомнений узнать, какие еще не замечаемые им грехи есть в его характере (древо греха).

Обычно греховный человек тяготеет предстоящими делами или событиями, которые не предоставляют ему видимой возможности удовлетворять своим грехам.

Поскольку грех не входит в естество человека, неправильно говорить: “Я жаден”, ибо этим утверждается чуждая человеку власть греха над ним. Сказав же: “есть я, и есть паразитирующий на мне грех”, человек уже кладет начало отделению себя от греха. Возможно, что точно также не следует говорить о том, что человек принуждает себя к добродетельному поведению. Принуждать себя к добродетели человек не может уже хотя бы потому, что добродетель естественна ему, а к естественному нет необходимости

понуждать. Поэтому правильнее и лучше считать, что человек борется не с собой, а с паразитирующими на нем бесами и что понуждает себя не к добру, а к противостоянию толкающим его ко злу грехам.

О ДОБРОДЕТЕЛИ

Говорить о добродетелях гораздо труднее, чем о грехах по целому ряду причин.

Добродетели, по природе своей, противятся обнаружению и выставлению на всеобщее обозрение, как бы на позорище. Они духовны и не лишены таких свойств духа, как неопиcуемость, непознаваемость и неощутимость, что делает затруднительным описание их самих и форм их воплощения. Молчаливость свойственна каждой из них в отдельности и всем вместе, и поэтому невозможно отыскать для их описания множество выразительных слов. Да и пытающийся говорить о добродетелях и обращающий для этого на них свое внимание невольно умолкает в осознании собственной чуждости добродетелям, собственной греховности. Язык не поворачивается говорить, а рука не поднимается писать о добродетелях. Говорить о добродетелях по праву может лишь тот, кто служит им, а не враждует с ними своими грехами. Служить же добродетелям практически то же, что служить добродетелями Богу, быть рабом Божиим. А у многих ли хватит дерзновения, смирения и самоотвержения для причисления себя к рабам Божиим? Слишком ко многому обязывает такое наименование, и непосильно велико оно для современного человека. Правда, некоторые называют себя так по сомнению или невежеству, или тщеславию, но не о них речь. Посильнее и безопаснее для человека видеть собственные грехи и противостоянием им охранять добродетели. Поэтому, видимо, и святые отцы в своих писаниях больше внимания уделяли распознаванию и обличению грехов.

К сожалению, в современном мире слишком много людей, актерствуя, изображают добродетели и этим лживым изображением вводят в заблуждение, злоупотребляя доверчивостью окружающих. Честных людей такие “актеры” отвращают от веры, лицемерных – вербуют в соучастники, а простодушных развращают. Потребность хоть как-нибудь, по мере сил, воспрепятствовать этой лжи и побуждает рассматривать добродетели.

Все добродетели вызывают в душе ощущение радости, уверенности, спокойствия, справедливости, ясности, свободы. Противостоя греху, они предотвращают возникновение заболеваний. Если же заболевание уже сформировано, добродетели содействуют выздоровлению человека, отводя его от причин смерти, от греха. Как грех является разрушительным не только для здоровья человека, но и для всей его деятельности, так и добродетели делают любую деятельность созидательной, как созидательна любовь, от которой они берут свое начало и без которой немислимы. Потому Бог и является творцом, потому и Христос сказал: “Без меня не можете творить ничего”. Употребил слово “творить”, как имеющее созидательное значение, а не слова “делать”, “трудиться” или “работать”.

Сущность и назначение добродетелей в служении добру в самом широком смысле этого слова, потому они и именуются добродетелями, делателями добра. На них основывается любое доброе дело, совершаемое человеком, и любое дело может быть отнесено к добрым только в том случае, если имело своей побудительной причиной ту или иную добродетель. В отличие от грехов, добродетели не враждуют и не соперничают между собой. Напротив, они всегда едины и уже наличествующие в характере человека привлекают к себе еще недостающие. Их единение настолько тесно, что, служа одной добродетели, человек теми же поступками и в то же время служит всем остальным. Так например, совершая храбрый поступок, человек, разумеется, служит храбрости. Но храбрость невозможно себе представить без самоотверженности, самоотверженность без смирения, смирение без бескорыстия, бескорыстие без человеколюбия... Продолжать это перечисление можно до тех пор, пока не будет исчерпан весь перечень добродетелей. Объясняется это тем, что добродетели, при всем своем разнообразии, тяготеют к объединяющей их любви, а грехи, происходя от одной гордости, разбредаются по многообразию мира. Поэтому единение людей любовью и добродетелями можно объяснить самой природой добродетелей так же, как неизбежное разъединение гордостью и другими грехами – природой грехов.

Добродетели естественны для человеческой природы и тягостных душевных ощущений не вызывают.

Радостью, в отличие от телесной приятности, называется душевное ощущение жизни, возникающее при встрече человека с тем, что животворно само по себе или является проявлением жизни. Дети, весна, добродетели окружающих могут вызывать в душе ощущение радости. Но еще большую и постоянную радость человек испытывает, когда противостоящие греху (болезни, смерти) добродетели постоянно пребывают в его душе.

Добродетели не устремляются желанием ко внешнему миру, подобно грехам, а неотлучно пребывают в сердце человека. Сказано, что “от сердца бо исходят помышления злая” (Мф. 15, 19), но не помышления добрые; словами этими указано, и что исходит, и откуда. Всякая добродетель ищет потребного себе не во внешнем устройстве мира, человека в мире или в предметах и явлениях земного мира, а в бережливом, строгом, доброжелательном, правдивом, добродетельном отношении к тварному миру. Поэтому любое устремление желания ко внешнему миру не может иметь своей причиной добродетель, как бы это желание ни пытались представить добродетельным. Такое устремление всегда греховно.

Человек, бегающий по улицам, хватающий прохожих за платье и предлагающий сделать для них совсем немножко, хоть маленькую кучку добра, вряд ли руководствуется добрыми побуждениями. Скорее всего, им движут сомнение, самолюбование или иные грехи.

Сказанное не означает, что добродетели делают человека пассивным. Напротив, человек активнейшим образом взаимодействует с внешним миром, не устремляясь к нему с вожделением или протестом, а принимая мир и все, что в мире, и выбирая свою линию поведения. Человек ставит при этом своей целью не что, а как делать. Жадность может заставить человека работать, но за деньги, а не за совесть. В то же время такие добродетели, как трудолюбие, обязательность, ответственность, сделают работу более успешной и плодотворной.

Материальный мир изменчив, и материалистическая (греховная) ориентация души на внешнее ведет к изменениям ее состояния, которые ощущаются ею как взволнованность. А духовные ценности неизмеримы (неизмеряемы), неизменны (постоянны), и их

воздействие на душу ощущается как спокойствие. Внешние изменения могут менять планы и действия добродетельного человека, оставляя неизменным его отношение к внешнему, его душевное состояние. В этом отличие от греха, который, при изменении внешнего, изменяет отношение ко внешнему души, изменяет ее состояние, оставляя неизменными внешние цели.

Любой грех вносит смуту в человеческий ум, смущает душу, лишая ее возможности трезвенно и ясно оценивать объективную реальность. Более чем другим грехам, такое воздействие свойственно нетерпению (мятежности). Если же человек терпением принимает окружающий мир, то получает возможность трезво уяснить значение всего, что в мире, и тогда в душе возникает ощущение ясности. Возможно, поэтому прилежание к Иисусовой молитве святые отцы называли трезвением ума.

Кстати о молитве. Трудно противостояние греху. Трудна и сердечная Иисусова молитва уже хотя бы потому, что, устремляясь к Царству небесному, которое внутри, в сердце, в самой сердцевине человека, она своей направленностью пресекает любые поползновения греха, который всегда устремлен изнутри во внешнее. Трудна она, но не тягостна и не вредоносна, ибо повредить человеку может только грех, а тяготить может только то, от чего человек хочет и не может избавиться, уклониться. Она же научает человека, куда направлять своим произволением дела, совершаемые ради Бога. Отрицать благотворность Иисусовой молитвы и видеть в ней причину “прелести” можно, только игнорируя по невежеству или злонаправив святоотеческое учение о ней. Во всех прочих случаях любое мнение всегда должно быть достаточно обосновано личным опытом. И когда слышишь от людей, не имеющих опыта работы в психиатрии, безапелляционное заявление о том, что для новоначального Иисусова молитва – это прямая дорога в сумасшедший дом, то невольно возникает вопрос: в какой больнице (сумасшедшем доме), с каким диагнозом и как долго находился говорящий?

Ощущение свободы настолько хорошо известно каждому человеку, что нет необходимости его описывать и расшифровывать, а потребность свободы настолько естественна и велика, что человека тяготят любые ее ограничения. Ограничить можно только то, что имеет хоть какие-то измеряемые признаки. Такими признаками обладает материя. Следовательно, любые ограничения человека могут быть только внешними, материальными, никоим образом не затрагивающими свободу человека как таковую, ибо она духовна и материальными средствами ограничена быть не может. Можно сказать больше: никто и ничто в мире не властно лишить человека свободы. Только сам человек может, согласившись с греховными желаниями, привязаться к тем или иным предметам и явлениям внешнего мира. Когда же человек привязывается к чему-либо во внешнем, тогда же делается и зависимым от объекта привязанности, тогда и утрачивает свою свободу. Лишение свободы проносит тягостные ощущения, сравнимые по своей невыносимости с ощущениями задыхающегося человека. Так и говорят иногда: задыхаюсь без свободы. Ощущаемую утрату свободы человек обычно связывает с внешними ограничениями и все силы души и тела устремляет ко внешнему в надежде обрести утраченное. Результатом таких усилий бывает еще большая зависимость от внешнего мира, еще большая поработченность грехом, еще большая утрата свободы. Вот добродетели – те не лишают человека свободы, не привязывают ни к чему. Поэтому всякая зависимость, которую человек ощущает в себе или окружающих, может быть обусловлена только наличием греха.

Понятие о свободе часто увязывается с понятием о так называемых “правах человека”, поэтому уместно коснуться сейчас и этих самых “прав”. Обычно говорят, что человек – свободен, а потому имеет право делать все, что ему угодно. В то же время всякий признает, что человек не имеет права лгать, красть, убивать. Короче говоря – не имеет права совершать грех, грешить. А как же быть со свободой, с правом человека выбирать свое отношение к окружающему? Но ведь никто не лишает человека его права, которое, по сути своей, является благословенной возможностью. Когда же человек, пользуясь своим правом, выбирает то, что не только не благословляется, а заведомо порицается, он сам, отдав предпочтение греху, лишает себя и правоты, и права, и правильного поведения. Вот и получается, что волен человек вести себя, как ему вздумается, а права на это не имеет, что бы ни говорили борцы за “права человека”, которых правильнее было бы, учитывая их стремление связать внимание человека внешним, называть борцами за полное человеческое бесправие и поработченность внешним.

Ощущение уверенности также сопутствует добродетелям и возникает при обращении к ним человеческой души. Обращение это всегда непосредственно, прямо и безусловно. Оно всегда доступно, подвластно и посылно человеку, и для него требуется только его произволение. Если же желание обращено к материальному, то достижение цели возможно, как правило, несколькими путями. Следовательно, возникают и несколько сопутствующих мнений о способе достижения желаемого, возникают сомнения.

Для того, чтобы выполнить какую-нибудь физическую, телесную работу, потребны силы и время. Выполнение работы интеллектуальной требует еще больших энергетических и временных затрат, а результаты ее, выводы и решения человеческого рассудка, далеко не всегда оказываются достоверны и благотворны. А зрению не нужны ни время, ни силы: одного беглого взгляда в окно достаточно, чтобы увидеть, какая на улице погода. Следует отметить, что при сколько-нибудь длительном рассматривании того, на что оно направлено, зрение легче замечает не отдельные детали общей картины, а любое изменение в ней; любое движение сразу привлекает внимание, сразу бросается в глаза. Слух может давать информацию о том, что не воспринимается глазом. В лесу, например, сначала слышно зверя, а потом уж видно его. Если же человек трещит сучьями, пыхтит, кашляет, разговаривает, то слышать он может только себя самого.

Подобным образом воспринимается окружающее и душой. Она может мгновенно почувствовать угрозу в окружающей обстановке или ощутить состояние впервые встреченного человека; недаром говорят, что первое впечатление о человеке бывает самым правильным. Если душа наполнена шумом собственных страстей, если занята исключительно своими мыслями и переживаниями, то в этом водовороте чувств внешнее воздействие на нее окажется незамеченным и не получит должной оценки. К чужим эмоциям, ощущаемым душой, она будет относиться как к собственным порождениям..

Справедливость и стыд тоже душевные ощущения. Они воспринимаются тем органом души, который называют совестью так же, как форма и окраска предметов воспринимается зрением. Справедливость – это ощущение соразмерности между достоинствами (качествами) человека или его делами и воздаянием за них или хотя бы правом человека на те же самые воздаяния. Лишая человека желаемого и обосновывая это лишение, так и говорят: не достоин, не заслужил. Поэтому, кстати, наш народ и испытывает лишения.

В том числе и лишение правительства и президента, ибо Президент РФ заботится по-отечески обо всех субъектах РФ и, между всеми прочими, в том числе о России. У всех этих самых субъектов, кроме президента РФ, есть еще и свои, национальные президенты и

правительства, отстаивающие интересы именно своего народа, а у России их нет. Как не было ЦК Коммунистической Партии России. Почему сложилось такое положение, трудно сказать. То ли русские люди сами себя лишили права иметь главу своей страны, то ли до сих пор атеистическое руководство несовместимо с бывшей православной страной, то ли есть еще какая-то причина... Трудно сказать. Но безусловно верны слова ап. Иакова: “Желаете – и не имеете; ...препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите и не получаете, потому что просите не на добро...”

Стыдом же называют ощущение нарушения означенной соразмерности между делами (достоинствами) и воздаянием за них. Это ощущение возникает у человека при наличии у него греховных мыслей и дел. Но любое нарушение справедливости, даже не имеющее к человеку никакого отношения, вызывает у него ощущение неловкости за чужие слова и поступки. Нормальный человек испытывает неловкость даже за того, кто его незаслуженно хвалит.

От стыда и справедливости как ощущений следует отличать такие добродетели, как стыдливость и совесть. Добродетелям этим, как и всем другим, следовать трудно, но не тягостно. Тягостность, обусловленная неудовлетворенностью или обличаемым грехом, возникает при желании не испытывать ощущений стыда и обличений совести, а принятие этих обличений рождает в душе сокрушение о грехе.

Чувство справедливости, будучи всего лишь ощущением души, согласуется со всей душевной деятельностью. Если внимание человека направлено на выявление и преодоление греховных расположений, то справедливость позволяет ощутить соразмерность между грехами и трудом покаяния. Если же душа служит греху и устремляется во внешнее, то справедливость всегда устанавливает соразмерность между субъективными достоинствами, чаще мнимыми, и тем, на что человек претендует во внешнем мире. Поэтому видимые внешние притязания человека невольно говорят о его не осознаваемом или скрываемом самомнении.

Справедливость как качество, безусловно, хороша, но для кого же она сильна и спасительна во внешнем мире? Кто из людей осмелится сказать, что готов принять правосудное воздаяние за все свои тайные и явные расположения, мысли и поступки? Вряд ли отыщется такой человек, хотя бы потому, что не могут быть совершенными, безукоризненными дела человеческие по ограниченности человека, вызванной первородным грехом. Поэтому люди и ищут справедливого воздаяния кому угодно, только не себе. Поэтому и упразднен закон Ветхого Завета, основанный на справедливости, и на месте обветшавшего завета установлен Новый Завет, завет милости.

Об этом говорил еще апостол Павел (Посл. к Рим., Посл. к Евр.). Об этом же говорил и Спаситель: “Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется...” (Лк. 16, 16). Да и судимы мы будем не по Ветхому, а по Новому Завету.

Потребна милость человеку, и о ней молит Церковь устами священника при совершении всех треб. А в Церковных таинствах милость прямо и непосредственно сообщается человеку помимо прощения греховных дел. Но сказано, что суд будет (и есть) без милости не оказавшему милость.

Милостью вполне можно считать избавление от мук душевных и телесных или хотя бы попытку избавить человека от мучений. Много может быть причиной мучений и страданий. Источником таких страданий для родителей чаще всего бывают дети: их отношение к родителям, отношения между братьями и сестрами, перенесения детьми болезней и наказаний и многое, многое другое. Нормальные родители страдают, когда дети враждуют с ними или просто “отделяются”, не желая поддерживать родственные отношения. Страдания приносит и вражда детей между собой, какие бы формы это вражда ни принимала. Болезни детей и их наказания за какие-либо преступления или проступки бывают настолько тягостны для любящих родителей, что для них было бы легче самим перенести болезнь или перетерпеть наказания по любви к детям. Какое отношение к такому поведению родителей, если бы оно было возможно, вызывало бы у нормальных детей, настолько ясно, что об этом не стоит и говорить. Такие же или сходные отношения складывались между мучающимся от греха человеком и православным подвижником благочестия, который принимал на себя отнюдь не грехи, – не дай Бог так думать – а труды покаяния в этих грехах и перенесения наказания за них, как телесных, так и душевных.

Какими же словами можно выразить мысли и чувства человека по отношению к тому, кто всегда и безотказно готов принять на себя последствия человеческой греховности, всегда и безусловно подлежащей правосудному воздаянию?

Эти чувства выражаются словами утреннего и вечернего правила, словами последования ко святому причащению; словами православного молитвослова. Слова эти всем доступны и произвольны, времени и труда требуют не их отыскания, а выправляющее душу усвоение передаваемых ими мыслей и расположений. Поэтому правило одновременно оказывается правилом для души. Запоминание правила (по-мнить, по-думать, по-следовать за чьей-то мыслью) делается излишним, когда приходит его усвоение (правило делается своим) и понимание (по-имание, имение в себе). Правда, слова молитв обращены к Богу, а не к любящему нас человеку, страдающему за наши преступления. Но отношение Бога к людям отличается тем, что Его любовь к людям безмерна и бесконечна, как бесконечен, безмерен и непостижим сам Бог, который и есть Любовь, страдающая за нас и вместо нас. Правда, Бог бесстрастен и страданий не испытывает. Но в Иисусе Христе Божество ни в коем случае неотделимо соединилось с человеческим естеством. Это единение сделало крестные страдания ограниченной человеческой плоти Сына Человеческого бесконечными во времени, безмерными в пространстве и более чем достаточными для искупления любых ограниченных человеческих согрешений. Спаситель, будучи безгрешным, перенес наказание за наши грехи. Своей смертью во плоти он устранил необходимость и неотвратимость правосудного воздаяния за грехи для тех, кого Он любит и кем Он любим, упраздняя не правосудие, а грехи и последствия греха. Он может нас помиловать. Легко, неоправданно легко выговариваются людьми, в том числе верующими, слова: “Бог простит”. Может и простить нас Спаситель, но только если, ни в коем случае не упраздняя правосудия, согласится распространить свои спасительные страдания и на нас, пострадать за нас.

Церковь учит, что Господь претерпел распятие, мучения и смерть за наши грехи. Другими словами: наши грехи причина его добровольных скорбей и страданий. Постоянно согрешая, мы постоянно являемся источником и причиной страданий Господа,

которые, по любви к нам, Он перенес для избавления от страданий нас самих. И кому посильно выговорить, кого, в первую очередь, нас призывают помиловать слова: “Милости хочу, а не жертвы”.

Но вернемся к добродетелям.

Каждая из них в отдельности проистекает от любви, и все они любовью единятся. Сказано, что любовь ищет не своего, а полезного любимым. Так же и все добродетели ищут не своего, побуждают человека заботиться больше не о своем благе, а о благополучии ближнего. Помощь не-мощному или служение ему всегда потребны любящему. И чем сильнее любовь, тем сильнее выражена потребность принести пользу, послужить и распространяется она на все большее число людей. И кто хочет быть первым (в любви), тот становится всем слугой. Правда, только в том, в чем нет греха, ибо грех, в конечном счете, может только принести вред любимому, да и направленность греха ко внешнему противоположна направленности добродетели ко внутреннему. Поэтому и заповедано давать просящему, который в сердце содержит потребность, а не добивающемуся внешнего с устремлением к нему своего желания. Итак, любовь и неотделимые от нее добродетели ищут не приятного себе, а полезного любимому.

Природа добродетелей такова, что они не способствуют самоутверждению, самореализации, самовыражению и самодостаточности, столь любезных психологам. Доброта, щедрость, храбрость – все они обнаруживают добровольное самоограничение человеком самого себя во внешнем мире. Рассмотрите любую добродетель – и она окажется формой самоограничения вплоть до самоотвержения (самоотверженность).

Устремление добродетелей к Царству Небесному, которое внутри нас, также не способствует устремлению желаний к внешнему миру, к царству земному и земным благам как к цели жизни, не способствует соперничеству с другими людьми и оттеснению их от материальных благ. Все земное для православного человека лишь средство для посильного служения добру. Но бесцельной жизни не бывает. Человек существует в материальном мире, и душа всегда идет к служению или самоугождению с помощью тела. Душа руководит телом и как бы ведет его к намеченной цели. Поэтому *по-ведению* человека достаточно ясно говорит о цели, к которой его душа повела его же тело, и о побуждениях души (мотивах поведения). Поведение это может быть бесстрастным или взволнованным, производящим впечатление и ищущим впечатлений. Бесстрастным, по какому-то недоразумению, сейчас принято называть поведение, которое характеризуется бедностью мимики и жестикологии, а основывается, чаще всего, на жестокости, самомнении, скрытности или иных подобных страстях, хотя само наименование говорит о том, что бесстрастным нужно считать поведение, имеющее своим основанием не страсти, а добродетели.

Таковы, в самых общих чертах, свойства и признаки добродетелей. Из их рассмотрения делается ясным, что любое уклонение от них является проявлением греха и греховности, которое свидетельствует и о побудительных причинах поведения человека, и о результатах, к которым человек придет сам и приведет следующих за ним. Дайте нравственную оценку руководителям государства – и вы увидите, к чему они необходимо приведут страну (то же относится к руководителям областного, районного и прочих уровней)! Дайте такую же оценку руководителям производства, и вы увидите, кому (или чему) служит данное производство или ведомство. Рассмотрите нравственность окружающих вас людей, и вам станет ясно, к каким результатам приведет содружество с этими людьми. Оцените, в конце концов, свои собственные мысли, желания и поступки, и вам станет очевидно, на что хорошее в этой жизни вы имеете право по справедливости; вам станет очевидно, что и продлится-то наша жизнь только по милости и долготерпению.

Но дать нравственную оценку православный человек может, соотнося поведение свое и окружающих не с людскими рассуждениями, в том числе и своими, а со Священным Писанием и Священным преданием, с Евангелием, святоотеческими писаниями, Соборными правилами.

Учитывая духовную природу добродетелей и некоторое расхождение во взглядах на духовность, говоря о добродетелях уместно и своевременно коснуться и вопроса о духовности.

В православии слово “дух” употребляется, когда речь идет о Боге, для обозначения полного отсутствия в Боге каких-либо признаков материального. Словом “дух” обозначаются также ангелы и демоны, добрые и злые духи. Св. Иоанн Дамаскин говорит, что к ним слово “дух” применимо условно, с учетом тонкости их тел по сравнению с грубой вещественностью человеческого тела. Духов человек не воспринимает телесными органами чувств. Святые отцы говорят, что от видения демонов Бог оградил человека потому, что облик демонов непосильно мерзок для человека, а видения ангелов лишил по человеческому достоинству. Демонов различают по грехам, которым они преимущественно служат, почему и говорят: дух злобы, дух тщеславия, дух сребролюбия или еще какой-нибудь дух. По отношению к ангелам подобное разделение менее употребимо уже хотя бы потому, что все добродетели проистекают от любви, а все ангелы служат Богу и каждый ангел способен служить любви, склоняя человека к любой добродетели. Неспособность человека воспринимать духов телесным зрением вовсе не основание для отрицания их существования. Учитывая способность души вступать в общение с духами и взаимодействовать с ними, можно считать ее природу сходной с природой сотворенных духов. Св. Макарий Великий не видит принципиальной разницы между тварными духами: душами человеческими, ангелами и демонами. “Все разумные сущности, разумею Ангелов, души и демонов, Создатель сотворил чистыми и весьма простыми”, – говорит он. Душу же свою человек тоже не видит, однако не видит причин для отрицания ее существования. Следовательно, и слово “духовность” может иметь разные значения.

Можно говорить о духовности человека, имея в виду его душу, сходную по природе своей с тварными духами. Именно это сходство выражается словами “дух человеческий”. В этом смысле каждый человек духовен. Будучи, в обычных условиях, связан с телом, дух человеческий не утратил своих духовных (душевных) способностей и возможностей, свойственных духам бестелесным. Человеческий дух деятелен и свободен. В своей деятельности он может подвергаться воздействию бестелесных духов и, в свою очередь, оказывать воздействие на них точно так же, как в своей телесной деятельности человек взаимодействует с другими людьми. Понятие о деятельности предполагает выбор предмета, поля деятельности, и дух человеческий склоняется к той или иной деятельности, которую может изменять по собственному произволению. Как телесный человек в своей деятельности устанавливает или пресекает общение с другими людьми, так и душа человеческая ведет себя в мире духов, мгновенно распознавая их характер и

оказывая им содействие или противодействие. Злые духи могут пытаться принудить душу, практически насильно увлечь ее к совершению греха.

Добрые духи никогда не действуют принудительно, ибо добро может быть только добровольным. Даже во внешнем мире, если человека заставляют совершить “добрый поступок”, то тем самым лишают его возможности сделать любое доброе дело. Ведь дела оцениваются по их побудительным причинам, которые могут быть весьма различны. Безусловно добрым делом оказывается помощь человеку, попавшему в трудную ситуацию, по любви к нему, по сочувствию, жалости, доброте или состраданию, но сомнительно, чтобы такую же помощь можно было считать добрым делом, если ее оказывают из своекорыстных побуждений, в расчете на вознаграждение. Или когда за отказ от оказания помощи угрожают расправой. Принудительно можно только посылно пресекать зло, да и то не в расположении ко злу, а в его проявлениях. Получается, что ни к добру, ни к злу душу не принуждают. Поэтому душа в своей деятельности всегда свободна в своем склонении как к хорошему, так и к плохому. Единение с духами злобы, соучаствующими душевной деятельности, бывает настолько тесным, что душа поработается ими и уже эти духи руководят деятельностью человека, полностью подчиняя ее себе. В этом случае говорят, что человек служит (или работает) тому или иному духу, воплощая в физическом мире то, что желательно для данного духа. В этом смысле духовна жизнь любого человека. Духовен даже американский образ жизни, в котором воплощается служение духам наглости, самоугодия, дерзости и прочим подобным духам.

Но в основном в православии словом “духовность” обозначают приобщенность души, духа человеческого к Богу, к Духу Святому. “Прилепляется же Господеви, един дух есть с Господем” (1 Кор. 6, 17). Возникновению такой приобщенности способствует усвоение того, что изречено, по учению Православной Церкви, Святым Духом в Священном Писании и Священном Предании. Усвоение это совершается принятием и следованием изреченному, что всегда, как говорит Евангелие, бывает трудным и постепенным. Для наших душ трудным бывает не только следование Евангелию, но даже согласие с некоторыми Евангельскими истинами и их принятие.

Сначала только ум признает слова Евангелия, да и то зачастую просто не видя возможности опровергнуть их истинность. Признав, даже вынужденно, истинность этих слов, ум направляет к ним желательную силу души, отрывая желания от внешнего мира. Действие раздражительной силы души ум отвлекает от слов Евангелия и направляет на помыслы, противоречащие Евангелию и обычно всеваемые, как учат святые отцы, бесами. Постепенно, по мере отрешенности от греховных желаний, душа все больше услаждается сочувствием не телесной приятности, а духовной радости. Ведь человека радуют любые проявления и свидетельства любви, а Евангелие и есть свидетельство любви, любви Бога к человеку. После этого и тело человека, сначала нехотя и неумело повинувшись душе, а затем самоохотно и с усердием, начинает выполнять заповеданное. Путь этот, совершаемый душой не в пространстве, а во времени, не бывает без-трудным и без-скорбным. Поэтому вполне можно считать, что для человека, бойко, много, легко и с видимым услаждением говорящего о заповедях и о духовном, все, о чем он говорит, остается сторонним, внешним для его души. Знание такого человека о заповедях, добродетели и духовности, по выражению святых отцов, является не опытным, а голым знанием, не подтвержденным личным опытом. Легки, приятны и услаждают человека грехи, но горьки их плоды. А служение добродетелям бывает трудно и скорбно, но их плоды приносят радость.

О собственной духовности в православном понимании этого слова, о своей приобщенности Духу Святому, каждый человек может составить себе представление довольно легко.

Апостол Павел говорит, что “... живущий по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном” (Рим. 8, 5). Пусть посмотрит каждый, о чем он думает в течение дня: о зарабатывании денег для семьи или об угождении Богу заботой хотя бы о своих домашних; об угождении начальству ради чинов и наград или о служении тому же начальству ради Бога, – и человек увидит, сколько времени он уделяет думах о духовном, если вообще уделяет.

Любовь, радость, мир, долготерпение, воздержание рассматриваются как плоды Духа Святого. Поэтому тот, кто приступает к пище с намерением не допустить не только пресыщения, но даже насыщения, как и тот, кто, ложась спать, не ставит целью выпастись всласть, тот может предположить, что не чужд воздержания, если уклонение от избыточной пищи и сна не продиктовано пристрастным отношением к плоти. Раздражение, пусть и не обнаруживаемое человеком, говорит об отсутствии долготерпения, даже если для раздражения есть веские внешние причины. Очевидно, что огорчение несовместимо с радостью, а безутешное горе говорит о том, что человек не находит утешения, что он чужд Утешителю, как всякое уклонение от правды чуждо Духу Истины; можно самому лгать “во спасение”, можно желать не слышать и не видеть правду – все едино.

Потребность обращаться к Священному Писанию может говорить о наличии духовности, а понуждение себя к такому обращению – о ее поисках.

Но обобщаться человек может со всяким духом. Св. Макарий Великий так говорит об этом: “Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком. И сатана чем-то одним делается с душою; оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно”.

Духи не воспринимаются телесными органами чувств сами по себе, не воспринимаются и душой, в которой греховность ослабила духовное зрение и скрыла духовный мир от человека. Но характер любого духа ощущается душой практически каждого человека. Можно посмотреть на человека и не заметить что-то существенное в его облике, просто не обратив на это внимания. Точно так же можно ощутить настроение и состояние своей души, вызываемое человеком или бестелесным духом и не придать им значения. А ведь когда люди говорят, что на них напало уныние или прозорливость, что они набрались от кого-нибудь злости или чей-то характер для них невыносим; что они поддались общему настроению, то они говорят именно об ощущениях своей души, возникающих при взаимодействии с другими духами.

Сила эмоций (ощущений) души – что на примитивной дискотеке, что на концерте классической музыки, что на митинге – равно обусловлена согласным взаимодействием человеческих душ. Правда, не без участия духов бестелесных. Поскольку любой дух и его влияние не подвластны законам материального мира, то над ними не властны ни преграды, ни расстояния, ни даже время. В каждом литературном, музыкальном или художественном произведении, в каждом архитектурном сооружении, в каждом ремесленном изделии воплощается дух его создателя и оказывает воздействие на дух человеческий. И чем одареннее создатель, тем большим эмоциональным воздействием обладает его произведение, тем с большим успехом душа создателя, его дух передает другим людям

свои качества, свои грехи и добродетели. Отрицательное влияние большого города на психо-физическое состояние человека также обусловлено не столько внешними отрицательными факторами, сколько тем мертвящим воздействием на дух человека, которое оказывает дух города, насыщенный страстями горожан.

Живительное влияние природы также в большей степени объясняется ее духом, нежели свежим воздухом. Ведь все в природе, от лишайников до млекопитающих, тянется к жизни, радуется ей и служит ей. Но источник жизни – Бог. Значит, вся тварь тянется к Богу и служит Ему, по мере своих возможностей, даже не зная, а только ощущая Его. И хотя знания о Боге не может быть у бессловесных животных, у птиц или растений, вся природа является как бы нерукотворным храмом, в котором все хвалят Творца, радуясь жизни. И человек ощущает жизнь, ощущает и воспринимает эту радость. И именно это оказывает благотворное влияние на его душу и, как следствие, на тело.

Получается, даже при беглом взгляде, что духовное играет в жизни человека гораздо более важную роль, чем материальное. Но внимание и желание людей устремлено к материальному, и духовное просто выпадает из их поля зрения. Такое выпадение ведет к духовной неразборчивости. Люди не хотят “испытывать духов” и поэтому не могут разобраться, какой дух вредоносен, а какой благотворен.

Распознать характер духов можно не только по душевным ощущениям. Влечения души также вызываются духами. Но абсолютно всем влечениям можно дать нравственную оценку. Дух и нравственность невозможно отделить друг от друга, почему и говорится о духовно-нравственных ценностях, а семинаристами изучается духовно-нравственное богословие. Именно нравственность свидетельствует о духе, которому служит человек. И, говоря о духовном, которое непознаваемо, нельзя упускать из вида нравственность, которая познаваема человеком, понятна ему и могла бы служить надежным путеводителем в мире духов. Более того, не разбирающийся в нравственных вопросах, которые легче доступны пониманию, просто не способен на большее, на суждение о вопросах духовных, рассуждая о которых, не может обнаружить ничего, кроме собственной несостоятельности. “Не духовное прежде, а душевное, потом духовное” (2 Кор. 15, 46).

Правда, стремление к тому, что приятно телу, вытесняет тяготение к тому, что хорошо для души, приятное и хорошее отождествляется, и опять привносится неразборчивость. Практически никто не учит душу разбираться в ее ощущениях, оценивать их и определять, чем они вызваны, а уж о воспитании души и говорить нечего. Телесными чувствами занимаются люди. Ребенка учат различать цвета, художники и музыканты затрачивают время, силы и средства, воспитывая свои чувства и предоставляя им все необходимое для роста и развития, а душе и потребного для ее жизни не дают; собачкам специальный корм покупают, а собственной душе корку сухую бросить жалеют. Поэтому и бросается изголодавшаяся и запаршивевшая в атеизме душа, чтобы не умереть с голоду, на отравленную пищу лжеучений и умирает уже не от истощения, а от отравления. А умерев, разлагается или мумифицируется. А ведь если бы человек прислушивался к состоянию души и разбирался в них, он легко мог бы ощутить настроение, вызываемое даже одним словом.

Очевидно, что слово “смирение” вызывает одно настроение, а слово “борьба” совершенно иное. Словосочетание “Борьба со смирением” вызывает более сильное и определенное настроение, потому что содержит указание и на способ действия (борьба), и на направленность этого действия (со смирением). Если же добросовестному, доверчивому, но неразборчивому по неопытности человеку дадут “духовный” совет бороться за смирение, то, послушно настроившись на борьбу, он уже никогда не достигнет смирения.

Борьба предполагает устремление к противнику и взаимодействие с ним, а смирение никуда не устремляется и не хочет взаимодействовать ни с какими врагами; смирение стоит, не отлучаясь от Бога, и этим отражает все нападки бесов. Так же ведет себя человек, попавший в реку во время ледохода и ухватившийся за проплывающее бревно. Его толкают волны и бьют льдины, но он не борется с ними, расталкивая их руками; он изо всех сил держится за бревно, видя в нем надежду на свое спасение, и избавляется от всего, что мешает ему держаться за это самое бревно. Только таким образом он может противостоять и противодействовать напору волн и льдин.

Противоречие бесам тоже не в мысленном споре и препирательстве с ними, а в следовании мыслям и в удержании настроения, которое для них несосно; противоречие бесам не в прекословии, а в молитвословии. А спорить с ними бесполезно и проигрышно, ибо, вступая с бесами в спор и пытаясь их в чем-нибудь убедить, человек уже отдает им свое внимание и желание, завладев которым они человека непременно уговорят, обманут или запугают.

В каком нелепом, жалком, смешном и опасном положении оказывается душа, вступающая в спор с бесами, можно, в самых общих чертах, понять из рассмотрения простого примера.

Предположим, что человек, беседуя со своим другом, проходит мимо рынка и слышит: “А вот телятинка парная!.. Молочко, сметанка, творожок!.. Персики, покупайте персики!” Человек оставляет своего друга и сначала бежит доказывать, что ему не нужно молоко, потом – что он не любит баранину и так далее. В своих доказательствах он не преуспеет, друга в людской толчее потеряет, вызовет раздражение покупателей и насмешки продавцов. А если начнет еще и обличать торговцев в обмане, а покупателей в “нетрудовых доходах”, то его обязательно быстро и сильно поколотят.

Никогда не поступит так человек, дорожащий беседой с другом; он и не услышит рыночных зазывал. Не будет их слушать и человек, у которого совсем нет денег, как не вступит в спор с бесами тот, кто не забывает о своей духовной нищете. Лучше и удобнее трудиться, произвольным сокрушением и смирением постепенно изглаждая из души недолжные желания, чем тяготиться, соглашаясь с желаниями и удерживаясь от их удовлетворения.

Смирение вообще свойственно духовно-душевному, а борьба – душевно-телесному устройению человека. И св. Макарий Великий говорит, что “весь видимый мир, от царей до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе”. Призывать к борьбе даже с грехами не совсем правильно и безопасно для души, поскольку борьба имеет целью победу и, как следствие, прекращение борьбы, в то время как бесы не прекращают своих нападков на человека до конца его жизни. Следствием победы может быть и превозношение, поэтому

святые отцы и говорили, что лучше поражение со смирением, чем победа с превозношением, а слово “борьба” употребляли по его понятности людям. Кроме того, когда речь идет о борьбе с бесами и о брани с ними, то в гораздо большей степени имеются в виду действия бесов по отношению к христианам, чем действия и расположения христиан. Подобное положение было и в земных войнах и борьбе: враги предпринимали враждебные действия и воевали, но христиане не относились к ним враждебно, что не мешало успешно отражать все нападения врагов.

Теперь рассудите сами, как относиться к словам “борьба за смирение” и насколько такой совет духовен и приемлем для православных.

Вот противостояние врагам Иисуса Христа и Небесной Церкви может быть смиренным, если совершается не по гордости, а по стремлению услужить Богу, угодить Ему. Надо только при этом, чтобы не обмануться и не впасть в обольщение, не забывать, что неверный в малом неверен и в большом. Следовательно, тот, кто не противостоит внешним и внутренним врагам своего земного царства (своей страны) и своей земной Церкви, не может считать, что противостоит врагам Небесной Церкви и Царствия Небесного.

Еще в одном смысле слово “духовность” употребляется при обозначении лиц, удостоенных чести постоянно поддерживать и восстанавливать разрушаемое греховностью единение между Богом и человеком, между Духом и плотью. Поэтому их именовали духовными лицами, лицами духовного сословия в отличие от лиц военного или купеческого сословия.

Понятно, что к одному и тому же человеку слово “духовность” во всех трех означенных его смыслах может быть применимо крайне редко.

И “духовное лицо” может восприниматься, как православный священник, только если он лично чужд любой ереси и принадлежит к церкви, не допускающей еретических взглядов и высказываний даже у отдельных епископов и пресвитеров. “Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного святого руководителя. Также и сам исследуй божественное писание, а особенно же практические сочинения святых отцов, чтобы... сопоставлять, и согласно с божественными писаниями принимать внутрь и удерживать мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много стало... прельстителей”.

Слова эти были актуальны во времена Симеона Нового Богослова; неизмеримо большое значение эти слова имеют в наши дни.

Описать поведение духовного человека не представляется возможным, как не представляется возможным предугадать, что будет делать и как себя поведет духовный человек в конкретной жизненной ситуации.

Тому, кто все же хочет узнать как ведут себя духовные люди, можно указать на поведение и отношение к жизни, которое было свойственно нашим соотечественникам и нашему народу до утраты православия. Часто приходится слышать, даже от русских, пренебрежительно-уничижительные отзывы о собственном народе. Не говоря о прямой клевете, злословие проскальзывает даже в невинных, на первый взгляд, словах; “Я так поступил по нашему русскому разгильдяйству (лени, пьянству и тому подобным качествам)”. Излишне говорить, насколько “Нравственные” подобные высказывания. Происходит это чаще всего от желания оправдать себя, облив грязью собственный народ и от неспособности понять и принять поведение православных людей.

Когда и где жил св. Ефрем Сирийский? А как будто о русском народе идет речь, когда он говорит, что право живущие подвергаются нечестивому осуждению “за великую их скромность, смиренномудрие, нестяжательность и прочие добродетели, и такое мужество в терпении называется часто уклонением от порядка и слабостью духа, и обвиняем оное в лености”. Поэтому былое поведение нашего народа будет непонятно утратившим духовно-душевное устремление современным людям, как делается непонятным для них и постепенно утрачивается русский язык. Для такой утраты есть по крайней мере две причины, одна из которых внешняя, а другая – внутренняя.

Внешняя причина – хотя все внешнее всего лишь проявление внутреннего – проявляется в том, что русские люди все чаще и все в большем количестве используют в своей речи иностранные слова и выражения, даже если в этом нет насущной необходимости. Люди делают это совершенно бездумно, не придавая этому никакого значения. Они как бы добровольно отказываются от слов родной речи, душой испытывая безотчетную потребность в словах чужеродного языка. Протоиерей Е. Попов в своей книге “Нравственное богословие для мирян” говорит, что “только народу пленному или потерявшему надежду быть самостоятельным требуется безусловно изучать чужой – иноземный язык” (Т. 1. С. 380). Применимость этих слов к русскому народу подтверждается его безразличием к нравственной оценке окружающих, их поведения в личной и деятельности в общественной жизни. Тот же протоиерей Е. Попов говорит, что “отзыв... “не мое дело”... неуместен; потому что дело общественное есть дело, касающееся каждого в отдельности”... и “ответственность за явные и вопиющие злоупотребления... когда все это не обличается и не преследуется, падает... и на каждого из членов этого самого общества”. Здесь уместно обратить внимание на то, что речь идет не об осуждении людей, а об обличении и преследовании их грехов, которые неизбежно ведут к любым злоупотреблениям.

Что же касается внутренней причины утраты родного языка, то она заключается в следующем.

Религия в жизни русского народа имела значение, которое сейчас даже невозможно оценить. С религиозной точки зрения оценивалось все окружающее, и любым действием отдельного человека или общества (сообщества людей) предавалось религиозное значение. И себя, кстати, рассматривая, в первую очередь, как последователей Христа, так и именуя себя – христианами (хрестьяне, крестьяне). Такое отношение находило свое отражение в языке народа. Москву рассматривали как центр не светской, а духовной власти, именуя ее “первопрестольным градом” (первопрестольным считался город, в котором находился престол первенствующего в стране митрополита). К царской власти относились как к Божию установлению, а к царю – как к помазаннику Божию. Исполнительность и обязательность обуславливались послушанием, а не страхом наказания.

Конечно, имели место и наказания, как и всегда они были в православных странах, ибо, хотя добро и невозможно насаждать принудительно, но можно и должно принудительно пресекать зло. Так, в Римской империи во времена Константина Великого

прелюбодеяние каралось смертной казнью, а Славянская Кормчая предписывала “урезать язык” священнику, нарушившему тайну исповеди.

В народе говорили, что нет худа без добра. Современными людьми эта поговорка понимается как указание на чередование в жизни человека темных и светлых промежутков, огорчительных и приятных событий. А ведь русский народ не ухитрился, а умудрился буквально в два слова вместить учение Церкви о том, что зло является только отвержением добра и без добра, которое отрицается злом, его просто не может быть.

Возьмем другую поговорку: вольному воля, а спасенным рай. В ней, совершенно лишенной смысла для материалистического сознания, ясно и просто выразилось понимание того, что человек может спасти свою душу и обрести рай только следуя воле Божией и отказываясь от воли своей, человеческой, независимо от того, какой она представляется: доброй или злой. Даже заповедям можно следовать по своей – или по Божьей воле.

И даже сейчас не вызывает сомнения правильность поговорки: от трудов праведных не построишь палат каменных.

Понимание того, как действуют страсти и отношение к ним, выразилось в словах: лиха беда начало, пришла беда – отворай ворота, на миру и смерть красна, дай черту палец – он всю руку отхватит. Осознание того, что любая страсть, а не только пьянство, действует опьяняюще на человека, воплотилась в словах: упиваться властью (богатством и пр.) и от трусости (жадности, блудливости, хвастливости) потерял голову.

Православное отношение к жизни и к смерти обнаруживается в слове покойник (успокоившийся от земной суеты), прощай (прости меня перед долгой или окончательной разлукой), спасибо (спаси Бог), пускай (пусти, не принуждай, добро не бывает принудительно), упаси, Господи (паси нас, будь нашим пастырем).

Понимание того, что духовное значимей материального, отразилось в словах: не по милу хорош, а по хорошу мил, не место красит человека, а человек место. С детства человеку делалось понятным, что самое радостное – это жить поживая, да добра наживать, наживать добрые мысли, расположения и поступки, а не домашний скарб.

Непонимание русского языка новыми русскими – а эти слова применимы не только к удачливым коммерсантам или мускулистым олигофренам – приводит к тому, что в беде новые русские ищут добрую бабку-ворожейку или, что то же самое, если выражаться научно, хорошего экстрасенса. Но ворожея – это то же, что ворог, враг, только женского рода, обращение к которому всегда пагубно. Уму непостижимо, как можно искать доброго врага, в надежде получить от него помощь, пребывая в здравом рассудке.

Но утрачен русскими людьми православный дух и перестал быть нужным глубоко духовный русский язык для обозначения сугубо материальных интересов и отношений. Поэтому можно сказать, что, по скудости мыслей и чувств, по душевной скудости забывается и утрачивается язык, в котором все больше воплощается поскудство, скудость душевная. Душа русского народа настолько оскудела, что сделалась понятной даже иноземцам, которые уж больше не считают ее загадочной русской душой.

Но если имеет место непонимание языка, то, тем более, должно иметь место и непонимание всей жизни народа. Поэтому у того, кто интересуется поведением, обусловленным православной духовностью, перед мысленным взором есть жизнь не отдельного человека, а целого народа. Но есть ли душевные силы, чтоб понять и принять эту жизнь?

Душа (дух) человека способна усваивать и перенимать характер других духов произвольно, по необходимости или неосознанно вступая в общение с ними. Такая духовная общность может привести к духовному единству, которому совершенно не обязательно сопутствует одинаковость.

В зависимости от нашего душевного устройства в повседневной жизни нам бывает приятно или радостно общение с человеком, который близок нам по духу. С таким человеком легко прийти к взаимопониманию, легко найти общий язык. А другого человека, даже если он умен и образован, мы “на дух” не принимаем, не всегда имея возможность понять и объяснить такое неприятие и пытаясь обосновать это неприятие чисто внешними факторами. Так легче. Злые духи всячески способствуют духовной неразборчивости и поддерживают ее, пытаясь свое духовное влияние скрыть за внешними, материальными причинами. И люди привыкают формировать свое отношение оценивая только внешнее.

Когда говорят о характере человека, то преимущественно имеют в виду его нравственность, его духовно-нравственное состояние. А говоря о способностях, преимущественно описывают его телесно-душевное устройство. Отсутствие общепринятой терминологии несколько затрудняет рассмотрение этого вопроса, но не лишает возможности подыскать нужные слова. Вполне допустимо считать, что способности народа в целом – прежде всего отражают те требования, которые предъявляет к народу среда его обитания и возможности для деятельности, которые эта же среда народу представляет. Избыточность душевных и телесных способностей отмечается так же редко, как и их недостаточность, и только в отдельных представителях народа. Следовательно, если для проживания в данных климатических, географических и прочих условиях требуются определенные способности, то народ будет наделен именно ими, как будет наделен способностями для осуществления любой деятельности, которая возможна в данной стране. Поскольку человек наиболее приспособлен, пригоден для проживания в своей стране, то и его способности во всей полноте могут раскрыться только в его же стране. Это одна из причин, по которым и говорилось, что где родился – там и пригодился. А негодный для своей страны вряд ли будет полезен в другой. Все хорошо только на своем месте. Поэтому, если мы не видим в другом народе дарований, которые у нас считаются как бы обыденными, то это отнюдь не следует расценивать, как бездарность. Говорят, что в языке какого-то индейского племени в Южной Америке насчитывается около 300 слов для обозначения одного цвета – зеленого. Средняя полоса, пожалуй, допускает возможность самой разнообразной деятельности, и поэтому жители средней полосы одарены разносторонними необходимыми способностями, но кто из них способен распознать 300 различных оттенков зеленого цвета?

Способности и свойства, которыми наделены народы, весьма постоянны и не изменяются ни из поколения в поколение, ни при изменении среды обитания. Поэтому попытки привнести в жизнь народа то, что ему не свойственно, как правило, обречены на неудачу.

А национальный народный характер зависит от усвоения определенных духовно-нравственных ценностей; в конечном счете от религии, которую исповедует народ и от степени его религиозности. Этим и определяется духовность народа, его дух. И носители духа иной религии, носители иного духа, духовно ощущаются как нечто чужеродное, ибо духовность не знает границ и наполняет всю жизнь человека, весь его повседневный быт, не ограничиваясь временем посещения богослужений и вычитывания правил. Дух иной веры делается приемлемым для представителя любого вероисповедания только в том случае, если он отрекается от своей веры. Поэтому к иноверцам можно и нужно относиться хорошо, но нельзя считать их друзьями, поддерживая с ними дружеские отношения. Ведь что такое “друг”? Человек того же духа; такой же, как я; другой “я”. Друзья – это друзи, други, другие “я” точно так же, как семья – это семь “я”. Как же мало осталось в России людей, которые могут сказать о себе, что у них есть “семь я”. Вот товарищами или товарками, людьми, с которыми поддерживаются чисто деловые, товарно-денежные отношения, иноверцы быть, безусловно, могут.

Дух русского народа, русский дух был православным. Само собой разумеется, что он противостоял своему прямому антагонисту, духу иудаизма, ни в коей мере не являясь духом антисемитизма. Русский народ и не мог иметь антисемитских настроений, поскольку и Спаситель, и Апостолы были евреями, как и тысячи их единоплеменников, уверовавших во Христа.

Последователей иудаизма любой национальности называли иудеями, а не только евреями. “В Иерусалиме же находились люди набожные, из всякого народа под солнцем. Парфяне и Мидяне, и жители Месопотамии, Иудеи, и Каппадокии...” (Деян. 2, 5). Это были не евреи, а иудеи в вероисповедном смысле этого слова, как и “... муж ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, ... приехавший в Иерусалим для поклонения” (Деян. 8, 27). И русские, как и люди других национальностей, сами того не замечая, тоже могут оказываться в числе последователей или пособников иудаизма, если усваивают его дух, его отношение к жизни.

И от общения с иудеями, с духом иудаизма, а не с евреями, охраняла Православная Церковь христиан XI правилом шестого Вселенского Собора: “Никто из принадлежащих к священному чину, или из мирян, отнюдь не должен ясти опресноки, даваемые иудеями, ни вступати в содружество с ними, ни в болезнях призывать их, и врачества принимать от них, ни в банях купно с ними мыться. Аще кто дерзнет сие творити: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен”.

Правило это распространяется на отношения с иудеями, приверженцами и носителями иудейского духа, любой национальности и – никакого антисемитизма. Но сказалось разлагающее влияние коммунистической идеологии, жидковат стал русский народ и стало ему не под силу смиренно следовать церковному правилу.

Итак, антисемитизм противен православию и большинству русского народа даже до настоящего времени. Кого же можно считать виновником этой мерзости, которая преступна и по земным, и по духовным законам? Еще римское право утверждало, что вероятнее всего виновником преступления можно считать того, кому оно приносит пользу или выгоду. А пользу антисемитизм приносит только духу иудаизма, поскольку отдельные, исчезающе малые, проявления антисемитизма позволяют преследовать любую попытку противостоять духу иудаизма.

Низведите верность православию на уровень национально-племенной вражды – и вера легко может оказаться уголовным преступлением.

Св. Писание заповедует христианам “испытывать духов”. Испытанию подлежит дух отдельного человека и целого народа. Заповедь эта духовна, и поэтому следование ей не может быть приостановлено пространственно-временными категориями или законами государственными, потому что Божие неподвластно ни времени, ни временному властителю. Не следовать ей православный человек может, только игнорируя Св. Писание.

Достаточно легко понять дух мусульманства или буддизма, но далеко не сразу делается очевидным, какой дух обусловил пропагандируемый и насаждаемый ныне в нашей стране “американский образ жизни” и довел американский народ до его нынешнего состояния. Совершенно неожиданно проливает свет на это недоумение Генри Форд, приведя в своей книге “Международное еврейство” следующие слова:

“На первый взгляд может показаться, что американская хозяйственная система не зависит от евреев. Тем не менее, я продолжаю утверждать, что Соединенный Штаты (может быть, более, чем какая-либо другая страна) пропитаны в высшей степени еврейским духом. Это признается многими, и прежде всего теми, которые в состоянии лучше, чем кто-либо иной, судить об этом предмете.

Ввиду этого не является ли справедливым мнение, что Соединенные Штаты обязаны своим существованием евреям? И если это так, то не имеется ли достаточных оснований утверждать, что еврейское влияние сделало Соединенные Штаты тем, что они есть, то есть Американскими? Ибо то, что мы называем американизмом, не что иное, как очищенный еврейский дух”.

Для полноты картины необходимо заметить, что США обязаны евреям не только своим существованием, но и возникновением, и служат тактическим и стратегическим интересам иудейского духа. И не случайно практически все президенты США были масонами, как не случайно носители одного духа – евреи и американцы – никогда не вызывали большой симпатии и любви ни в одной стране мира.

С материалистической точки зрения США представляют из себя в настоящее время самую могущественную страну на земном шаре. О могуществе России можно даже не упоминать. Противостоит она своим врагам только огромностью пространства, для освоения и перепланировки которого потребны огромные средства, силы и некоторое время. Пока эти задачи успешно решаются с помощью

мероприятий, которые уже традиционно положено считать повышающими обороноспособность и укрепляющими экономику. Особенно трогательна забота о благосостоянии народа.

Если же дать США духовную оценку, то окажется, что на текущий момент это всего-навсего колония Израиля.

Такое расхождение между материалистической и религиозной оценками наблюдается почти всегда не только потому, что материализм ограничен видением только материальной составляющей мира, но и по исходному отвержению материализмом религии и религиозных мнений.

Можно даже сказать, что материалистическая ориентация привнесла в видимый мир смерть через отпадение Адама от Источника Жизни, от Бога. Тяготясь ощущением собственной смертности, человек хочет заглушить его ощущениями телесными. Спасаясь от смерти, человек “и жить торопится, и чувствовать спешит”, приближая и укрепляя власть смерти над собой своими же собственными согрешениями. И чем сильнее ощущение смерти душевной, тем с большей силой человек устремляется к ней, в заблуждении своем, в поисках сильных и разнообразных чувственных удовольствий и ощущений.

А православная ориентация избавляет человека от ощущения смерти и не понуждает его искать все новых и новых подтверждений того, что он все еще живет.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ БОЛЕЗНЕЙ С УКАЗАНИЕМ ВЫЗЫВАЮЩИХ ИХ КАЧЕСТВ

ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

(чаще формируются при удовлетворении грехам)

Шизофрения – мечтательность, самоуверенность (самомяние), своеволие. Часто наблюдаемая манерность – воплощение самолюбования; аморфность, инфантильность – безответственности.

Прицельно “врачающие” качества – определенность, вера, послушание.

Эпилепсия – жестокость, самонадеянность, нетерпение (мятежность), упрямство.

Врачуется жалостью, надеждой, терпением.

Любая истерическая симптоматика – тщеславие (привлечение внимания к себе, к своим мыслям, эмоциям, состояниям; “профессиональная” болезнь актеров).

Любая невротическая симптоматика – заносчивость (варианты зависят от присоединившихся отрицательных качеств).

Алкоголизм – вторичное проявление плотолюбия.

Депрессивные состояния – тоска (может сопровождаться гипотонией), уныние (желание “не просыпаться” утром), печаль (сонливость к вечеру), саможаление (сопровождается изысканием плохого там, где его нет).

Причины психопатий прослеживаются достаточно легко в каждом отдельном случае путем определения главенствующего греха.

Суицидальные тенденции (не демонстративные) – отчаяние, трусость, нетерпение (последнее может обнаруживаться через тошноту, беспричинное повышение температуры тела).

Наркомании (небарбитуровые) – душелюбие.

СОМАТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

**(возникают тогда, когда человек не удовлетворяет
греховным качествам)**

Язвенная болезнь желудка – трусость.

Язвенная болезнь 12-перстной кишки – опасливость (может обнаруживаться как по желанию со всеми быть в хороших отношениях, так и по умению наживать себе врагов).

Облитерирующий энтерит – боязливость. Повторное многократное нажатие кнопки, которое каждый раз сопровождается сильным местным воздействием электрического тока, легко может привести к спазму сосудов. Наиболее часто повторяющиеся поступки – это ходьба, шагание, которое у охваченного боязливостью человека приводят к заболеванию, так как вызывают те же последствия из-за боязни каждого шага.

Заикание – пугливость (часто связано с самонадеянностью).

Бронхиальная астма (бронхит) – напористость. Легко заметить, как преодолевающий сопротивление человек **произвольно** задерживает выдох: в споре, при поднятии тяжести, при прицеливании перед выстрелом и т.д. Когда настроение, воплощающееся в задержке дыхания, делается преобладающим, задержка выдоха происходит **помимо** воли больного. Врачующие качества – целеустремленность, определенность, постоянство или уступчивость.

Тиреотоксикоз – рвение. Может рассматриваться как результат гормональной “самостимуляции” организма. Врачующие качества – умеренность, постепенность или усердие и старательность; надежда.

Ишемическая болезнь сердца – жестокость. Ранее возникала при снижении возможностей человека в сочетании с желанием сохранить прежнее положение, влияние. Заболевание “помолодело” в связи с ростом уровня притязаний. Профессиональное заболевание чиновников. Врачующие качества – благодарность, уважительность, человеколюбие или строгость, суровость, требовательность.

В основе всех болезней лежит, разумеется, гордость, которая трудно замечается сама по себе, но делается легко заметной по отсутствию благодарности или по уровню внешних притязаний, так как человек претендует только на то, на что считает или ощущает себя имеющим право.

Врачующими качествами могут быть качества, противоположные грехам и требующие изменения сложившегося стереотипа поведения, или качества, отличающиеся внутренней ориентацией души и поведенчески, внешне, сходные с вызывающими заболевание грехами.

Корреляция грехов и болезней далеко не исчерпывается описанными сочетаниями, но разрешение этих и многих других нужных и интересных вопросов требует слаженных коллективных усилий и времени.

А вот создание православной психологии и психиатрии в больших усилиях не нуждается, ибо они уже созданы трудами святых отцов, но даже только систематизация содержащихся в этих трудах знаний непосильна одному человеку, хотя, вне всяких сомнений, принесла бы людям не меньше пользы, чем вся психофармакология при полном осознании огромного значения последней.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МЕТОДИКИ БЕСЕД С БОЛЬНЫМИ

Предлагаемую методику можно считать применимой при лечении любой болезни уже хотя бы потому, что болезнь рассматривается как воплощение греха, а при противостоянии любому греху человек, практически всегда, прибегает к одним и тем же средствам. Участие врача, конечно, желательно, но носит несколько своеобразный характер, поскольку поставить сам себе диагноз и назначить медикаментозное лечение больной чаще всего не может, но только он сам может признать грех, отыскать его и противостоять ему.

Помочь во всем, что касается взаимоотношений человека с грехом, может только врач, хоть в малой степени опытно знакомый со святоотеческим учением о грехе и противостоянии ему. Помощь священника хороша и уместна всегда, но даже священнику лучше уклониться от конкретных советов или рекомендаций, если он не имеет личного опыта противостояния греху. В этом случае дух смирения, исходящий от священника и воспринимаемый ищущими совета, может принести гораздо большую пользу, чем несовершенный совет.

Краткость методики объясняется тем, что невозможно непосильным да и не имеет смысла излагать все, что содержится в святоотеческом учении о противостоянии греху.

Следует также иметь в виду, что при освоении данной методики часто отмечается то, что в медицине называется болезнями третьего курса: начинающий изучать клиническую картину болезней студент с недоумением, а иногда и с испугом находит у себя почти все болезни. Так же и учащийся распознавать грехи находит их у себя – но далеко не все грехи наличествуют на уровне страсти, могущей привести к конкретному соматическому или психическому заболеванию.

Начинаются беседы, как правило, с уяснения того, что каждый человек ищет в жизни **радости и счастья**. Пусть каждый связывает эти понятия с разными причинами, но каждый соглашается, что цель его поисков и труда может быть обозначена этими словами.

Далее следует обсуждение того, что радость и счастье не зависят от внешних причин: счастливыми и несчастными равно могут быть юные и старые, бедные и богатые, абсолютно безграмотные и профессора, находящиеся в самом низу социальной лестницы и высокопоставленные люди... Таким образом, если наличие ощущения счастья и радости не зависит от важнейших внешних факторов (возраст, образование, деньги, социальное положение), то тем менее оно зависит от менее значимых внешних условий и обстоятельств. Но **внешнее** участвует в формировании состояния человека через его **внутреннее** отношение к внешнему. При этом, в зависимости от внутреннего отношения к нему, одно и то же внешнее обстоятельство может способствовать формированию самых разнообразных состояний и форм поведения (поступков). Например, попавший в беду может вызвать и сочувствие и злорадство, пьяный дебошир – и осуждение, и жалость.

В связи со склонностью людей к объяснению (и через это оправданию) своего поведения внешними обстоятельствами, которые якобы вынуждают людей вести себя каким-либо определенным образом, подлежит рассмотрению вопрос о “свободе” и “воле”, а так же о том, что человек **всегда** поступает по своему желанию или произволению, и имеет место не отказ от собственного желания, а выбор одного из желаний, более предпочтительного. Строго говоря, даже раб предпочитал выполнять свою работу и получать пищу, а не отказываться от работы – и получать плети.

Ссылка на людей со “слабой волей” легко нейтрализуется рассмотрением поведения “слабовольного” алкоголика, который не может бросить пить несмотря на уговоры жены, детей и друзей, несмотря на неприятности на службе и заботы врачей. Но, по сути дела, с его “слабой” волей не в состоянии справиться все его окружение, и поэтому правильнее говорить не о **слабости**, а о **направленности** воли.

Отношение, желание (произволение), поведение основываются исключительно на моральных качествах, и именно по **выбору** отношения (свобода) и поведения (воля) обнаруживается то, чему человек отдает предпочтение: лжи или правде, жадности или бескорыстию и так далее.

Следовательно, если радость и счастье зависят не от внешнего мира, а от внутреннего отношения к нему, которое, в свою очередь, формируется нравственными качествами, то можно без сомнения утверждать, что **радость и счастье человека зависят от его нравственности**.

Производится разделение нравственных качеств на положительные и отрицательные. Выправляются и объясняются совершенные ошибки. Обращается внимание на то, что физическая сила, ум и тому подобное сами по себе не являются качествами, так как, с одной стороны, могут быть направлены на служение как добру, так и злу, а с другой стороны, их наличие не находится в произволении человека.

Рассматривается, какими эмоциональными состояниями сопровождаются положительные, а какими – отрицательные качества, и наличие у человека отрицательных эмоций вводится, как основание для поиска им в себе отрицательных качеств.

Рассматриваются замеченные человеком в себе отрицательные и положительные качества, не менее 5. Часто больным фиксируются второстепенные качества, а основные не замечаются. Неспособность обозначить свои же положительные качества говорит, как минимум, о неблагодарности, а неумение распознать отрицательное – о самомнении, о гордости, которая легко замечается по уровню самооценки и притязаний.

Понятия о качествах заменяются понятиями о грехах и добродетелях, о греховности. Обращается внимание на то, что **грех и болезнь не столько вина, сколько беда человека**, что грех противоестественен для человека, так как приносить вред может только то, что против естества, чем оно, естественно, повреждается и разрушается.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что преступником, подлежащим наказанию, человек становится не тогда, когда он будет ежедневно совершать (или вдохновлять) все мыслимые преступления, а тогда, когда от совершит хотя бы однажды одно из них. То же самое относится ко греху и воздаянию за него.

В связи с этим объясняется, что, хотя в человеке хорошего может быть больше, чем плохого, искать следует плохое. Разбирается понятие о самоправедности и о невозможности для человека (по естественному свойству внимания быть направленным только на что-нибудь одно) увидеть свои грехи, если он занят отыскиванием своих добродетелей.

В связи с тем, что грехи и греховность не очевидны, пока человек не попытается им противостоять, больному предлагается занять должным свое внимание и желание. Затем следует научение замечать ощущаемое желание (ощущение, возникающее за грудиной при сдерживании готового сорваться слова, начатого действия – это и есть ощущение собственно желания). При достаточном внимании легко можно заметить, что “движение” желания предшествует любому, даже обыденному, высказыванию или поступку.

Для соматических заболеваний, ко всему сказанному выше, присоединяется объяснение порядка взаимоотношений души и тела, обращается внимание на то, что, при мысленном представлении различных ситуаций и различного поведения, в теле под влиянием души происходят различные биохимические процессы с вовлечением различных функциональных систем.

Проводится беседа об изменении состояния души, наличии разлада и противоречий между мыслями, желаниями и возможностями (потребностями) плоти.

Человек учится различать: плохо – неприятно, хорошо – приятно, радость – удовольствие.

Все высказываемые положения нужно иллюстрировать предельно простыми, не допускающими разночтений примерами из окружающего.

Работа складывается из бесед, в которых рассматриваются отдельные положения, и обязательных “домашних заданий”, которые предполагают обдумывание содержания беседы и подготовку вопросов, наличие которых свидетельствует о добросовестном старании и заинтересованности больного.

Рассматриваются возможности противостояния греху либо большим злом, либо добром. Показывается животворность добродетелей, отход от которых несет смерть, и любовь – как источник всякой добродетели. Рассматривается животворность любви. Дается понятие о Боге, о Церкви, о Таинствах.

Поскольку всякий грех является обычным (привычным) для больного желанием, то любое обличение греха оказывается нежелательным для больного, вызывает его протест и желание уклониться от беседы, изменить ее направление и содержание или опровергнуть мнение и слова собеседника.

Такое отношение формируется подсознательно и ни в коем случае не рассматривается больным как результат воздействия греха, поскольку, признав действие греха, больной тем самым признал бы и его наличие.

Противодействие больного, обусловленное указанным отношением к беседе, может принимать самые разнообразные формы, но некоторые из них встречаются настолько часто, что целесообразно их заранее обозначить.

1. Попытка втянуть врача в спор о предмете беседы.
2. Попытка обосновать желание не следовать рекомендациям врача и не доверять ему, выявив его недостаточную компетентность, не имеющую отношения к теме беседы.
3. Провоцирование врача на “передозировку” информации быстрым осмыслением без принятия обсуждаемого, без согласия с позицией врача.
4. Выяснение конечной цели бесед врача с последующим отказом от нее, как от непосильной.
5. Обсуждение моральных качеств врача, достоинств и недостатков его подхода к болезням, его способностей.
6. Прямое “заражение” врача своими качествами (грехами).

В процессе собеседований неоднократно и настоятельно необходимо напоминать больному, что он ни во время беседы, ни дома не должен оставлять невыясненным ни одного положения, полностью им не уясненного, каким бы малозначимым оно не представлялось, ибо серьезные упущения часто проявляются в малозначачих деталях. Всячески поощряются, пусть многократные, вопросы больного по одному и тому же поводу.

Дальнейшая работа – обращение к христианским добродетелям и таинствам Церкви.

Но, помимо исчисленных особенностей лечения, применение данной методики обязывает учитывать более общие особенности, касающиеся как врача, так и больного.

Не следует забывать о том, что психиатры и психотерапевты, особенно имеющие большой опыт работы с больными, привыкли идти путем улучшения и укрепления больного, повышать его **веру в себя, в свою** способность собственными силами преодолевать трудности и достигать искомого результата. Иными словами, врачи привыкли вести больного по пути **самоутверждения** в разрешении беспокоящих его вопросов или переключать его внимание на какие-либо другие цели, достижение которых видят опять-таки на путях **самоутверждения**. Аналогично настроено и большинство больных. Путь этот порочен по самой своей сути, потому что любой грех, приносящий человеку болезнь, и является формой (или способом) самоутверждения во внешнем мире.

И, напротив, всякое положительное качество – это потребность ограничить себя ради блага другого человека, это форма ограничения личных притязаний человека во внешнем мире. Личных – но не тех, которые необходимы ему для выполнения своего служебного или общественного долга. Врач может в нашей стране получать нищенскую оплату труда, но он вправе требовать для выполнения своей работы медикаменты и оборудование, в том числе и дорогостоящие; учитель вправе соглашаться на мизерную оплату своего личного труда, но вправе требовать дорогостоящие учебные пособия.

Что касается многочисленных психотерапевтических методик, созданных вне нашей страны, то они созданы людьми, дух которых никак нельзя считать православным. Будучи порождением и воплощением чуждого православию духа, они всякого своего последователя рано или поздно наделят этим же духом и отведут от христианства или приостановят человека на его пути к вере. Да иначе и быть не может: чуждые христианскому пониманию человека, его назначения и происхождения, преследующие чуждые христианству цели и использующие для их достижения чуждые христианству средства – какое воздействие эти методики могут оказывать на христианина, кроме отрицательного? Ни одна из них не содержит в себе и тени раскаяния, без которого невозможно отойти от греха и его последствий.

Таким образом, для православного целесообразно строить отношения с психотерапией на основании следующих слов: “Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его (2 Посл. Иоан. 1, 1-11). То же относится даже к голосованию.

Если же психотерапевт заявляет, что он православен до мозга костей своих, то пусть ответит на один вопрос: “Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?” (Иак. 3, 11). Да и какая нужда примешивать тьму безбожной психотерапии к свету Православия, пусть даже в самых малых количествах? Кое соучастие верного с неверными? (2 Кор. 6, 15). Ведь малая ложка дегтя целую бочку меда способна испортить. Поэтому эти методики для православного врача или пациента не могут быть приемлемы, как бы соблазнительно ни выглядели. Увлеченность изучением психотерапевтических методик и приверженность к ним достаточно откровенно обнаруживают антиправославный дух прибегающего к ним, поскольку двум господам служить невозможно. Еще св. Игнатий Брянчанинов говорил, что дух, противящийся тому, чему учит христианство, по необходимости следует тому, чему научает дух антихристов, а отвергающий Христа, одновременно с этим принимает Антихриста.

Желание исцелить болезнь при помощи нравственного усовершенствования также методологически порочно. При такой установке большее и лучшее (душа) ставится на службу меньшему и худшему (телу), что находится в противоречии с природой человека, в которой назначение тела – служить душе. Кроме того, такая постановка вопроса исподволь взращивает стремление к внешнему, к самоутверждению в форме плотолюбия или плотозаботливости.

Болезнь – только показатель греха, и от него-то надлежит исцелить душу, а телесное здоровье естественно последует за оздоровлением души.

Правда, бывают случаи, когда можно напрямую трудиться для телесного здоровья. Это допустимо тогда, когда болезнь отягощает близких или мешает выполнению заповедей и своих житейских или служебных обязанностей. Но и в этом случае здоровье не является самоцелью, а лишь средством, необходимым для исполнения нравственного долга.

Еще одним камнем преткновения является самолечение. И если для больного в общем этот термин понятен настолько, что не нуждается в расшифровке и объяснении, то для лечащего это не столь очевидно. Применительно к врачу “самолечение” можно понимать как желание самому, собственными силами и знаниями излечить больного. Да, для лечения необходимы труды и врача, и больного. И больной, считающий, что он вправе вести себя как угодно, а врач обязан его вылечить только потому, что он к врачу обратился, вряд ли получит исцеление. В общем позицию таких больных можно сформулировать следующим образом: “Я пришел, я заплатил; ты – врач, обязан меня лечить. Вот и вылечивай как хочешь”. И эта позиция свидетельствует и о безнравственности, и о малом, мягко выражаясь, уме.

Но даже совместные труды врача и пациента не являются оплатой, гарантирующей немедленное получения больным здоровья. Эти труды склоняют к себе милость Божию. и Бог, как Источник жизни, дарует выздоровление.

Поэтому обращение к Таинствам необходимо хотя бы в том смысле, что через них подается здравие души и телу. И какое уже здесь “самолечение”!

Разумеется, что, поскольку грех и вызванная им болезнь возникают не вдруг, а в процессе постепенного и постоянного возрастания в результате греховной жизни, постольку и избавление от них возможно благодаря усиленному обращению к добродетелям постоянно, а не только на время визитов к врачу и посещения храма; благодаря жизни по православным нормам, по заповедям, которые только и могут принести страждущему исцеление. Правда, жизнь по заповедям крайне затруднительна в бывшей православной стране. Прямого гонения на христиан нет, но есть постепенное “выдавливание” христианского отношения к жизни из быта и работы людей; для христианского отношения просто не оставляют места. Но свободы (право выбора человеком своего отношения к окружающему), слава Богу, еще не лишен человек. И он может выбирать: покривить душой – и преуспевать, или сохранить верность заповедям даже в ущерб материальному положению. Речь, разумеется, идет о христианах, а не о тех, кто лицемерно объявляет себя христианином только потому, что это модно, или для того, чтобы обнаружить свою приобщенность к “духовности”, или только потому, что “в детстве, 40 лет тому назад, меня бабушка крестила”. Одно дело называть себя православным, а другое – быть им или хотя бы по мере сил деятельно идти к православию.

По словам св. Макария Великого, “...слушающий слово приходит в сокрушение,.. начинает он... поучаться во брани, борется и подвизается против сатаны, и после долгого состязания и борения одерживает победу и делается христианином. А если бы, слышанием только, без труда достигал кто благой части; то и лицедеи и все блудники вошли бы в царство и в жизнь”.

Бог есть Любовь. И мир, естественно, устроен Им по собственным законам, по законам Любви. Сказано также, что Бог “...Истина и Жизнь”. И как нераздельны и неслиянны Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой, также, можно сказать, нераздельны и неслиянны Любовь, Истина и Жизнь. Человек же создан по образу и подобию Божию, и в нем также нераздельны и неслиянны ум, мысль (выраженная словом) и вызываемое мыслью, но проистекающее от ума настроение (дух человеческий).

Таким образом получается, что отвергающий Любовь и основанное на ней отношение к окружающему, отчуждает себя от Истины (правды) и Жизни (Животворящего Духа); сознательно искажающий Истину – лишается Жизни (здоровья) и Любви (добродетелей), а пребывающий в “плохом настроении” – просто не может приобщиться ни Истины, ни Любви.

Вообще любовь бесконечно больше гордости потому, что ее источником является Бог, а источником гордости – пусть высокоодаренное, но тварное и, следовательно, ограниченное существо. Но как без гордости немыслим никакой другой грех, так и без Бога (Любовь) – никакая добродетель. Как срезанные цветы, лишенные естественного питания через корни, увядают и гниют, так и духовно-нравственные качества в атеистическом обществе извращаются, приобретают уродливые формы, гибнут.

Кстати сказать, Заповеди и даны нам, чтобы, соблюдая их, мы не оказались в состоянии противоречия с законами, по которым создан мир и мы сами, с законами Любви, и через это не лишились Жизни.

И, пожалуй, последнее, о чем нужно предупредить. Понятна и несправедлива потребность поскорее обрести здоровье – для больного, и излечить человека – для врача. Но “словесная передозировка”, как правило, приводит к резкому обострению как душевного, так и, правда, в меньшей степени, телесного заболевания. В беседе с больным важна не его способность запомнить и даже понять сказанное, а его способность усвоить то, о чем говорит врач. Василий Великий говорил, “что при избыточном употреблении пищи извергаются не только ее излишки, но и необходимое”, и советовал давать духовную пищу, соотносясь с состоянием слушающего, чтобы не случилось подобного и с духовной пищей.

Поэтому, несмотря на краткость изложения, эта методика требует для практического освоения 2-4 месяца, а в течение первых 1-2 недель беседы с больными должны проводиться практически ежедневно.

В заключение хочется сказать, что болезни могут врачеваться или человеческими, или бесовскими, или Божиими силами. К бесовским прибегать недопустимо, к человеческим – не всегда усиленно. Остается Божие заступление по милости к человеку. Поэтому и хотелось бы видеть занимающимся болезнями, хотя бы только душевными, священника.

Для этого есть еще одна причина, которую нужно иметь в виду любому врачу.

Святые отцы предупреждают, что если человек (в нашем случае – врач) относится с любовью к врачуемому, то, по законам любви, он разделяет с ними труд перенесения скорбей и болезней, вызванных грехом. Если же с осуждением – то Господь попустит ему впасть в

те же грехи и в вызываемые ими скорби. Помимо этого, если несовершенный человек дерзнет обличать чьи-либо грехи, то возбуждающие эти грехи бесы нападут на него с удвоенной силой.

Для священника защитой от скорби и унижений, приносимых бесами, может служить его сан. Для мирского человека (врача) могла бы послужить непрестанная молитва, но удержать Иисусову молитву во время активной беседы с больным вряд ли возможно. Единственное, что доступно произволению врача и что может защитить его и от бесовских нападков, и от влияния души больного, это непрестанное сокрушение и смирение, “ибо сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничтожит”. Но полностью нейтрализовать негативное воздействие больного на врача не удастся. Разве что только в том случае, когда врач не затрачивает вызывающие болезнь грехи.

ПЕРЕЧЕНЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ (ГРЕХОВ) С ОПИСАНИЕМ НЕКОТОРЫХ ИЗ НИХ

Азартность – желание отдавать время, силы, средства тому пристрастию, которым занят в настоящий момент в ущерб не только долгу, но и иным своим же увлечениям.

Беззаботность – желание избавить себя, хотя бы временно, от каких бы то ни было забот, даже житейски необходимых.

Безжалостность – желание не разделять с человеком труд перенесения скорбей и страданий и не пытаться их уменьшить или ослабить.

Безнадежие – желание не искать возможности надеяться; желание ни на что не надеяться.

Безнаказанность – желание не считать себя подлежащим наказанию, независимо от поведения; желание избегнуть наказания.

Безответственность – желание не нести ответственности за свои поступки. В внешнем поведении обнаруживается высказыванием заведомо неприемлемых предложений, высказыванием собственных намерений, которые говорящий не собирается проводить в жизнь, попытками сделать так, чтобы желательное для тебя решение или мнение было выдвинуто, высказано другими людьми и принято большинством участвующих в обсуждении людей (всевозможные собрания, голосования, “воля народа”); желанием уклониться от ответственности, объяснив свое поведение или высказывание давлением обстоятельств или собственной неспособностью, бессилием поступать иначе; не обнаруживать своих целей, планов, не желая подвергнуться порицанию не только за дела, но даже за мысли. Проявляется нежеланием (а в последующем неспособностью) прогнозировать и предусматривать последствия своих чувств, мыслей, высказываний и поступков, Может обнаруживаться также склонностью к занятиям, не приводящим к какому-либо осязаемому результату, за который пришлось бы отвечать (например, игры на компьютере или любые другие развлечения). Взращивается безответственность родительским желанием баловать ребенка, разрешать делать ему все, что угодно, не наказывать его не только за непослушание, но и за откровенно распушенное поведение, оградить от справедливых упреков и претензий окружающих. Как и все грехи, безответственность проистекает от гордости через самолюбие – саможаление – самооправдание и приводит к бесцельности и бессмысленности (утрата в жизни цели и ее смысла), сводя всю деятельность человека к удовлетворению повседневных, сиюминутных, житейских потребностей. В медицине состояние человеческой души, определяемое безответственностью, принято называть инфантильностью. В окружающих безответственным человеком отвергаются любые качества, могущие заставить его отвечать за свои поступки, и прежде всего целеустремленность, определенность, требовательность. Кстати, последняя черта (качество) часто свойственна самому безответственному, но по отношению не к себе, а к окружающим. Безответственный человек легко нарушает взятые на себя обязательства (“мое слово: хочу дал, хочу взял обратно”), принимает на себя обязательства, заведомо невыполнимые, не является вовремя на встречи, в том числе и деловые и т.д. Противостоят легче всего теми качествами, которые безответственными отвергаются активнее всего, безусловным признанием того, что даже “за каждое праздное слово” человек понесет ответственность либо в этой жизни, либо в будущей. Наиболее распространенное средство воспитания безответственности в людях – это учение о карме и о перевоплощениях души, при которых окончательной ответственности за свою жизнь человек не подвергается неопределенно долгое время. Безответственный человек ко всему относится достаточно легко и часто склонен к иронии, которая в значительной степени умаляет его трудности, которых безответственный человек не избежит.

Безразличие – желание не различать добро и зло. (Связано с самооправданием, презрительностью, сомнением.) Низводит на уровень “безсловесных”.

Безрассудство – желание не рассуждать о своем поведении, поступках, не обдумывать их даже тогда, когда человек способен на это.

Беспечность – желание не заботиться о спасении души, о полезном для нее.

Беспощадность – желание не щадить (не прощать) даже тех, кто просит о прощении, о милости, безоговорочно признавая свою вину и всей своей силой отрицая виновного поведения в будущем.

Бессовестность – желание не обращать внимания на собственные мысли, обличающие твое же плохое (греховное) поведение и намерения.

Бесстрашие – желание либо не испытывать чувство страха, либо убедить в его отсутствии себя и окружающих.

Бессмысленность – желание не видеть смысла своих поступков, не искать его.

Бесстыдство – желание не обращать внимания на то, что для окружающих, которые не сделали тебе ничего плохого, твое поведение тягостно, огорчительно, вредно.

Бесцельность – желание не ставить перед собой определенную, конкретную цель и трудиться ради ее достижения; желание не иметь цели.

Блудливость – желание либо незаконных интимных связей, либо, в более широком смысле, желание физической близости не для чадородия. Последнее возможно и во взаимоотношениях супругов.

Боязливость – желание считать вредными для себя свои же собственные поступки, а не толкающие на них страсти.

Брезгливость – желание считать окружающее (окружающих) неприемлемо грязным, вредоносным, худшим того, чего мы достойны.

Властолюбие – желание обладать властью над окружающими, распоряжаться ими.

Воровство – желание тем или иным способом присвоить то, что тебе не принадлежит.

Враждебность – желание расценивать обстоятельства и отношения окружающих как заведомо направленные против тебя и дать им отпор.

Высокомерие – желание считать себя выше других людей по одаренности и целям деятельности и доступным не обычным, а только высоким мерам (как правило – духовным).

Выдержка – желание скрыть свое, чаще отрицательное (греховное), отношение к окружающему.

Отличается от негодования, обличения и терпения протестом (против реальности, против того, что есть в действительности) с которым согласен, который рад был бы обнаружить, но не имеешь возможности или не считаешь правильным это делать сейчас. При этом сокрушение о греховных расположениях, желаниях полностью отсутствует, а организм в то же время приводится в состояние готовности к совершению скрываемых греховных расположений. В результате этого возникает выраженное противоречие между функциональной готовностью к конкретным действиям и внешним отсутствием этих самых действий. Это приводит к нарушению сначала функциональному, а потом и органическому тех или иных органов или систем человеческого организма. Как правило, сопровождается мыслями типа: “*Эх, хорошо бы...*” (выпить, наорать, убежать...). Это настроение ощущается, воспринимается и усваивается окружающими, особенно детьми, независимо от внешнего поведения человека. Например, у матери, которая хочет объедаться, кричать, бездельничать, ребенок будет все это делать, даже если мать внешне не позволяет этого себе в своем поведении. И именно *расположение* родителей является основным воспитывающим фактором, а отнюдь не содержание их нравучений, и даже не их внешнее поведение. Также отсутствие любви и уважения к детям, при создании внешне комфортных условий существования, ведет к тому, что у ребенка нет любви и уважения к родителям. Если же родители тягостятся обществом ребенка, то и он будет тягоститься их обществом, если пренебрегают, то и он будет пренебрегать, если снисходительны, то и он будет относиться к ним так же. Выдержанные люди часто, сами не удовлетворяя своим страстям, в той или иной форме воспитывают их у окружающих или прямо навязывают им. Как, например, алкоголик будет склоняться к выпивке, жадный – к накопительству и т.д. Достаточно часто выдержанный человек в качестве своей профессиональной деятельности выбирает ту, которая косвенно удовлетворяет его страсть, в результате занятия предметом страсти или общением с подобострастными людьми. Так, тщеславный легче выберет профессию актера, жадный – бухгалтера, страждущий чревоугодием – повара, а профессию венеролога – блудливый. *Противостоять* выдержке можно, сокрушаясь о тех грехах, которые ею скрываются, но для этого нужно признать, а потом увидеть эти грехи. Можно противостоять также отказом от материальных целей своего существования, так как при таком отказе нужда в выдержке отпадает сама собой. Можно также обратиться напрямую к добродетелям, которые сделают выдержку ненужной: к терпению, обличению, негодованию или самоукорению.

Если выдержанный человек питает склонность к настроениям, вредности которых не знает, то он старается *вести себя* не в соответствии с этими настроениями и вызывающими их качествами, а внутренне сохраняет склонность к ним. Поэтому весь труд направлен на удерживание проявлений недолжного, а склонность к нему остается неудовлетворенной. Практически все поведение можно охарактеризовать словами “делаю не то, что хочу”. Это естественно и необходимо приводит к расслабленности, пассивности через уныние. Запретные расположения, поскольку нет отказа от них, нет *произволения* искоренить их, не будучи проявляемы, ищут компенсации через усиление не столь вредоносных грехов (запрет на блудливое и самонадеянное расположения может повлечь за собой усиление плотолюбия и лени). Остаются незамеченными те расположения, для реализации которых просто нет подходящей внешней обстановки или которые пресекаются окружающими (самонадеянность, властолюбие, жестокость, грубость). Фактически при всем огромном затрачиваемом труде отсутствует *раскаяние* (изменение отношения) к тем качествам, о которых идет речь; им противостоят вынужденно, а не самоохотно; ими услаждались бы, если бы было можно, а сокрушение о их наличии, негодование по отношению к ним, поиски способов борьбы с ними, или просьбы о защите носят формальный характер. Не боится вредящих качеств, потому что не относится к ним, как к врагам.

Гордость – желание считать себя самостоятельной и единственной причиной всего хорошего, что есть в тебе и вокруг тебя.

Во внешнем поведении человека гордость проявляется двояко. Практически *любой видимый грех, который совершает человек, является проявлением гордости* по следующим причинам. В каждом человеке заложено чувство справедливости, которое по сути своей является субъективным ощущением соразмерности между достоинствами человека внутренними и внешним воздаянием за них. По устройству своему человек никогда не претендует во внешнем мире на то, на что внутренне не считает себя имеющим право. Поэтому чем интенсивнее выражена в человеке гордость, тем на большее он считает себя имеющим право и, не колеблясь сомнениями, добивается осуществления этих своих прав. Очевидно, что такое отстаивание своих прав влечет за собой проявление

любого мыслимого греха или их сочетаний. Святые отцы считают гордость стволем древа греха, на котором ветвятся и от которого произрастают все мыслимые прегрешения. Да и возникла гордость ранее всех прочих грехов, причиной которых явилась как в мире духовном, в котором сатана решил возвеличиться и царствовать, отделившись от Бога, так и в мире человеческом, где Адам через Еву соблазнился возможностью *быть как боги, ведающие добро и зло* в их окончательном значении, то есть знать заранее и несомненно, к каким результатам приведут те или иные поступки. Таким образом, наличие любого вторичного греха несомненно свидетельствует о первичном наличии в человеке гордости если не в рассуждениях, то в ощущениях и в отношении к окружающему. В этом легко убедиться, попытавшись выяснить у любого человека: по какому праву он претендует на те или иные внешние блага и удовольствия? Но, помимо вторичных проявлений гордости, существуют ее непосредственные проявления, которые, к сожалению, большинством людей расцениваются как проявления положительных качеств. Так, например, *прямым проявлением гордости является желание всем сделать хорошо*, что возможно только, если ты сам являешься источником блага. Всевозможные философские системы, как признающие существование Бога, так и атеистические, объясняющие по человеческому разумению цель и смысл мироздания, также являются проявлением гордости их создателей, поскольку иллюзорно приобщают их к самостоятельному пониманию промысла Божьего и тем как бы уравнивают их с Богом. Желание уравниваться с Творцом проявляется в желании улучшить или исправить окружающий мир, природу, поскольку уже самим этим желанием обнаруживается признание себя способным сделать мир лучше, чем он сделан Создателем. Идеальное выражение эта тенденция нашла в словах Гельмгольца: *“Если бы я был Господь Бог, я бы устроил человеческий глаз гораздо лучше”*. Естественно, такое отношение резко отличается и от доброжелательности в отношении к людям, и от разумного, бережного, благодарного пользования природными богатствами. Особым проявлением гордости является то, что называют богооставленностью. Тягостность богооставленности для человека свидетельствует о том, что в основе ее лежит качество отрицательное, по сути претендующее на постоянное ощущение Божьего присутствия, для которого человек считает себя достаточно безгрешным.

А то, что означают словом *“богоискательство”*, означает не что иное, как притязание на святость без предшествующих ей трудов покаяния, злострадания и послушания.

В повседневных, бытовых отношениях гордость проявляется неспособностью человека произносить слова *“спасибо, извините, пожалуйста”*, проявляется неспособностью человека просить о помощи, признать свою худость, признать свою неспособность сделать что-либо хорошее, полезное. В этих случаях человек рассказывает о своих затруднениях, ожидая, что ему предложат помощь без его просьбы о ней; признает худость того или иного поступка, но не попросит за него прощения; будет всячески уклоняться от непосильного хорошего дела, но не признает свою неспособность к нему. С другой стороны, гордому человеку трудно принимать оплату за выполненную им работу или оказанную помощь, поскольку в этом случае он перестает быть источником блага. Этот же человек будет искать возможность заплатить за оказанные им услуги просто потому, что, приняв чью-то помощь бесплатно, он тут же перестанет быть источником блага для самого себя.

Святые отцы говорят, что *гордость – это неблагодарность*. И действительно, если человек получает что-либо от окружающих или с их участием, то гордый говорит в себе *“вот, какой я молодец, как много добился я от людей”*, а благодарный – *“вот какие хорошие люди, спасибо им за помощь, поддержку и участие”*. Поэтому можно без малейшего сомнения сказать, что любые проявления неблагодарности по отношению к Богу или к людям являются, по сути своей, воплощением гордости.

Достаточно характерным для гордости является желание высказать порицание, оуждение или осуждение тех, к кому гордый человек вынужден обратиться за помощью или советом. Это порицание выражено тем заметнее, чем большая польза получена от помощи или совета. Имеет целью умаление человеческой ценности того, к кому обращались за советом и, как правило, к данному совету или оказанной помощи отношения не имеет.

Забота о животных, имеющая целью создать для птичек, кошек и собачек “райские” условия существования также является проявлением гордости у малоодаренных личностей. Желание видеть своих детей безупречными и занимающими высокое положение не имеет ничего общего с любовью к детям и заботой о них, а является желанием *видеть себя* породившим нечто безукоризненное и совершенное.

Вообще же любые проявления гордости тяготеют к внешнему миру, к громадности замыслов и дел, к произведению впечатления или на окружающих или хотя на самого себя в собственных мечтаниях.

Во внутреннем мире гордость сопровождается ощущением тягостности и беспокойства, если человек не в состоянии кого-то облагодетельствовать, что-то улучшить, вынужден быть кому-то благодарным.

На древе греха гордость занимает место ствола.

Для окружающих чья-либо гордость может быть лестной из-за приобщения к великости, или раздражающей, если ущемляются своекорыстные интересы. Самостоятельной причиной какой-либо телесной болезни гордость не является, но ее порождения (грехи), являются причиной как всех мыслимых душевных и телесных болезней, так и душевной и телесной смерти. Довольно часто, особенно в среде “патриотов”, приходится сталкиваться с безапелляционным заявлением о том, что плоха – гордыня, а гордость – это хорошо. Такое утверждение объяснимо либо желанием сохранить за собой право быть гордым, либо утратой чувства русского языка в результате отказа от русского (православного) отношения к жизни. Если следовать их логике, то из двух слов – святость и святыня – одно должно обладать положительным, а другое – отрицательным значением. На самом же деле одним словом обозначается качество или свойство, а другим – его исчерпывающее воплощение или олицетворение (ср. твердость – твердыня, пустота – пустыня, доброта – Добрыня).

Противостоять гордости, учитывая, что она из себя представляет, правильнее всего признавая себя причиной и источником всего плохого, что есть как в тебе, так и в природе, и в жизни общества. Обратной стороной гордости можно считать отчаяние, которое отличается от безнадежия (порождаемого самонадеянностью), тем, что самонадеянный человек ищет способы разрешения своих

проблем, пусть сам, но во внешнем мире. А гордый – только в себе и все, происходящее из вне (не от него) гордым отвергается. Он отвергает чаяние, отходит от чаяния, предается отчаянию.

Гортанобесие – желание употреблять ту пищу, которой услаждается вкус, даже если ее недостаточно для насыщения.

Гневливость – желание принудить окружающих безоговорочно и безотлагательно прекратить то, что лично тебе не по нраву в их поведении. Легче обнаруживается, когда человек не ожидает поведения, с его точки зрения неправильного.

Греховность – привычное обращение человеком своего желания и внимание к внешнему, к своей деятельности и положению во внешнем, к своим взаимоотношениям с окружающим, а не к своей душе, не к поискам Царствия Небесного внутри себя.

Грубость – желание, не следуя нормам поведения, вести себя оскорбительным, огорчительным, неприятным или хотя бы неудобным для окружающих образом.

Дерзость – желание вольного отношения с окружающими.

Двоедушие – желание получить то, что приятно, не лишаясь того, что хорошо; желание достичь духовных благ, не лишаясь земных.

Душелюбие – желание услаждаться силой и разнообразием собственных эмоций.

Жадность – желание приобретения любых материальных ценностей.

Может принимать форму предпринимательства, хищения, коллекционирования и т.д., хотя перечисленное не обязательно является проявлением жадности.

Жеманность – желание любоваться своими манерами и считать, что они приятны окружающим.

Жестокость – желание доказать свою же собственную значимость, власть, силу хотя бы самому себе. Специфических проявлений в поведении человека не наблюдается, но может проявляться в поисках признания заслуг, признания дарований, в признании значимости своей роли в тех или иных происходящих событиях. Не обязательно, но может сопровождаться в мимике тем, что человек держит себя “набычившись”, в поведении – тем, что человек стремится доказать свою правоту и заставить людей подчиняться.

Качество это может быть как не специфично, так и очень узко направлено. Так, например, для одного человека его значимость и сила могут проявляться только в интимных отношениях, для другого – в том, что без него не могут обойтись на работе. Для третьего – что он собрал такую коллекцию спичечных этикеток, какой нет больше ни у кого.

Во внутреннем мире сопровождается ощущением враждебности окружающего, ощущением того, что не оценен по достоинству. Схематично проистекает от гордости – самоуверенности, самонадеянности. Порождаются жестокостью задротность, фанатизм, обидчивость, упрямство, напористость. В поведении окружающих жестокий человек невольно формирует желание обличить его собственную несостоятельность, желание обнаружить свое недовольство тем или иным его поведением, хоть в чем-нибудь, но упрекнуть его. Жестокость приводит, будучи неудовлетворенной (или неудовлетворяемой), к ишемической болезни сердца в разной степени ее выраженности. Именно поэтому ранние инфаркты возникали у людей в том возрасте, когда они, добившись чего-то в течении жизни, начинали сдавать свои позиции, но пытались их удержать. В последнее время инфаркт “помолодел”, поскольку, для ощущения своей значимости и требований признания ее, люди перестали считать необходимыми объективный труд и заслуги; люди стали считать себя имеющими право на признание со стороны окружающих просто по факту своего существования, по необоснованному росту притязаний. В окружающих жестокостью отвергается самоуничтожение (потребность в признании собственной худости), послушание, исполнительность. Сопутствующим качеством (оборотной стороной медали) можно считать трусость. Противостоять жестокости можно признанием естественных человеку после грехопадения ограниченности и несовершенства, а также ответственностью за свои слова и поступки, если не перед людьми, то, во всяком случае, перед Богом. Оправдывается жестокий обычно тем, что он хочет блага людям, хочет чего-то хорошего. Может рассматриваться как “профессиональное заболевание” чиновников, ибо что за чиновник, значимость и силу которого не признают ни подчиненные, ни руководители, ни посетители.

Забывчивость – желание не содержать в памяти вниманием то, что ты обязан делать, но что тебе неприятно. Сходно с рассеянностью, но не связано с многозаботливостью. “Забвение – от пренебрежения”.

Зависть – желание, чтобы окружающие люди (или один человек) не располагали тем, чего сам завистливый не имеет в такой же или большей степени (количестве). Может распространяться на способности, имущество, уважение людей, социальное положение, здоровье и т.д. Во внешнем – может проявляться недовольством по поводу чьих-либо успехов, желанием умалить то, что вызывает зависть, желанием либо приобрести то, чему завидует, либо лишить того, кому завидует, предмета зависти. Святые отцы говорят, что *зависть – это нежелание добра ближнему*. Часто зависть проявляется в задаваемых с оттенком ожидания вопросах о болезнях, о состоянии имущества, например: *“Машина как? бегаем? не ломается?”*, *“Безденежье как переносишь?”*, *“Не болеешь”* (с ожиданием и желанием услышать плохие известия, отрицательную информацию). Внутренне ощущается – практически постоянным напряженным ожиданием чего-либо плохого, происходящего с собеседником. Вообще зависть чаще распространяется на людей, достаточно хорошо знакомых завистнику по конкретным поводам, а в общем – на людей, совершенно ему незнакомых: *“Жаль, что я не директор (коммерсант, президент). Живут же гады!”*. Зависть легко можно спутать с зложелательством, от которого отличается тем, что завистливый все соотносит со своим состоянием, а зложелательный – желает зла окружающим вне зависимости от этого соотношения. Проистекает от гордости – самолюбия – самозалюбия – саможаления, которое рождает беспощадность, зависть и зложелательство. Как и всякий грех, отражаясь в других людях, зависть вызывает раздражение. С подбострастными людьми завистливый поддерживает отношения приятельские до тех пор, пока они сами не сделаются предметом зависти. Мысль и желание человека, даже если они не осознаются, всегда оказывают то или иное воздействие на то, на что они направлены. Видимо, поэтому

делиться своей радостью по поводу тех или иных событий в своей жизни следует только с теми людьми, в чьей доброжелательности ты уверен, наблюдая ее в отношении и в высказываниях в адрес не только твоей, но и других людей. И, может быть, сказано, что “всякий ненавидящий брата своего человекоубийца есть”, в том числе и по этой причине. Противостоять зависти легче всего исповедью (признанием за собой этого греха), раскаянием (отказом от услаждения им), сокрушением, благотворением и доброжелательством. В окружающих зависть отвергает скромность, немногословие, услужливость, предупредительность, сочувствие, жалость, но не их лицемерные изображения. В качестве оборотной стороны зависти – опасливость; сопутствуют зависти – лъстивость и подобострастие. Оправдывается зависть, как правило, несправедливостью того, что ближний в чем-то преуспевает, что формулируется в выражениях, различных по направленности, но сходных по своей сути: **“Ну за что же везет этому человеку? А мне почему так не везет?”** (почему у меня не так хорошо, как у других, как хочется). Завистливый человек редко или неохотно задает вопросы о состоянии или делах других людей, если предполагает или допускает, что услышит о радостных событиях. Достаточно часто завистливые люди подробно и заинтересованно расспрашивают о твоей жизни, при этом производят впечатление хотя и лъстивых, но заинтересованных в твоём расположении людей, на самом деле единственная их цель: это отыскать в твоей жизни то, чему можно позавидовать, ибо зависть, как и всякий грех живет отрицанием добра. В отношениях с теми, на кого зависть обращена, завистливый часто пытается умалить ценность того, чему завидует; может давать советы, которые, при видимой доброжелательности и обоснованности, могут лишить данного человека преимуществ, которые даются обладанием той вещью, положением, дарованием, отношениями (связями), на которые обращена зависть. Он может посоветовать приобрести вещь или пользоваться вещью, худшей, чем та, которой он завидует. Может порекомендовать поведение, которое уменьшит социальную, научную или иную значимость того, на кого обращена зависть. В связи с общей тенденцией завистливого человека, в его поведении часто могут отмечаться такие черты, как ироничность и насмешливость, которые умалют все, на что обращены, с другой стороны – язвительность и жестокость, которые дают иллюзию собственной значимости и превосходства. В случае, если зависть направлена не дифференцированно, на чье-либо общее личностное превосходство, то в этом случае завистливый может демонстративно обнаруживать подобострастие, приниженность, совершая это с оттенком насмешки и ерничества и доводя эту свою позицию до полного абсурда, который делает приниженность непропорциональной, а потому неприемлемой сначала количественно, а потом и качественно, принципиально. Если завистливый получает возможность предоставить тому, кому он завидует, потребные последнему и полезные для него знания, вещи или связи, то он или всемерно затягивает совершение необходимых для этого действий, либо сообщает об этой возможности тогда, когда она уже практически утрачена. В разговоре о планах, которые целесообразны или могут принести успех, завистливый всячески старается доказать или хотя бы показать их несостоятельность, ошибочность или невыполнимость.

Представляется вероятным, что к проявлениям зависти можно отнести и желание не делиться с человеком, даже по его просьбе, тем, что не может нанести завистливому ущерб или предоставить просящему какие-либо преимущества перед завистливым. Это желание может распространяться на знания, знакомства, материальные ценности. Правда, к такому поведению могут приводить и другие грехи: зложелательство, гордость, ревность, жадность, но более оно свойственно все же зависти.

Задиристость – желание вызвать человека на противодействие тебе, на конфликт с тобою (душевный, словесный или физический) с тем, чтобы обнаружить свое превосходство над ним (интеллектуальное, физическое и т.д.), в котором ты заранее уверен. От зазорности отличается тем, что зазорность как правило, имеет целью показать, что ты не хуже других, а задиристость – что другие хуже тебя. Во внешнем поведении – может обнаруживаться бескомпромиссной категоричностью высказывания и поведения, которые якобы не учитывают мнения, интересы, цели и возможности (способности) окружающих людей. Задиристый человек может высказывать в оскорбительной форме мнения о тебе или о твоих близких, может говорить любые другие заведомо обидные для тебя суждения или такие, с какими ты заведомо не согласен, может быть грубым, может, “не замечая” тебя, оттолкнуть, встать впереди тебя в очередь и т.д., в общем, может говорить и делать то, что, по его мнению, вызовет твой активный протест. Внутреннее ощущение формируется из тех же компонентов, что и ощущения при остальных грехах: напряженность, зависимость, страх и прочее. Схематично: гордость – тщеславие (славолюбие) – жестокость – осуждение – злость, от которой поведение человека обращается либо к задиристости, либо к трусости. В окружающих ощущается душевно, как и всякий другой грех: даже если задиристость никак не проявляется, она вызывает желание досадить задиристу человеку, поставить его на место или уклониться от общения с ним, если не имеет места подобострастие или материальная заинтересованность в задиристом человеке. Задиристость может быть расценена как болезненное состояние души, как душевная болезнь. Но это можно сказать практически о каждом грехе. Телесное заболевание, имеющее задиристость своей прямой причиной, не выявлено. Противостоять задиристости удобнее всего скромностью, уважительностью, доброжелательностью. Само собой разумеется, что именно эти качества вызывают у задиристого наибольший протест. Обратной стороной задиристости может считаться податливость

Задорность – желание, чтобы окружающие заметили, что ты не слабее и не хуже, чем они.

Заносчивость – желание занимать в чем-либо более высокое положение, чем есть в действительности. Ощущение заносчивости напоминает ощущение человека, желающего выпрыгнуть откуда-то, дотянуться до чего-то. Даже в походке может проявляться скачущими движениями, при которой человек постоянно движется вверх-вниз. Является причиной любых невротических состояний, но телесно проявляется по-разному, в зависимости от сопутствующего качества. Например, кардионевроз – заносчивость + жестокость. В поведении обнаруживается склонностью к рассуждениям на тему: **что бы я сделал, если бы занимал более высокий пост.** Как составляющее качество, входит в структуру личности при любой психопатии. Часто сопровождается демонстрацией (нарочитой) своих высоких профессиональных способностей, своих обширных знаний и умений в любой другой области. С целью обнаружения своего превосходства, подчеркнута пренебрежительно заносчивый человек относится к признанным в своей области авторитетам. Поскольку претензии и самооценка не соответствуют реальным возможностям, сопровождается боязливостью, так же, как тщеславие–человекоугодием. **Самомнение – причина заносчивости.** Заносчивые часто бывают “высочками” и берут на себя непосильные дела, о чем впоследствии сожалеют из-за неудачности дел, но объясняют эту неудачность неблагоприятными обстоятельствами или помехой со стороны других людей. Заносчивость часто, но не обязательно, сопровождается спорливостью и мечтательностью. Заносчивые часто вступают в спор, конфликты с руководством, но легко идут на попятную. Поскольку заносчивость претендует на непосильную деятельность, что ощущает и сам заносчивый, возникает нужда для укрепления

самоуверенности и самонадеянности в так называемых навязчивых действиях: многократной проверке того, что наверняка сделано, в навязчивых сомнениях.

Заносчивости противостоят: скромность, исполнительность, ответственность, умеренность, постепенность.

Застенчивость – желание произвести как можно более хорошее впечатление, связанное с неуверенностью, что это получится. Проявляется часто в том, что человек не в состоянии говорить и делать то, что для него желательно, в присутствии других людей, а в последующем и наедине. Сопровождается ощущением скованности, напряженности. Движения обычно неловки и угловаты, высказывания неопределенны, немногословны, не выражают (отражают) то, что думает человек. В качестве компенсации может отмечаться дерзость, шумливость (отчаянная смелость), при которых человек естественно утрачивает скромность, уважительность, тактичность, вежливость. Компенсация сопровождается неловкой избыточной жестикуляцией. Нарочито правильные жестикуляция и движения человека, в сочетании со скованностью, приводят зачастую к неспособности хорошо делать порученное или выбранное им самим дело. Такие люди постоянно на что-то натываются, что-то разбивают, куда-то падают. Из-за застенчивости они не в состоянии воспроизвести показываемые им движения, не в состоянии ответить на задаваемые вопросы, что в быту объясняется смущением. В случае обучения оценка их знаний и способностей зачастую ниже действительной потому, что, не будучи уверены в безукоризненности своих знаний и умений, они не способны обнаружить даже то, что действительно знают и умеют. Друзей (как правило) немного, хотя из-за желания “производить впечатление” люди стремятся к обществу, но, попадая в компанию, не знают, как себя вести. Часто сочетается с самоуверенностью, самонадеянностью или самолюбованием. Застенчивым свойственна неспособность принять самостоятельное решение или совершить необходимый поступок в присутствии других людей, хотя они не сомневаются в том, что нужно сказать или сделать. Это обуславливается не мнением окружающих и, в конечном счете, не зависит от этого мнения, а продиктовано внутренней самооценкой. Особенностью жестикуляции можно считать постановку стопы носками внутрь, и сложенные внизу живота кисти опущенных рук.

Противостоять этому нужно, обратившись к скромности, самоунижению, признанию своего несовершенства, признанию своей худости, ее исповедованию и раскаянию. Также противостоянием застенчивости может рассматриваться позиция человека, который не считает, что он что-то знает, может, умеет, а только еще учится, ищет, пытается узнать.

Соматизация – полиартрит.

Зложелательство – желание вреда, зла окружающим.

Злопамятство – желание не забывать о причиненных неприятностях или вреде, не утрачивать испытанное в связи с этим чувство злости.

Злословие – желание в беседе о каком-либо человеке изыскивать порочащие его жизнь побуждения или поступки.

Злость – желание разрушить то, что тебе не по нраву в окружающей действительности, а также в отношениях и делах других людей. Поскольку злость в чистом виде редко может вызвать сочувствие и содействие окружающих, то этот грех, чаще всего, скрывается злым человеком, но, в тоже время, проявления ее крайне разнообразны. Распознать ее легче всего по результатам тех действий, которые совершает человек, руководствуясь злым побуждением: это разрушение, повреждение жизни общества или окружающей среды, а также внесение разлада и конфликтов в человеческие отношения, разъединение людей. Христианское разделение людей, не следующих Христу и отвергающих Христа, отличается от разделения, приносимого в жизнь человека злостью тем, что злость влечет за собой взаимные конфликты и ею заражаются все участники конфликта. Кроме того, состояние и действия, диктуемые злостью, всегда имеют целью достижение тех или иных временных, земных, материальных благ. Действия, продиктованные злостью, могут быть распознаны также как по настроению предлагающего их человека, так и по доступным предвидению их результатам, а также по средствам, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты. Так, например, любые цели, имеющие средством своего достижения доведение до нищеты, беспомощности, унижения отдельных людей или целый народ, безусловно, можно считать служащими злу. Но также можно считать служащими злу любые действия, способствующие возвеличанию как отдельного человека или группы лиц, так и целого народа, ибо в материальном, ограниченном мире, где все взаимосвязано, приобретение любых благ и преимуществ возможно только за счет лишения других людей этих же благ. Разумеется, здесь не имеется в виду возвеличение или прославление человека или целого народа Богом просто потому, что Богом возвеличиваются служащие Ему, а служащие Богу никогда не ищут собственного прославления. В самых общих чертах можно сказать, что любая популяризация любого греха, а тем более прямое склонение к нему человека, являются проявлением зла (злости), ибо всякий грех обладает способностью повреждать и губить. Зло может лишить человека духовной опоры, может сгладить или извратить представления о добре и зле у человека. Такой человек, лишаемый возможности жить и трудиться честно для поддержания и сохранения своего существования, легко начнет лгать, воровать, враждовать с окружающими и совершать все другие грехи, как это имеет место в нашей стране.

Эмоциональное состояние человека, охваченного злостью, сходно с эмоциональным состоянием, вызываемым большинством других грехов. Злость обнаруживается любыми рассуждениями на тему “Так им и надо” или “Была бы моя воля, я б им показал”. Обращает на себя внимание, что рассуждения на указанные темы имеют целью не восстановление справедливости и радость по этому поводу, а причинение любых по объему и силе неприятностей. Окружающих злой человек обычно “заводит”, рискуя при этом тем, что раздражение и злость, воспринятые от него окружающими, обратятся на него самого. Злость достаточно активно участвует в формировании заболеваний печени, но не желчного пузыря, болезни которого вызывается вспыльчивостью и выдержкой. Обычным бытовым проявлением злости, рождающимся от нее качеством является язвительность. Злость не является синонимом зла, ибо зло – понятие собирательное, а злость – конкретное отдельное отрицательное качество. Отвергаются злостью прежде всего такие качества, как доброта, сочувствие, отзывчивость, жалость. Обратной стороной злости и маскирующим качеством можно считать слащавость. Обычно для злости оправдываться тем, что все окружающие, по справедливости, не заслуживают иного отношения. Противостоять злости можно теми качествами, которые ею отрицаются, и памятью о том, чего, по справедливости, заслуживает злой человек.

Не следует путать злость с такими качествами, как справедливость, обличение, негодование, строгость и определенность. Злость, как и многие другие грехи, определяется не только по отдельным поступкам, сколько по цели, которую преследует человек и по его отношению к этой цели.

Игривость – желание создать игровые, нарочито веселые отношения с людьми даже тогда, когда обстоятельства не благоприятствуют этому. Связана с безответственностью и самолюбованием, исключает доброжелательность, имитирует приветливость.

Изменчивость – желание избегнуть противостояния своими мыслями, словами и поступками постоянно изменяющимся внешним обстоятельствам.

Капризность – желание заставить окружающих следовать своим, даже самым незначительным, случайным прихотям. Близка обидчивости и жестокости.

Кичливость – желание любоваться своими заслугами, превозноситься ими перед окружающими.

Клеветничество – желание вызвать осуждение окружающими какого-либо человека сообщением заведомо ложных, порочащих сведений о нем.

Коварство – желание скрыть от окружающих свои цели, намерения, выставив напоказ не те цели, которые преследуешь.

Корыстолюбие – желание совершать только те поступки, которые приносят материальную выгоду, прибыль.

Кошунство – желание шутить постоянно, даже когда шутки (шутливость, шутовство) неуместны и не своевременны. По славянски “кошун” – “шутник”.

Лень – желание не обременять плоть какими бы то ни было действиями, даже ведущими к приятному (упокоение плоти).

В поведении может проявляться бездеятельностью, для которой человек подыскивает объективные причины (“*это никому не нужно*”, “*это никому не принесет пользы*”, “*а это дело нехорошее*”, “*а это дело непосильное*”, “*а для этого дела нет необходимых условий*” и т.д.). Равным образом, лень может проявляться тем, что человек тяготится необходимостью выполнять повседневные обязанности, раздражается, когда возникает необходимость сделать что-то сверх того, на что он уже согласился; хватается за любую возможность отложить, хотя бы на небольшое время, то дело, которое сам вынужден считать необходимым и от выполнения которого не может отказаться. Ленивый человек с удовольствием принимает помощь, при этом устраивая дело таким образом, что собственно дело за него делают другие, а он уклоняется от участия в нем. Очень часто люди, внутренне согласные с бездеятельностью (ленью) проявляют достаточно высокую активность (внешнюю), но любой выполняемый труд ими совершается с напряжением, с внутренним протестом, в результате чего они будут уставать быстрее, чем остальные. Иногда такой деятельностью люди скрывают собственную лень от самих себя, а не только от окружающих. Вся их активность в этом случае направлена не на то, чтобы сделать дело хорошо, а на то, чтобы отделаться от дела как можно скорее. В любом случае, их деятельность не имеет ничего общего с трудолюбием и несет с собой расхождение между желанием и поведением, то есть порождает внутреннее противоречие. В повседневной жизни лень, равно как и праздное любопытство, приводит к тому, что люди склонны поздно ложиться спать, так как вечернее время почти у всех **законно** свободно от дел и труда и ленивые стремятся возможно дольше продлить это время “законного” бездействия.

Во внутреннем – лень ведет к состоянию расслабленности, не тяготящей человека, к ощущению плотского довольства. Расслабленность лени отличается от расслабленности уныния отсутствием тягостности (при унынии человек тяготится своей бездеятельностью). Расслабленность лени также резко отличается от состояния обессиленности, душевной опустошенности, которое возникает у человека достаточно часто в результате вспышки любой другой страсти (вспышки гнева, отчаяния и т.д.). Лень отличается от праздного любопытства, с которым очень схожа, тем, что праздного любознательный человек готов ради праздности (праздничного времяпровождения) прилагать много усилий (понести много усилий, затрат и трудов), что бывает связано с приемом гостей, с выездом на пикник или охоту, с посещением зрелищных мероприятий, ресторанов и т.д.

Лень проистекает от гордости-самолюбия-плотолюбия. Лень часто связана с мечтательностью, которая идет через самолюбие и душелюбие. В окружающих ленивый формирует различное отношение к себе в зависимости от их устройства: с ленивым устанавливаются дружеские отношения до той поры, пока не возникнет дело, которое каждый из ленивых хочет возложить на другого; склонный к жестокости или самолюбованию может оказать ленивому несоразмерную помощь. В большинстве же своем, в окружающих ленивого людей исподволь формируется желание не утруждать ленивого, даже когда он просит, чтобы ему дали какое-нибудь дело, поручили какую-нибудь работу. Ленивый человек, даже сознавая нужность труда или хотя бы только его необходимость, внутренне ищет и оправдывает возможность его не совершать, а не изыскивает способы выполнить предлежащий труд; в данных конкретных обстоятельствах изыскивает возможность уклониться от утруждения себя, а не понудить себя к выполнению труда.

Создается впечатление, что лень является причиной изменения функций селезенки, ее размеров (гиперспленизм, спленомегалия), а так же, возможно, причиной такого системного поражения, которое приводит к болезни Верльгофа. Вообще, от функции селезенки зависит выносливость – способность нести (выносить) трудности столько, сколько это необходимо и не противоречит физической природе человека. Поскольку лень ведет к расслабленности, а расслабленность не может быть частичной, а охватывает все естество человека, лень также может являться причиной любых заболеваний, связанных с недостаточностью (расслабленностью) сосудистых стенок (геморрой и пр.), плоскостопие.

Противостоять удобнее всего трудолюбием, постом (воздержанием), ответственностью. Именно эти качества легче всего отвергаются ленивым человеком у окружающих. Лень, как и всякое качество, распространяется на окружающих, передается им,

усваивается ими. Кстати, именно поэтому ребенок будет ленивым, если ленивы родители (или близкое окружение), даже в том случае, если окружающие его люди внешне чрезвычайно деятельны, и это его качество будет раздражать тех, от кого оно пришло к ребенку, поскольку сами они всячески стараются скрыть свою лень от самих же себя. Обратной стороной лени можно считать рвение.

Лживость – желание исказить истину в мыслях, словах, в поступках. Может принимать форму не только искажения, но и пренебрежения и прямого отрицания истины (правды) – действительного, известного положения вещей. Отец лжи – сатана, поэтому всякий грех является формой лжи, ибо каждый грех приятен сатане и его вольным и невольным служителям. В повседневной жизни лживость, как отдельное от других грехов качество, проявляется сообщением другим людям заведомо несоответствующей действительности информации, клеветой, обещанием того, что и не собирается делать или давать лживый, опровержением или отрицанием правдивых сведений, желанием не верить доступной твоему пониманию правде (фактически отвергать ее). Лживый человек склонен скрывать свои действительные цели, намерения (даже тогда, когда они не вызовут противодействия окружающих), и уже по одному этому его можно распознать. В то же время лживый стремится узнать об окружающих как можно больше правдивых сведений, сам желает знать правду или сталкиваться с ней, так как исказить можно только ту правду, которая известна. Другими словами: поскольку ложь есть отрицание правды, как и всякое зло – отрицание добра, то солгать можно только о том, правда о чем тебе известна, и поэтому для своего существования зло нуждается в добре, ложь в правде и существовать без нее не может. Именно этим объясняются, по-видимому, многолетние призывы советской власти к высоконравственному поведению с тем, чтобы иметь возможность воспрепятствовать хоть чему-то хорошему в людях, предварительно выявив его. Лживому человеку свойственно также объявлять ложью то, что его не устраивает, то, что лично ему мешает лгать или покрывать ложь других. Такие люди очень не любят прямо и ясно отвечать на конкретно поставленные вопросы, но вместо того, чтобы правдиво обозначить свое нежелание отвечать, лживый пускается в пространные отвлеченные рассуждения на тему заданного вопроса, пытаясь в многословии скрыть неспособность говорить правду. Для прикрытия своей лживости, лживый много говорит о своих добродетелях. Он может говорить и о добродетелях своих друзей и близких, тем самым давая понять, что сам не чужд их. А если и говорит о своей худости, то только в общих чертах, оспаривая обвинения в каждом отдельно взятом грехе. Цель лживого человека, как правило, изначально своекорыстна, и ложь играет вспомогательную роль при удовлетворении того или иного греха. Точно также алкоголизация облегчает достижение женской благосклонности, но, по мере учащения выпивки, алкоголизм может стать самостоятельной страстью. С течением времени ложь делается *самоцелью*, не преследуя никакой конкретной материальной цели.

Как правило, ложь на краткое время облегчает взаимоотношения с людьми, но в последующем приводит к гораздо большим неприятностям, чем те, которых удалось с помощью лжи избежать. Легко понять, что “ложь во спасение” может служить только лжецам, да и сама эта формулировка лжива, ибо “спасти” ложь может только от правды и только тех людей, которым правда непосильна или которые не умеют к ней обращаться. Все поведение лживого человека может быть лживо уже только потому, что оно основано на лживых мыслях и является их воплощением. К категории лжецов нельзя относить людей, которые по простоте основывают свое поведение на лжи, но воспринимают ложь как правду, будучи обмануты, как это было и есть в нашей стране. Лжецами такие обманутые люди становятся *автоматически*, когда, узнав о правде, не принимают ее.

Внутренне лживость чаще всего ощущается, как эмоциональная напряженность, сомнение, смущение, что компенсаторно прикрывается дерзостью, развязностью и новыми ступенями лжи. Другие люди, желая прикрыть свою склонность ко лжи, прибегают к многочисленным цитатам, ссылкам на авторитеты, научные труды или на мнение руководства, а так же на общепринятость высказываемой лжи. Будучи заложеной в основу всякого греха, ложь легко обнаруживается и в гордости, и в самолюбии, в славолубии – в сребролюбии и в любых последующих грехах, но она же и приводит человека к любому мыслимому или совершаемому греху. Можно сказать, что ложь – это ядовитый сок всего древа греха, который, разбрызгиваясь, дает новые побеги. Каких-либо болезней, связанных только с ложью, не отмечается, но ложь участвует в формировании практически всех болезненных состояний, и она же убаюкивает человека мыслями о приятности, а следовательно, безвредности любого греха.

Противостояние лжи, поскольку ложь – порождение сатаны и ведет к смерти через грех, удобнее всего с Божьей помощью, ибо Бог есть Любовь, *Истина*, и *Жизнь*. Обратной стороной лжи можно считать *самохвальство*. В окружающих ложью отвергается или искажается правдивость, вера в Бога, а всякий, отвергающий Бога, уже лжец, вольный или невольный. Проникнутый ложью в форме любого греха (или самостоятельно) священник прежде всего будет служить этой лжи в целом или частному ее проявлению (греху конкретному). Поскольку всякий грех тяготеет к материальному, то такой человек может учить людей “благочестивым” делам, выправлению внешнего поведения, в конечном счете – будет призывать к построению светлого будущего (царства земного), прикрывая свою лживость неоправданно частыми упоминаниями о Божьей воле, Промысле, молитве и этими упоминаниями косвенно демонстрируя свою близость к Богу.

Лихоимание, лихоимство – желание воспользоваться чьим-либо бедственным или затруднительным положением для получения собственной выгоды.

Лицемерие – желание высказывать те мысли, которые наилучшим образом могут скрыть твое действительное мнение об окружающем, отношение к нему.

Лукавство – желание обмануть самого себя.

Льстивость – желание своими словами вызвать приятные эмоции у окружающих (у собеседника), которые способствовали бы достижению твоих личных целей. Не путать с подобострастием.

Любообщительность – желание искать общения с людьми, пользуясь для этого любым предлогом.

Любопытство – желание самому испытать то, о чем имеешь возможность получить (или даже получил) достоверную информацию.

Любоучительство – желание поучать окружающих, быть их наставником, советчиком хотя бы в самых незначительных вопросах.

Мечтательность – желание относиться к своим мыслям и образным представлениям, как к значащим больше и заслуживающим большего внимания, чем окружающая действительность. Внешне может проявляться как “задумчивость”, как отсутствие склонности к коллективным развлечениям. У таких людей может отмечаться склонность к занятиям или развлечениям, оставляющим большой простор для фантазии, для додумывания: чтение стихов, слушание музыки, изучение различных философских и оккультных систем. Конкретные реальные планы и действия таких людей привлекают мало. Внутренне мечтательность, как правило, сопровождается представлением тех или иных образов, ситуаций, в которых мечтательный человек играет совершенно определенную роль. Именно представление себя в определенной роли и мысленное написание целых сценариев могут быть сутью мечтательности с одной стороны, а с другой стороны возможно представление себе ситуаций, в которых мечтатель не играет вообще никакой роли. Мечтательность, как говорят святые отцы, это **мостик, по которому в душу человека проходит множество грехов**. Поэтому в зависимости от того греха или той страсти, к которой больше склоняется человек, меняется и характер его мыслей или образных представлений. Человек злобный может представлять сцены убийств, гибели людей и животных, природных катаклизмов, в которых он не является действующим лицом; а человек мстительный будет представлять себе расправу с действительными или вымышленными врагами; склонный к празднолюбию или развлечениям будет увеселять себя мысленными зрелищами; чревоугодливый – услаждаться представлением пирогов или размышлениями на кулинарную тему; склонный к унынию – (или к саможалению) – будет представлять себе безуспешность своих трудов, неудачность дел, свое поражение в любых вопросах. Таким образом, каждый **мысленно услаждается** той страстью, которая лично для него привлекательна и приятна, а для другого может казаться отвратительной. Поскольку всякая страсть может равно удовлетворяться как исполнением того, на что она толкает человека, так и сожалением о невозможности служить страсти, мечты могут носить самый разнообразный характер; так, например, человек застенчивый может представлять себе восхищение своим поведением мысленных зрителей или восхищаться им сам, или представлять себе совершенно незаслуженное (конечно, с его точки зрения) отсутствие восхищения со стороны окружающих. Но во всех трех случаях он беседует со своей страстью, этой беседе с бесами отдает и мысли, и желания, и время, и мысленно восполняет “недостаток” служения страсти в реальной жизни. Независимый может представлять себе свое поведение, при котором окружающая действительность (люди и обстоятельства) совершенно им пренебрегается или отторгается; может представлять себе ситуации, при которых, напротив, все и вся находится от него в полной зависимости; может представлять себе ситуации, в которых он успешно отражает посягательства на его независимость со стороны других людей. Понятно, что данное качество, так же, как и всякое другое, может сочетаться с еще каким-нибудь грехом, который примет участие в формировании мысленных представлений: независимость и жадность; независимость и тщеславие; независимость и чревоугодие; независимость и блудливость нарисуют в воображении мечтателя совершенно разные картины.

Мечтательность в значительной степени формирует характер человека и его поведение. Например, человек, любующийся собой в мечтах, в реальной жизни обнаруживает недоумение и раздражение, когда не встречает любования собой со стороны окружающих. Человек, в мечтах представляющий себя великим, в реальной жизни обнаруживает ни на чем не основанное превосходство перед окружающими, снисходительное к ним отношение, пытается распоряжаться их поведением, поступками, хотя не имеет на это никаких реальных прав. Очень часто мечтательность (то есть мысли и представления) является только средством для создания у мечтателя определенного эмоционального состояния. Поэтому, если мечтателю сначала потребно довольно много времени и сил для представления сложных сцен, то по мере развития этой страсти и приобретения в ней навыка, достаточно довольно примитивных образов, которые сразу приводят мечтателя в желаемое эмоциональное состояние. Сложные мысленные образы вырождаются в “мысленную жвачку”, которая свойственна шизофреникам. Для мечтателя типичен, по мере роста страсти, все больший разрыв между его представлениями и реальностью и, как следствие, все большая неадекватность его поведения. Его высказывания, поступки, притязания все меньше и меньше находят основания в действительности и все больше в его мечтах.

По сути своей, мечтательность является **“парением мысли”**, как говорили святые отцы, “парением”, при котором мысль выбирает наиболее приятные для мечтателя образы и перебирает их, занимается ими, имеет целью душевное, но ни в коем случае не духовное услаждение, приятность. Это возможно только, если человек считает себя имеющим право на любые формы приятности и считает также, что у него нет обязанностей, за невыполнение которых он будет нести ответственность; иными словами, тогда, когда человек считает себя достаточно хорошим. Из этого вытекает, что противостоять мечтательности успешнее всего могут такие добродетели, как **самоукорение и трезвение**. С последним отцы неразрывно связывали непрестанную умносердечную Иисусову молитву. Окружающие могут помочь мечтателю избавиться от этой беды строгостью, суровостью, обличением его несостоятельности. Атеистическое мировоззрение вместо умного делания, трезвения для избавления от мечтательности может посоветовать только занятие не мысленными, а реальными приятностями, то есть перевести служение страстям из области душевной в область физическую.

Мечтательность отличается от осмотрительности, предусмотрительности, осторожности, планирования, расчетливости тем, что перечисленные добродетели, совершаемые мысленно, имеют целью успешное совершение конкретных дел, успешное выполнение своих обязанностей перед Богом и окружающими людьми, в то время как мечтательность не имеет в себе ничего созидающего, служит только самоуслаждению, которое часто принимает извращенные формы. А в случае сочетания с унынием, безнадежием, отчаянием приводит к смерти не только душевной, но и телесной посредством самоубийства.

Мечтательность может сопровождаться медлительностью речи и движений, поскольку все внимание и желание отдано мысленному, и реальные раздражители не сразу воспринимаются человеком (ступор, субступор). В целом мечтательность можно охарактеризовать как душевно-интеллектуальный онанизм, приводящий к душевно-интеллектуальной импотенции и извращению.

Подчиняясь общему закону роста развития страстей, мечтательность занимает сначала немного либо совершенно определенного времени, либо времени, в которое мечтательность не мешает практической деятельности человека, а в последующем охватывает его целиком (сравни с развитием алкоголизма у отдельного человека).

Миролюбие – желание любить мирское, делами и отношением ставя его превыше всего. Легко обнаруживается по желанию, **“чтобы во внешнем все было хорошо”**.

Мнительность – желание относиться к своим предположениям (мнениям) и оценкам окружающего, как к безусловно правильным.

Многословие – желание произносить много больше слов, чем это необходимо для точного выражения мысли.

Мстительность – желание причинить вред тому, кто отнесся к тебе хуже, чем ты сам считаешь справедливым и правильным.

Мятежность – желание протестовать против существующего положения, порядка.

Навязчивость – желание заставить человека находиться в нашем обществе или поддерживать с нами желательную нам форму общения, несмотря на его протест.

Надменность – желание любоваться превосходством своего интеллекта.

Напористость – желание совершать поступки, могущие вызвать протест и противодействие окружающих. Может порождаться жестокостью. Схематично становление напористости можно представить следующим образом: гордость – самолюбие – самонадеянность – жестокость. От последней могут произрастать в качестве листиков на ветке “древа греха” напористость, рвение, строптивость. Напористость может сопровождаться такими качествами, как трусость, податливость, которые служат как бы обратной стороной медали. Внутренне ощущается, как постоянный поиск того, что нужно преодолеть, могущий сопровождаться ощущением распирания или сдавленности в загроможденном пространстве. Внешне может проявляться тем, что человек ходит, опустив голову, “набывчившись”, слегка отведя руки в стороны, наклонив все туловище вперед. В те моменты, когда напористый человек преодолевает сопротивление, противодействие людей или предметов, напористость сопровождается не всегда замечаемой человеком задержкой дыхания (задержка выдоха). То же самое происходит тогда, когда человек мечтательно представляет себе чье-либо сопротивление и в мечтах же преодолевает его.

В случае отсутствия противодействия напористый человек, как и одержимый любой другой страстью, создает условия для удовлетворения своего излюбленного греха. Он своим поведением провоцирует в окружающих протест и желание противодействовать ему, а затем либо преодолевает это противодействие, либо пренебрегает им, но в любом случае действует вопреки желанию окружающих.

По мере роста этого греха возрастает длительность периодов эмоционального состояния, сопровождаемого задержкой выдоха. И в тех случаях, когда данный грех не может быть воплощен в поведении по каким-либо причинам, происходит соматизация греха, выражающаяся в приступах уже произвольной задержки (дыхания) выдоха, в формировании заболевания, именуемого бронхиальной астмой. И как всякий грех сладок, а плоды его горьки, так и удовлетворяемая напористость доставляет удовольствие человеку, подверженному этому греху, а проистекающее от нее заболевание тягостно и мучительно. Но напористый человек формирует свою жизнь таким образом, что она наполняется людьми и обстоятельствами, которые он просто вынужден преодолевать, лицемерно или в заблуждении утверждая, что ему этого и не хочется. Подтверждением этого может служить отношение напористого человека к предложению уступить или изыскать путь достижения потребного без преодоления чье-либо противодействия: напористый с раздражением откажется от этого и приведет массу аргументов морального и материального порядка, призванных доказать, что именно его действия единственно правильны и необходимы. Из нескольких путей разрешения новой проблемы, которую вы обсуждаете с напористым человеком, он будет склонен отдать предпочтение тому пути, на котором предвидит или предчувствует наибольшее количество “объективных” трудностей. Для напористого человека важна не внешняя значимость того, что он преодолевает, а постоянная эмоциональная насыщенность греха. Поэтому внешне напористость может как преодолевать противодействие государственных структур, так и удовлетворяться преодолением “плохого” отношения со стороны кого-нибудь из родных и близких, при этом напористый человек ведет себя таким образом, что сам своими же претензиями, размером этих претензий, формой их предъявления или настроением, с которым предъявляются претензии, вызывает противодействие окружающих. Поэтому напористости часто сопутствует задиристость, задорность, пренебрежительность и т.д. Поскольку любое зло существует только как отрицание добра, постольку всякий грех является отрицанием противоположной добродетели, и поэтому наибольшее выражение напористость проявляет при столкновении с уступчивостью, покорностью, кротостью. Но именно этими добродетелями ей удобнее всего противостать, если человек способен изменить свое поведение. Если же у него на это не достает сил, то напористости можно противостать целеустремленностью, последовательностью, трудолюбием, обличением. Естественно, что этому должны предшествовать, как и в противостоянии любому греху, исповедь, раскаяние (сожаление об этом грехе) в противоположность услаждению им.

Напыщенность – желание любоваться важностью, значимостью всего, тобою совершаемого.

Насмешливость (ирония) – желание представить смешными человеческие свойства, поступки, окружающие людей обстоятельства их жизни, даже если они не содержат ничего смешного сами по себе. Действие смеха на то, по поводу чего он возникает, можно сравнить с действием перевернутого бинокля на рассматриваемые предметы: они отдаляются и уменьшаются. Все, на что направлен смех, делается менее значащим, и отношение к нему становится к нему более легким. *Смех – равно умаляет и добро, и зло.* Если посмеяться над чем-нибудь хорошим, то оно вроде перестает быть хорошим и трудиться ради его обретения не имеет большого смысла. В этом случае человек как бы законно и обосновано может отказаться от труда и усилий ради достижения добра в самом широком смысле этого слова. Если же смех обращается на зло, то и оно делается маленьким, безобидным, совсем не страшным, не стоящим не только того, чтобы с ним бороться, но даже и того, чтобы от него отстраняться или просто опасаться. Смотришь в такой перевернутый бинокль, а там довольно далеко от тебя ползает маленькая зелененькая ящерица и смешно открывает ротик с трогательно белыми зубками. Отведешь бинокль в сторону – а перед тобой обыкновенный крокодил...

Учитывая отмеченную особенность смеха, можно легко понять три его последствия. Во-первых, смешливый человек, вольно или невольно, резко обедняет (себе) свою жизнь, вычеркивая из нее серьезные горести и большие радости – все мелко, все никчемно, ничто не стоит серьезного отношения. Во-вторых, человек временно облегчает себе жизнь, ибо все мелкое и незначительное воспринимается и переживается легче. И, наконец, в-третьих, поскольку все в материальном мире соотносимо и соизмеримо, насмешливый человек, умаляя своей насмешкой окружающее, иллюзорно возвеличивается в собственных глазах – но только

временно и иллюзорно. В соединении со снисходительностью насмешливость образует ту ровную и внешне безобидную черту характера, которую принято называть *ироничностью* и которая имеет целью не умаление окружающего, а скорее усмешливую констатацию его малости и незначительности по сравнению с мечтательным несомненным величием ироничного человека. Сама по себе ирония говорит о слабости человека, о его желании ослабить или умалить значимость происходящего вокруг него. Проявление насмешливости (ироничности, смехотворства и юмора) распространены настолько широко и так хорошо известны людям, что не требуют специального описания. В группу этих проявлений входят и дурашливо-развязные выступления всевозможных ведущих и конференсье, изыскания пародистов и бытовые анекдоты и т.д. Смех может использоваться и политическим деятелем для того, чтобы облегчить свое принятие слушателями, зрителями, избирателями. При этом помещаемые в печати карикатуры на политических деятелей разных рангов и описания курьезных случаев из их жизни служат не их обличению и дискредитации, а их принятию массами даже в смешном виде. Хорошо смеется тот, кто смеется последний.

Эмоционально смешливость сопровождается ощущением эмоциональной опустошенности. Непривычный человек после выраженных приступов смеха делается доступнее для любых отрицательных воздействий, делается легко ранимым. Поэтому давно отмечено, что за смехом, особенно у детей, следуют слезы. В окружающих насмешливость вызывает либо протест, либо формирует несерьезное отношение к смешливому человеку, как к существу поверхностному, легкому, малозначащему. Что посеешь, то и пожнешь. Телесных болезней, вызываемых насмешливостью, не замечено. Обратной стороны насмешливости можно считать беспощадность.

Противостоят бесстыдной насмешливости – приветливостью, уважительностью, стыдливостью. Вообще же, насмешливый человек легко может оказаться в положении, в котором лев рыкающий, ищущий, кого поглотить, покажется ему забавным щенком, оставаясь при этом опасным кровожадным зверем.

Настойчивость – желание добиваться выполнения своих намерений независимо от их правильности, уместности, своевременности, посильности для тебя и приемлемости для окружающих.

Неблагодарность – желание не признавать, что кто-либо приносит нам благо по своей, а не по нашей воле, и не воздавать благодетелю должное своим отношением. Неблагодарность – это гордость (по мнению некоторых святых отцов).

Небрежность – желание не предотвращать ущерб, вред, которые могут быть нанесены твоими словами, делами.

Неверие – желание отвергать любые, даже несомненно и очевидно правильные и правдивые мнения и обещания окружающих.

Недоверчивость – желание сомневаться в правдивости, честности, истинности любых мнений, высказываний окружающих.

Независимость – желание обнаружить свою неподвластность людям и обстоятельствам. Проявляемое качество может обнаруживаться вызывающим, дерзким или задиристым поведением. Человек, независимый в беседе о чем-либо, может вдруг не отвечать на вопросы или заговорить о чем-нибудь другом, или отвлечься на какое-то дело, которое приостановит беседу любую (приятную, неприятную, нужную, деловую)... Так же он может одеваться, не учитывая реальных погодных условий, или вдруг начать делать что угодно не ко времени и не к месту. Взяв на себя без протеста какие-то обязательства или что-то пообещав, он может не выполнять обещанное, практически демонстративно обнаруживая свое безразличие к тому, что за этим последует. Тяготится своей личной привязанностью к кому-либо, а также чьей-либо привязанностью к себе, если это накладывает какие-либо обязательства. Как правило, независимыми становятся люди, остро и тонко ощущающие свою связь с окружающими и из-за своей повышенной чувствительности испытавшие ряд неприятных переживаний, хотя это и необязательно. В мимике и жестикуляции может обнаруживаться “отмахивающимися”, пренебрежительными жестами, подергиванием плеч, рук, пренебрежительными гримасками. Страдающий независимостью практически демонстративно не интересуется жизнью даже близких людей, не принимает в ней участия. В то же время избегает сообщать сведения о себе, даже когда этим интересуются близкие или заведомо дружески относящиеся к нему люди. Своё поведение склонны объяснять вежливостью, деликатностью, нежеланием утомлять разговорами о себе или лезть в чужие дела и души. Как правило, качество может быть связано с самоуверенностью или мечтательностью. Хотя не занимаясь тем, о чем просят их, оправдываясь тем, что не смогут выполнить просьбу. Могут без видимых причин менять свои планы только потому, что эти планы понравились другим людям, которые изъявили желание принять участие в их выполнении, предложив, при совместном участии, распределение обязанностей. Часто обнаруживается внутренний протест против следования сложившимся принципам какого-нибудь ремесла, желанием что-то изменить в традициях профессиональной деятельности или желанием под тем или иным предлогом избежать изучения этих традиций и канонов. Это не желание сделать иначе, получить необычный результат, а желание достигнуть обычного результата своими средствами. Делание по-своему объясняется неумением или неспособностью. При желании скрыть независимость человек ставит себя бессознательно в гораздо большую зависимость от окружающих, чем это необходимо, демонстрирует свою зависимость вплоть до воспитания в себе робости.

Противостоят – терпением, послушанием, осторожностью, храбростью, обязательностью и ответственностью.

Ненависть – желание отвергнуть и уничтожить то, что нас окружает, кроме того, что считаем приятным для себя лично. Порождается злостью, мятежностью, самолюбием; противоположно любви.

Нерадение – желание не искать возможности выполнить свое дело лучше, протрудившись сверх того, что предписано.

Неряшливость – желание не следить за содержанием в чистоте и самого себя, и того, что находится в твоём распоряжении.

Нетерпение – желание протестовать против действительности (мятежность). Эмоционально ощущается как активное отторжение того, что тебе неприятно или отторжение различных явлений окружающей тебя жизни. Проявляется в отрицании того, что тебе говорят, якобы с целью уточнения. Но уточнения настолько не значительны, что можно было бы и не отрицать слышимое. В жизни постоянно изыскиваются факты и события, которые совершенно обоснованно могут вызвать протест, при этом на все хорошее внимание либо вовсе не обращается, либо обращается мельком. В случае получения совета человек ищет возможности его обойти

под любым предлогом; тяготеет самой необходимостью обращаться как за советом, так и за любыми другими житейскими потребностями во внешний мир (ремонт машины, покупка продуктов, поездки на работу и т.д.). Поскольку мятежность распространяется на все, человек ни в чем не находит утешения, а если и находит, то как бы вынужденно, на непродолжительное время, пока не изыщет причины отвергать то хорошее, чем утешился. Порождается самоуверенностью (неверием), часто приводит к унынию, безнадежности. С протестом против окружающего может соседствовать протест против своего состояния, положения, себя самого; в конце концов – против собственного существования. При всем том человек не отвергает того, что материально или душевно выгодно или приятно, даже если выгода и приятность проистекает от тех людей или организаций или событий, которые им же отторгаются, осуждаются. Часто приводит, якобы, к неспособности понять совершенно элементарные вещи, только из-за желания их не принимать. Вместо обсуждения вопроса в целом идет многословное оговаривание все новых и новых малозначащих деталей. При этом выигрывается время, в течение которого человек не принимает то, что обсуждается.

Как и всякий грех, который охватывает человека целиком, нетерпение не бывает замечено нетерпеливыми людьми. В то же время, в связи с естественной чуткостью человека к настроению окружающих людей, нетерпение воспринимается, ощущается всеми теми, кто сталкивается с нетерпеливыми и незаметно для них заставляет их относиться нетерпеливо к источнику нетерпения, чье настроение они ощущают, но воспринимают как свое собственное. Телесно нетерпение может ощущаться как не вызываемое никакими физическими причинами (“беспричинное”) чувство тошноты; как боли в области затылка. Соматически одно из самых известных проявлений нетерпения – морская болезнь. В поведении человека нетерпение может проявляться в том, что он не замечает то, что ему нежелательно; того, что может привести к нежелательным последствиям; или того, что для него безразлично, но что попало в сферу его нетерпения. Точно так же, как обидчивый находит, на что обидеться, злой – на чем сорвать злость, нетерпеливый – что не потерпеть.

Для нетерпения обычно желание сделать *поскорее*, протест против того, что понятная и посильная работа занимает (отнимает) время и силы. Необходимо согласие с затратами времени и сил, согласие с тем, что, несмотря на понятность и посильность, непредвиденные обстоятельства могут либо затянуть выполнение данного дела, либо сделать его вовсе невыполнимым; согласие с тем, что неинтересным делом приходится заниматься в ущерб тому, что интересно. Напряжение, которое испытывает человек, страдающий нетерпением, не ускоряет и не облегчает выполнение предстоящей работы, а ведет только к непродуктивному расходу сил. Аналогичное состояние может возникать по любому поводу: я знаю, что могу объяснить непонятное человеку и ответить на заданный мне вопрос, но – не могу этого сделать, потому что спрашивающий не в состоянии сразу понять ход моих мыслей или обладает недостаточными знаниями для этого; я знаю, что безусловно могу найти решение и обладаю достаточными знаниями для этого, но еще не нашел. В любом случае возникшее напряжение с устремлением к преждевременному завершению дела субъективно дает ощущение того, что твои усилия более эффективны и ускоряют выполнение задачи, а объективно, в связи с принятием реальности из-за протеста против нее, мешают беспристрастно рассмотреть ситуацию и найти оптимальный способ ее разрешения. Сделавшись привычным, мятежно-нетерпеливое состояние распространяется на все сферы деятельности, даже на те, которые не вызывали протеста ранее.

Во всех случаях нетерпение мешает целостному восприятию окружающего, следовательно, мешает правильной оценке окружающего и, как результат, приводит к неправильному поведению человека, не способного учесть все, без исключения, окружающие его обстоятельства.

Противостоит нетерпению (мятежности) – обязательность, ответственность и, естественно, терпение.

Нечувствие – желание не разделять чувств других людей, равно и в радости, и в горе.

Обидчивость – желание лучшего отношения к себе, чем то, которое человек наблюдает в окружающих. Разумеется, что человек обижается тогда, когда считает себя заслуживающим лучшего отношения, когда к нему относятся не так хорошо, как он сам считает справедливым и правильным. Во внешнем – может проявляться требованием по отношению к себе признания, уважения, высокой оценки, заботливости, предупредительности и т.д. Это отношение может основываться как на оценке дел и заслуг, так и на оценке “высоких личных достоинств” обидчивого. В отношениях с людьми такой человек часто проявляет *подозрительность, мнительность, опасливость*. В зависимости от других качеств он может быть требовательным и конфликтным, а может быть тихим, “пришибленным”. Охотно поддерживает беседы о несправедливости, царящей в мире, о неблагодарности детей и знакомых, о низкой оплате труда; жалуется на непонимание людьми его сложной натуры и на их неспособность оценить его высокие душевные качества. В быту придиричив, капризен. Своим поведением часто провоцирует людей на резкие и нелюбезные высказывания, на которые с готовностью обижается. При всем этом обидчивый ведет себя так, как будто быть обиженным *его личное исключительное право* и совсем не интересуется, могут ли быть обидными его слова или поступки для других людей. При достаточной выраженности этого качества, человек холит и лелеет возникшее чувство обиды, жалеет себя и этим услаждается и даже, если не жалеет зла обидчику, всячески уклоняется от прощения, не желая расставаться с причиной этого “*сладкого*” чувства. Не развившаяся в процессе сознательной жизни, а унаследованная от родителей обидчивость, может обнаруживаться наличием “срезанного” подборodka. Сопутствуют обидчивости достаточно часто любые формы повышенной самооценки. Внутренне ощущается как недовольство окружающими и их поведением, так и общим недовольством жизненными обстоятельствами, за формирование которых большой винит родителей, родную партию и правительство, Господа Бога, но только не себя. Проистекает от гордости – самолюбия – саможаления. В окружающих людях обидчивый невольно формирует пренебрежительно-уничтожительное отношение и позволяет окружающим помыкать, уязвлять и надсмехаться над собой, чем и удовлетворяет свою обидчивость. Телесных болезней не наблюдается. Противостоять удобнее всего прощением, благодарностью за невольное смирение, терпением. Обратной стороной обидчивости является *дерзость*.

Ограниченность – желание не заниматься выполнением дел и обсуждением вопросов, которые доступны и посильны, но в которых недостаточно сведущ из-за того, что неприятно обнаруживать свою несостоятельность или трудиться. Близка к самодовольству, самолюбанию, мечтательности. Отличается от естественной ограниченности человеческой природы во времени, пространстве, информации из-за поврежденности грехом тем, что обычно защищается и оправдывается человеком. Имитирует глупость.

Оговор – желание обсудить (обговорить, оговорить) чьи-либо поступки без пользы как для оговаривающего, так и для оговариваемого, изыскивая в них (поступках) плохое. Носит характер осуждения поступков, но не грехов.

Опасливость – желание считать приносящим вред окружающее человека, а не гнездящиеся внутри него страсти. Опасливый человек либо изыскивает реальную опасность, либо измышляет ее, либо создает, по законам роста страсти, ситуации и отношения, действительно опасные для него, – и это невероятно только на первый взгляд.

Осуждение – желание осуждать (осудить) кого-либо, то есть принять не подлежащее сомнению решение о безусловной и окончательной виновности осуждаемого.

Во внешнем – осуждающий занят выискиванием мнимой или действительной вины человека и последующим безапелляционным высказыванием своего мнения в беседе либо с осуждаемым, либо с другими собеседниками. Не имеет ничего общего с обличением грешащего, которое нам заповедано, ни с негодованием, поскольку и то, и другое направлено *на грехи, а не на грешащего человека*, на его поведение, а не на его личность. Сама по себе констатация недостойного, безнравственного поведения ни в коей мере не является осуждением, поскольку может произноситься с негодованием, с жалостью, с готовностью помочь и т.д., и в указанных случаях имеет целью помощь человеку, а не поиск и определение наказания ему. Также осуждение не следует смешивать (путать) с оценкой личностного (нравственного) состояния человека, производить которое православные люди *обязаны* и обязаны также на основании этой оценки не вступать в дружеские отношения ни с иноверцами, ни с еретиками, ни с христианами, которые, будучи обличаемы, продолжают упорствовать в грехе, а не плакать о нем. Даже в церковной практике, когда имеет место исповедание человеком своих недолжных, греховных мыслей, слов и поступков, ему назначается епитимья, которая предполагает не справедливое воздаяние преступнику за его вину, а совершение самим виновным определенных действий, имеющих целью выправление душевного состояния, возвращение в душе устойчивости по отношению к греху. Поэтому говорить об епитимье, как о наказании, возможно только в том случае, когда говорящий понимает, что слово “наказание” происходит от слова “наказ”, то есть научение, выправление и поручение выполнить что-либо. Осуждающий в повседневной жизни охотно выслушивает сообщения о чужих ошибках, заблуждениях, слабостях, неосведомленности и связанных с этим неправильных, с его точки зрения, действиях. А всякие неправильные действия он непременно ставит в вину тому, кто их совершил. Осуждающий постоянно создает в своей жизни ситуации, которые позволяют ему получать материал для осуждения: он принимает клевету, поощряет наушничество, не предостерегает людей о возможных нежелательных последствиях их поступков, а зачастую прямо провоцирует на недолжное поведение. В последующем все это используется для осуждения. Поскольку у большинства людей в их жизни находятся факты, а в характере – качества, за которые их можно осудить, осуждению часто сопутствует высокомерно-пренебрежительное отношение к окружающим, беспощадность. Но оборотной стороной медали можно, без сомнения, считать *самооправдание*. Зачастую и ищет человек вину других, чтобы снять ее с себя. Внутреннее состояние человека характеризуется безразличием как к радостям, так и к огорчениям других людей, отчужденностью от них, отсутствием жалости и сочувствия при очевидных чужих неприятностях. Сопровождается заметным интересом к ним и мыслью “так вам и надо”, приводящей в конечном счете к злорадству. Проистекает от гордости – самолюбия – самооправдания, а само осуждение порождает такие качества, как клевета, злословие, насмешливость, зложелательство (зависть), хула, порицание, мстительность, памятозлобие, злость. Само осуждение телесных болезней, видимо, не вызывает, но принимает участие в формировании таких качеств, как злость и ненависть, могущих, в свою очередь, приводить к заболеваниям крови. Впрочем, святые отцы говорят, что осуждающему за что-либо человека Господь попускает перенести те же беды и болезни, за которые он осуждал других или по поводу которых насмехался над ними.

Противостоять осуждению лучше всего самоукорением, прощением и смирением.

Отчаяние – желание отвергать любую возможность обретения надежды, даже если она очевидна.

Памятозлобие (злопамятство) – желание не забывать о причиненном тебе “вреде”, о том, что было сделано не по-твоему.

Педантичность – желание любоваться своей способностью поддерживать в своей жизни, в своем поведении раз и на всегда установленный порядок, даже когда он лишается смысла из-за изменившихся обстоятельств.

Печаль – желание сожалеть о том, что в прошлом было не так, как мы считали правильным.

Плотолюбие – желание отдавать все внимание и заботу плоти, преимущественно своей; совершать то, что приятно плоти.

Податливость – желание изменить свое отношение к окружающему и мнению о нем под давлением людей и обстоятельств, чтобы избавиться себя от трудностей противостояния внешнему.

Подобострастие – желание изобразить или разделить с кем-либо приверженность тем же страстям, что и человек, расположения которого мы ищем.

Подозрительность – желание предполагать в поступках и высказываниях людей наличие злого, враждебного умысла.

Попустительство – желание не противостоять греховным устремлениям человека, на которого имеешь возможность или право оказать влияние.

Поспешность – желание принимать решения, высказывать суждения или совершать поступки прежде их всестороннего осмысления и получения объективного подтверждения их правильности; обычно основано на наших предположениях, подозрениях, мнениях.

Потакание – желание содействовать любому греховному устремлению другого человека.

Похотливость – желание немедленно использовать любую возможность для удовлетворения телесных потребностей, для улаживания телесных чувств; в более широком смысле – выполнение любых, не только плотских похотений. Противоположна кротости.

Празднолюбие – упокоевание плоти, отсутствие усилий, утруждения. Желание комфорта, резко возникающий страх в случае возможности недополучения этого комфорта, как физиологического, так и ситуационного (не выплыву, не хватит сил, не успею поесть, переустану, обстановка не будет содействовать выбранному комфортному времяпрепровождению, поставленные задачи потребуют хлопот, перемещений). Страшно предполагаемое лишение праздности, лишение возможности расслабиться и использование для этого любой представляющейся возможности.

Празднословие – желание заводить и поддерживать разговор ради развлечения, без всякой цели и смысла.

Презрительность – желание относиться к окружающим как к заведомо неспособным ни на что хорошее и заслуживающим только унижения.

Прекраснодушие – желание утверждать, что все в мире прекрасно, оправдывая даже очевидное зло.

Пренебрежение – желание вести себя с окружающими в высшей степени небрежно, даже не давая себе труда оценить, насколько хороши или насколько плохи их качества и насколько они заслуживают подобное отношение. В поведении, как и всякий грех, может проявляться весьма разнообразно: это невыполнение обещаний, игнорирование мнений окружающих без обсуждения хорошо оно или плохо, это претензии на материальные блага и успех, независимо, влекут ли они за собой причинение морального или материального ущерба окружающим. Это – *отказ обсуждать обоснованность своего поведения, или просто “незаметность” для пренебрежительного человека потребности окружающих обсудить обоснованность его высказываний и поведения.* Именно для этого качества характерна фраза, которую произносит пренебрежительный человек, услышав что-либо, с чем он не согласен, что ему непонятно или неприятно: “Да бросьте вы”, “Да брось ты”. Часто может произноситься человеком, который пренебрегает в своей жизни любыми проявлениями доброты, вежливости или другими положительными качествами, и пренебрегая в себе, автоматически пренебрегает ими в других людях. Каким положительным качеством человек пренебрегает в себе, тем качеством, проявляемым другими людьми, и будет вызываться эта фраза. Мимически может сопровождаться приподнятостью левой брови, скептической ухмылкой, принимающей форму обычной гримаски. Во внутреннем мире – сопровождается *неспособностью ощущать, воспринимать мысли других людей, эмоциональной холодностью или раздражением*, что чаще всего в случаях, когда пренебрежительного человека обстоятельства вынуждают принимать в расчет мнения, суждения и потребности окружающих. Проистекает от гордости – самолюбия – самоуверенности – самомнения. В окружающих вызывает ощущения отторжения, сочетающегося у неправославных людей с жестокостью, с чувством обиды. Противостоят удобнее всего уважительностью, предупредительностью. Обратной стороной очень часто бывает лживость, подобострастие. Наибольший протест вызывают те качества, которые противостоят данному греху. Презрительность от пренебрежительности отличается тем, что изыскивает причины и предлоги для унижительного отношения к людям в их моральных, интеллектуальных, физических или поведенческих особенностях. При этом презрительность склонна объяснять окружающим, чем они заслужили такое отношение, а пренебрежительность имеет основание в не ставящемся под сомнение и не подлежащим обсуждению личном превосходстве и не склонно кому-либо объяснять что-либо.

Пререкание – желание вести беседу так, чтобы твои высказывания преобладали над высказываниями собеседника, хотя бы количественно.

Привередливость – желание проявить свое неудовольствие качеством того, что сделано для нас другими людьми, стараясь изыскать недостатки реальные или мнимые.

Притворство – желание изобразить такое свое состояние, которое должно вызвать нужное тебе отношение и поведение окружающих.

Пугливость – желание считать могущим принести вред то, что тобою не предвидено, что происходит неожиданно.

Пьянство – желание изыскивать причины для возможно более частого употребления алкоголя. Порождается плотолубием.

Развращенность (любострастие) – желание, если страсти насыщены общепринятыми, обычными способами их удовлетворения, усладить их, возбуждая большим количеством или изощренностью удовольствий. Проявляется при полном согласии души с грехом.

Раздражительность – желание выразить свой протест против того, что тебе неприятно.

Распущенность – желание не контролировать свое поведение и не управлять им.

Рассеянность – желание не утруждать себя, удерживая на чем-либо свое внимание. Порождается многозаботливостью. “Профессорская рассеянность” – в действительности результат полной отдачи внимания тому, чем человек увлечен.

Расточительность – желание расходовать (расточать) время и средства сверх потребного или необходимого для обнаружения перед людьми избыточности своих возможностей.

Расслабленность – состояние (ощущение), характеризующееся физической слабостью (субъективным недостатком сил), отсутствием выраженных, заметных, ощутимых желаний или потребностей; необходимостью понуждать себя на то или иное дело, действие; вялостью мысли или отсутствием четко поставленной цели. Все это вместе осознается человеком и оценивается как расслабленность. Собственно, недостаток любых сил (душевных или физических) может быть следствием любого греха, но чаще всего к этому состоянию приводят желание плотского покоя и уныние. *Увлекаемость, податливость и многозаботливость способствуют*

возникновению расслабленности. А целеустремленность, обязательность, послушание и трудолюбие – ее уменьшению. Поэтому всякие развлечения, особенно у детей, являются тем, от чего во взрослом состоянии (или в юношеском) человек будет испытывать недостаток сил в той сфере, которая подверглась развлечению (желательная, мыслительная или физическая силы). Всегда связана с желанием не утруждать душу (желательную, мыслительную или раздражительную ее часть; раздражительная сила умалется терпимостью) или тело. В отличие от развлечений (любых), игра предполагает правила, имеет конкретную материальную цель. Для участия в ней необходимо совершение последовательных, планируемых и зависящих от человека действий, качество которых учитывается по ходу игры или в ее конце (проиграл – водишь, или лезешь под стол).

Рвение – желание безотлагательно совершить то, что в настоящий момент непосильно либо по состоянию человека, либо по внешним обстоятельствам. Во внешнем – проявляется попытками быстро, сразу сделать то, на что потребны время, труд, научение.

Направлено может быть как на дела, которые человек хочет совершить сам, так и на дела, которые хочет заставить совершить других людей. Как правило, таким человеком либо прямо отвергаются, либо игнорируются такие качества, как постепенность и умеренность. Из всех путей достижения цели выбирается тот, который наименее посилен, но дает иллюзию возможности сразу достичь желаемого. Те же пути, которые практически несомненно приведут к цели, но требуют трезвой оценки своих сил и возможностей, требуют учета ситуации и обстоятельств, требуют прогнозирования и предусматривают могущие возникнуть трудности и задержки – те пути последовательно отвергаются. При этом приводятся разнообразные причины такого отвержения, но внешнего порядка, а собственно рвение всячески отрицается или не принимается во внимание человеком, который им заражен. Диапазон приложения рвения чрезвычайно велик: от желания привести в порядок за 5 мин. квартиру до желания сделать счастливыми всех людей сразу. Как и всякая страсть рвение формирует внешние условия своего проявления. Так, например, имея возможность выполнить намеченные дела к определенному сроку, человек всячески откладывает их до тех пор, пока своевременное выполнение не сделается практически невозможным, и только тогда, разумеется со рвением, берется за них. **Этим формируется привычка выполнять все дела с крайним напряжением душевных и физических сил**, и поэтому даже те дела, для совершения которых у человека с избытком достаточно сил и времени, он выполняет так, как будто времени у него нету и как будто совершает эти дела из последних сил. Рвение не имеет ничего общего с потребностью безотлагательно совершать подлежащие дела, с бережливым отношением ко времени, с признанием того, что времени и сил может не хватить. **Рвение характеризуется именно желанием ощущать недостаток времени и сил и ощущать значимость своих личных усилий в выполнении того, что другие люди за это время не смогут выполнить, наладить, устроить.** Как ни странно это может показаться на первый взгляд, но человек, страдающий рвением, практически живет в состоянии раздражения из-за недостатка времени и сил, то есть из-за недостатка, который именно рвением и формируется. Внутренне – состояние можно сравнить с состоянием страдающего от жажды человека, которому не хватает нескольких сантиметров для того, чтобы дотянуться до кувшина с водой, – правой рукой. При этом левой рукой он бессознательно, с помощью, скажем, палочки этот кувшин отодвигает. То состояние души, при котором о человеке говорят, что он хочет что-то урвать, также формируется рвением (рвачество – желание ухватить что-то для себя без труда, быстро и сразу). Рвение проистекает, разумеется, от гордости – самолюбия – самонадеянности, сопровождается хитростью, раздражительностью и, может быть, грубостью, бесцеремонностью. В случае когда выросшее до уровня страсти рвение систематически не удовлетворяется, происходит соматизация этого качества, находящая выражение в заболевании щитовидной железы (тиреотоксикоз). В подавляющем большинстве случаев указанное заболевание поражает женщин в связи с их природной меньшей способностью осмысливать и осознавать свои желания и с их большей склонностью руководствоваться не рассудком, а эмоциями. Противостоять удобнее всего умеренностью, постепенностью, надеждой на промысел, а не на свои усилия и благодарностью. Эти же качества и отвергаются в окружающих, как и ведение дел в соответствии с составленным планом. Обратной стороной рвения можно считать лень. Оправдывается рвение обычно большим количеством и значимостью дел, которые необходимо выполнить.

Ревность – желание безраздельно распоряжаться всем временем и всеми силами, душевными и телесными, другого человека.

Робость – желание считать все окружающее, людей и обстоятельства, вредоносными и относиться к ним, как к чему-то вредящему, угрожающему. Так же, как опасливость, боязливость и пугливость, робость порождается трусостью. Внешне может вызывать, формировать в осанке человека сутулость, “круглую спину”. До формирования сутулости может сопровождаться приподниманием плеч (втянул голову в плечи). Внутренне сопровождается ощущением зависимости от окружающего, чувством приниженности. Поэтому часто, в качестве компенсации, сопровождается независимостью (подчеркнутой). Внешне может напоминать такие добродетели, как покорность и смирение, с чем и путают ее неразборчивые люди. Робкий человек может быть необоснованно агрессивен и раздражителен, может обижаться на окружающих, даже когда их действия не имели целью причинения ему вреда. Часто бывают замкнутыми, малообщительными, подозрительными (мнительными). Необоснованно настороженно относятся к любым изменениям обстоятельств, к новым людям с одной стороны, а с другой стороны – компенсаторно могут совершать необдуманные, опрометчивые поступки. Все поведение робких людей практически провоцирует формирование у окружающих объективного пренебрежительного или враждебного отношения к ним, которым робость оправдывается, закрепляется (чем она питается), находя себе “реальное” подтверждение в окружающем. Как и всякая страсть, робость всегда обнаруживается тем, что человек *хочет* сохранить за собой право и основание считать окружающее вредоносным, недоброжелательным и упорно отстаивает “свое право”. Формирование робости схематично можно представить следующим образом: гордость – самолюбие – саможаление (самозаботливость) – трусость – робость. Противостояние любой из этих страстей, каждая из которых по-своему приятна человеку, лишает робость питательной среды. Оценивая окружающее как враждебное и старательно, непрестанно изыскивая подтверждение этой своей оценке, робкий человек в отличие от покорного или смиренного, *тяготится* враждебностью окружающего, протестует против нее, в то время как покорный человек, сознавая свою человеческую худость, греховность, не изыскивает якобы грозящие ему беды, а либо трудится, перенося внешние и внутренние неприятности, либо благодарит Бога за невольное смирение этими неприятностями и за вразумление. Как и всякий грех, робость осмысливается человеком только в начале своего формирования, когда человек соглашается с робким отношением к окружающему, а в дальнейшем поддерживается не мыслями, не рассуждением, а эмоциональным фоном совершенно бездумно. И поскольку люди, не прибегающие к молитве (к трезвению ума) отдаются “парению” ума, то они с трудом замечают свои мысли и практически не способны заметить и оценить собственные эмоции, то робкое отношение остается незамеченным ими, а указание на него со стороны окружающих вызывает недоумение и протест. Легко маскируется

выдержкой, скрытностью, но тем менее ощущается окружающими, а детьми, с которыми в постоянном контакте находится робкий человек, легко усваивается и входит в ядро личности.

Противостоять робости, не изменяя внешнего привычного поведения, легче с помощью кротости, покорности, благодарности и смирения. Если у человека достанет сил на изменение своего поведения, то ей можно противостоять, обращаясь к таким добродетелям, как храбрость, самоотверженность, определенность, прощение и произвольное перенесение злостраданий (резкое ограничение любых форм телесного и душевного комфорта).

Робость может существовать только как признание окружающего мира вредоносным. При этом не имеет значения, является ли окружение избыточно агрессивным по отношению к нормальному человеку или агрессивность окружающего условно принимается как нормальная, но силы и способности человека малы для того, чтобы ей противостоять. Как всякая другая страсть, робость (боязливость, опасливость, трусость) ищут пищу для собственного питания. Для этого они фиксируют внимание человека на неуспешности его действий, на несовершенстве его мыслей, на непосильности труда, на недоброжелательстве окружающих, их порочности. Все эти мысли, воспринятые человеком, как отражение объективной реальности дают обильную пищу для робости. Зачастую восприятие окружающего, как несущего собой угрозу, может быть зеркальным отражением отношения к нему со стороны робкого человека. Логику его мыслей, которые, возможно, существовали в детстве и давно ушли в подсознание, можно сформулировать предельно просто: **“Я отношусь к вам плохо, и, значит, вы, догадываясь об этом или замечая это отношение, так же относитесь и ко мне”**. Такое негативное отношение к окружающему робость может формировать затем, чтобы стараться избежать любых обвинений, любых порицаний, в связи с которыми могут формироваться вредоносные для робкого человека действия или ситуации в окружающем.

Но желание оправдаться всегда идет параллельно с желанием обвинить кого-либо или что-либо, а это обвинение в свою очередь влечет за собой постоянное негативное отношение к людям и обстоятельствам, характеризуется мятежностью, раздражением, осуждением.

Ропотливость – желание высказывать недовольство окружающим, неприятным нам лично. Противится самоукорению. (Не смешивать с обличением и негодованием.)

Самовозношение – желание считать себя выше и сильнее обычных человеческих слабостей. Чаще возникает после преодоления одного или нескольких грехов, но не греховности. Сопровождается присвоением права не следовать общепринятым нормам поведения, чувством приподнятости.

Самодовольство – желание испытывать довольство собой и обращать внимание на способствующие этому совершаемые тобою дела.

Саможаление – желание обращать внимание на что-либо (обычно неприятное) в своей жизни, что дает основание жалеть себя (что более приятно).

Самозаботливость – желание изыскать основание для того, чтобы самому же заботиться о себе, даже когда в этом нет насущной необходимости. Исключает веру, надежду.

Самолюбие – желание считать, что нашего хорошего отношения, нашей любви достойны только мы сами. Уничтожает любовь, порождает ненависть.

Самомнение – желание самому, чаще всего достаточно лестно, оценивать себя, не обращая внимания на мнения окружающих и результаты своей жизни.

Самонадеянность – желание считать свои силы безусловно достаточными, а дела единственно правильными для достижения намеченной цели. Такая посылка автоматически заставляет относиться к не своим делам как к недолжным, несовершенным, нуждающимся в исправлении или переделывании. Внешне проявляется тем, что человек, даже испытывая затруднения в своей деятельности, не ищет помогающего (помощи), не просит о ней, даже если есть к кому за ней обратиться, или впрямую от нее отказывается. Заявление самонадеянного “я сам” резко отличается от такого же заявления ребенка, который учится делать дела так, как его научили и показали. Самонадеянный человек при указании на недоброкачественность его дел или работы раздражается, унывает, а если это сильный человек, то предпочитает не исправить отмеченные недостатки, а безукоризненно совершить свою работу заново. Любая деятельность для самонадеянного человека может становиться самоцелью; при этом она оценивается не потому, к каким результатам она привела, к хорошим или плохим, а по факту выполнения намеченных дел. В делах других людей самонадеянный склонен изыскивать недостатки или отрицать их нужность в целом, или, не делая ни того, ни другого без насущной необходимости выполнять то же самое дело еще раз, но – своими руками, своими усилиями. Самонадеянный может браться за работу, к которой он не готов профессионально, о которой он имеет самое общее представление, не обладая ни знаниями, ни опытом. Такие люди способны браться за обучение любым профессиям, даже не сознавая своей некомпетентности, только потому, что считают свое умение достаточным. Обучение таких людей крайне затруднительно, поскольку они считают, что умеют делать любое дело достаточно хорошо и сами, а невольно получаемые в процессе обучения навыки только укрепляют их в такой самооценке. Часто самонадеянные могут ставить перед собой задачи, для них непосильные. Если самонадеянность достигает уровня страсти, человек считает все сделанное не им – недоброкачественным, несовершенным. В этом случае он изыскивает возможность вмешиваться в дела других людей под предлогом помощи, развивает кипучую деятельность во всех сферах своей жизни, принимает участие в таком количестве дел, которое чисто физически не в состоянии довести до конца. Не умея с благодарностью пользоваться имеющимися земными благами, самонадеянный человек осмеливается исправлять даже дела Творца, улучшая и переделывая природу. Самонадеянный художник, видя, что его работа идет не так, как ему хотелось бы, не останавливается и не исправляется, а упорно продолжает следовать выбранной линии, стилю. Недостатки в нехорошо убранной квартире не устраняются, а производится заново уборка, что может быть и при хорошо убранной: не я убрал, значит – плохо. Внутренне сопровождается эмоциональным состоянием, свойственным прочим грехам, но в большей степени выражены **напряженность и зависимость**. Естественное ощущение человеком ограниченности своих сил и невозможности полностью удовлетворить самонадеянность и приводят к

безнадежно, так же как самоуверенность – к сомнениям и колебаниям. **Безнадежие** – оборотная сторона самонадеянности. Для удовлетворения самонадеянности люди измышляют дела, в которых нет необходимости, но которые они могут *сами сделать*. Самонадеянный всегда хочет сделать больше, лучше, дешевле. Окружающих самонадеянный человек, в зависимости от личностных свойств, может “заражать” этим грехом, подавлять или вызывать протест, окрашенный все той же самонадеянностью.

При материальной огромности дел, для совершения которых очевидно недостаточно сил одного человека, каков бы он ни был, самонадеянный человек ищет возможности объединить усилия людей для достижения той цели, которая продиктована самонадеянностью. В этом причина стремления к **“единению и братству”** всех людей или всех народов, к которой призывали масонствующие философы-интеллигенты (улучшение природы, воскрешение мертвых, построение общества, основанного на человеческой справедливости).

Самонадеянность является грехом, необходимым для формирования таких болезней, как маниакально-депрессивный психоз и эпилепсия (для маниакально-депрессивного психоза она, видимо, выступает в качестве самостоятельной и единственной болезнетворной причины). Последствия самонадеянности (безнадегия) обязательная причина легочных болезней, а также туберкулезного поражения как легких, так и любых других органов в связи с тем, что самонадеянность может охватывать как весь организм, так и его отдельные функциональные системы. Не будучи в состоянии выйти на качественно более высокую ступень в своих делах, самонадеянный склонен компенсировать это чисто внешним увеличением тех дел, которые ему доступны.

Противостоять самонадеянности можно надеждой, постепенностью, уверенностью и памятью о том, что трудиться мы обязаны, а успешность наших дел, их благополучное завершение даруются Богом, если мы трудимся, выполняя заповеди. В противном случае “успешность” греховных дел подбрасывается сатаной для погубления человеческой души ничтожными материальными подачками.

Даже при обращении к православию, к Богу, самонадеянный ищет возможности совершать безусловно правильные, по его мнению, поступки, совершать дела, с помощью которых он сам выправит себя, *сам* заслужит Царствие Небесное, сам, служа Богу, практически сделает Его своим должником. Последнее относится к молитвенным правилам, и к милостыне, и ко всем другим поступкам, которые раньше были проявлением благочестия.

Категорически не дает места самонадеянности выполнение дел не ради удовлетворения собственных желаний, а ради исполнения своих обязанностей перед Богом и людьми; не ради достижения любых целей в материальном мире, а ради душевного спасения своих близких (не родных) и себя.

Самонадеянный не принимает замечаний, потому что *сам* знает, как все *сделать*.

Скрещенные на груди руки, походка **“враскачку”** могут говорить о наличии самонадеянности в характере человека. Неудовлетворенная самонадеянность, потребность что-то сделать, мысли на *тему “сделаю – и это хорошо”*, не находящие себе выхода, могут приводить к появлению боли в височных областях головы, которая проходит после совершения любого действия (физических упражнений, раздраженного битья посуды, “вдохновенного творчества”). Боли в позвоночнике могут вызываться все той же самонадеянностью.

Самообольщение – желание предаваться помыслам, которые лестны, приятны твоей душе. **“Блажащие вас лгут вам”**.

Самооправдание – желание оправдать свои поступки, поведение, их побудительные причины в глазах окружающих и в своем собственном мнении. Внешне проявляется в том, что человек, страдающий самооправданием, причины своих поступков склонен изыскивать не в себе, а в любых окружающих его обстоятельствах, в поведении людей. Такой человек утверждает, что все совершаемые им недолжные поступки обусловлены своей общепринятостью, не зависящими от него внешними причинами или продиктованы “благими намерениями”. Он утверждает, что в заботе о людях, не хочет раздражать и огорчать их непривычным поведением, поэтому ведет себя, как все: сквернословит, пьянствует, блудит и т.д., поэтому по своей “скромности” он не хочет привлекать к себе внимания необычным поведением и высказываниями, или что у него “по немощи человеческой” нет сил противостоять объективным обстоятельствам. При этом он упорно закрывает глаза на то, что правильное поведение лишило бы его возможности удовлетворять собственным желаниям (страстям) и что **именно поступки, удовлетворяющие эти страсти, он оправдывает, старательно пряча от себя и других движущие им страсти**. Всякий, оправдывающий себя, уже самим оправданием обнаруживает скрываемое сознание собственной вины, ибо невиновному и в голову не придет оправдываться. Каждый чувствует, что, оправдав собственно зло, он, разумеется, оправдывает и свою причастность к этому злу. Именно самооправданием обуславливается приверженность людей тем учениям или верованиям, которыми объясняются (оправдываются) свойственный им грех. Так, например, люди гордые считают правильным учение – фашизм; имеющие целью материальные блага – иудаизм (коммунизм); желающие оправдать распущенность плотских влечений – будут утверждать, что жизнь человека определяется законами биологии, через которые переступить невозможно; сребролюбивый человек заявит, что отношения между людьми регулируются экономическими причинами и т.д. Таким образом, следуя выбранному им учению и отстаивая его правильность, человек как бы заявляет, что его личной вины нет в его поведении, что он просто последовательный сторонник материализма, фрейдизма, утопизма, сводящих все богатство и разнообразие человеческой душевной жизни к таким качествам (соответственно упомянутым учениям), как сребролюбие и злобность; блудливость; мечтательность. Именно оправданию жизненной позиции их создателей служат многочисленные философские системы. Как говорят святые отцы, **самооправдание – вершина греха**. И именно к этому очень часто приходят желающие оправдать себя люди: они удивленно недоуменно вопрошают **“что же плохого в том, что они желают денег, любовниц, обильной пищи”**, что вся их жизнь направлена, в конечном счете, на служение материи в любых формах (плотолюбию, сребролюбие, миролюбие, вещелюбие и прочим).

По своей пагубности для человеческой души самооправдание превосходит даже такие грехи, как **терпимость и выдержка**. Очень часто оправдывающий себя человек пытается совершить это косвенным образом: он оправдывает недолжные поступки других людей, к которым склонен сам (правда, только до тех пор, пока они не направлены против него самого), и оправдание, направленное на других людей, распространяет на свое собственное поведение. **“Ничто человеческое нам не чуждо”**, – заявляют такие лицемеры,

хотя правильнее было бы сказать: *“Ничто скотское нам не чуждо”*. Оправдывая сам грех и содействуя доступными средствами, в том числе личным примером, его популяризации, такие люди соблазняют неискушенные души и служат причиной их соблазна, забывая, что *“Горе человеку, которым приходят соблазны”*. Поскольку всякий оправдывающий знает о виновности и пытается сложить ее с себя, то он неизбежно возлагает ее либо на окружающих людей, либо на самого Создателя, чем фактически осуждает их. Таким образом, самооправдание естественно влечет за собой *осуждение и хулу*. Именно эти качества заключаются в невинных, на первый взгляд, фразах, которые произносятся достаточно часто многими людьми: *“А что плохого я делаю? Живу как все. Это среда меня сделала таким. Может, что и не так, но таковы времена, обстоятельства и окружающие меня люди”*. Поскольку всякий человек совершает только то, на что он сам считает себя имеющим право, постольку всякий, намеревающийся совершить недолжный поступок или совершивший его, обсуждает этот поступок с теми, кем заведомо он будет объяснен, оправдан. Такой человек не в своей совести, а в чужих мнениях пытается найти обоснование недолжному поведению. Внутренне неудовлетворенное самооправдание сопровождается ощущением беспокойства, поиска, тревоги. Проистекает от гордости, чаще через *сребролюбие и самолюбие*. Оправдывается, как правило, *любовью к людям, всепрощением, желанием не осуждать, терпимостью* и прочими качествами, в которых христианское перемешано с антихристовым и для православного сознания неприемлемо, ибо христианам заповедано не судить, то есть не присваивать себе права как осуждать, так и оправдывать, а прощение не имеет никакого отношения к оправданию, ибо нет ничего общего между светом и тьмою. Обратной стороной можно считать *осуждение. Противостоять – исповеданием* своей греховности вообще и конкретных грехов в частности, самоукорением и прощением. Зачастую для самооправдания используются объективно правильные поступки, не служащие греху видимо. Такие поступки обосновывают мнение человека о собственных заслугах и в качестве награды за эти заслуги он считает себя вправе делать то, что ему лично приятно. К ним относят выполнение своего долга перед детьми, перед родителями, перед сослуживцами; сюда же относятся тяжелое детство, трудная юность, отсутствие родителей или малая забота с их стороны и вообще перенесение человеком любых лишений того, на что он сам себя считает имеющим право. В этом случае самооправдание как бы приводит к *“самонаграждению”*. Высказывание человека о том, что его недолжное (поведение) отношение к людям, обязанностям, окружающему продиктованы тем, что все перечисленное не заслуживает хорошего отношения, также бывает объяснено самооправданием: *“Люди не стоят того, чтобы к ним хорошо относиться, и работа приносит копейки”*... Прямое отрицание какого-либо греха в себе также является, пусть примитивной, формой самооправдания. Ибо отрицая в себе грех, фактически укрывая его в себе от обличения и пытаясь этим избежать обвинения человек тщится сохранить за собой правду, оправдать себя. Выглядит это чаще всего нелепо. Например, человек заявляет: *“Я не чревоугодник. Я просто люблю вкусно и сытно поесть. А устроен я так, что лично мне еды нужно больше, чем другим”*. *“Я не сребролюбив. Я не жаден просто мне нужны деньги на жизнь больше, чем другим”*. *“Я не блудлив, просто мои потребности велики, а мой темперамент шибко горяч”*. Другим вариантом того же качества, сопровождающегося присвоением себе правоты, является оправдание себя должностью, которую занимает человек. Традиционно со всякой должностью связывается представление о качествах, которые необходимы человеку для выполнения своих обязанностей, связанных в занятием данной должности. Поэтому, всякий стремящийся к оправданию себя человек, заняв какую-либо должность, начинает делать вид перед окружающими и считать сам, что он обладает нравственными качествами, необходимыми для пребывания на этой должности, что он ей соответствует. Чаще всего, это связано с теми должностями, которые представляют человеку какую-либо власть над другими людьми. Например, традиционно считается, что священник ведет праведный образ жизни, а милиционер соблюдает действующее законодательство. Правда, сейчас жизнь показывает, что священники очень часто не имеют представления о том, что называется духовной жизнью, а сотрудники правоохранительных органов не ставят перед собой задачу следовать законам. Само собой разумеется, что прощение или помилование невозможны без раскаяния, а раскаяние не может быть без исповеди, то есть без признания своей греховности и согрешений. Таким образом, очевидно, что *самооправдание лишает человека малейшей надежды на спасение души, мешая ему не только раскаяться, но даже просто признать собственную худость*. Правда, само по себе признание (грехов) греховности не ведет человека к помилованию, ибо помилование зависит не только от признания грехов, но и от отношения к ним.

Самоправедность – желание считать, что для достижения праведности вполне достаточно твоих личных трудов. Недалеко от сомнения, самонадеянности, самооправдания, приводит к пренебрежительности.

Самоугодность – желание совершать самому и склонять окружающих к совершению угодных тебе поступков. Близко к своеволию и жестокости.

Самоуверенность – желание не сомневаться в правильности своих мыслей и считать их достаточными; демонстрировать их правильность и превосходство над мыслями и мнениями окружающих. Самоуверенность влечет за собой сомнение в правильности чьих бы то ни было слов или их прямое полное неприятие. Облегчается ироничностью, которая делает любые высказывания малозначимыми (меньше значимыми). Самоуверенность часто ведет к улыбочивости не к месту, без внешних видимых причин, которая обусловлена желанием умалить, облегчить, обесценить мысли, выраженные в словах других людей, и превознести себя (приветливость всегда целенаправленна и облегчает другому человеку общение с тобой, имеет целью исключить из этого общения непосильное и неприятное; улыбочивость при робости имеет заискивающий, подобострастный характер и имеет целью продемонстрировать, изобразить свое безусловное одобрение действий и слов окружающих и отсутствие намерений противодействовать). При невозможности отвергать чьи-либо мнения, самоуверенность ведет к уклончивости, к желанию не заметить их или хотя бы не последовать им. Всегда сопровождается желанием разобраться самому не для того, чтобы лучше понять и выполнить, а для того, чтобы усвоить и следовать уже как бы своим мыслям (послушание – всегда принятие и расспросы для лучшего выполнения, а самоуверенность – если я признаю правильным, тогда последую). Самоуверенность желает все предвидеть во времени, распланировать свое поведение, в любых вопросах разобраться не в пределах своей деятельности, а в пределах их окончательного завершения. Для нее характерны рассуждения следующего типа: *“Я лично не понимаю, что вы мне там говорите, и поэтому все это лишено смысла и является абсолютной чушью”*. Посягает, в конечном счете, на знание Промысла Божьего, на знание суда Божьего. Невозможна без сомнения и гордости. Субъективно не ставит границ своему пониманию, которые объективно всегда определены насущной потребностью, предлежащими делами и могут быть расширяемы после научения и выполнения должного. Отличается от планирования тем, что планирование намечает дела и этапы их совершения, предполагает их и следует поэтапно,

постепенному их освоению. Часто посягает на попытку собственными ухищрениями ума объединить необъединимое, разрешить неразрешимое (каким образом очевидного подлеца заставить быть порядочным человеком).

Стремится логически понять, объяснить до конца то, что узнается рассмотрением и опытом. Желание предвидеть, желание снова и снова объяснять людям то, о понимании чего они уже сказали. Желание не сомневаться в своей способности научить людей. Отсутствие потребности учиться, потому что *“мои мысли достаточны”* по любому вопросу.

Пренебрегает чужими рассуждениями, не выслушивая их. Не принимает советов и не ищет советов, даже когда сам очевидно не в состоянии разрешить вопрос. Следует *не послушанию а подчинению*.

Самоуверенность не сомневается в безусловной и несомненной благотворности разума, в его самостоятельной положительной нравственной ценности, склоняет человека к испытующему поведению. Ищет возможности навязать свои мысли или хотя бы поделиться ими (своим мнением) с теми, кто о них не спрашивает и не просит. Просчеты в планировании приписывает не несовершенству своей мысли, а посторонним внешним влияниям, обстоятельствам. При невозможности скрыть собственную несостоятельность в рассуждениях, изыскивается человеческий авторитет (или учение), чьи рассуждения признаются безусловно правильными и усвоение которых дает возможность верить себе, не сомневаться в себе. Пытаются в простые и понятные мысли привнести что-то свое, что ведет чаще к запутыванию рассматриваемого вопроса, чем к его уяснению. Обращается к лестному человеческому (возвеличивающему) мнению (или принимает вкладываемые бесами лестные мысли).

Услышанную информацию или мысль, которую вынужден признать правильной, через некоторое время высказывает как свою в беседе с теми, от кого он ее узнал. Заставляет следовать принятому решению, даже когда его неправильность очевидна и несомненна. Собственные планы, безупречность которых вызывает сомнение, не принимаются, а, следовательно, человек не может прийти ни к какому решению.

Естественно лишает человека разума (как и другие грехи). Заставляет человека считать свое мнение по вопросу, с которым впервые столкнулся, исчерпывающе правильным, достаточным для того, чтобы исправлять или улучшать мнение по этому же вопросу тех людей, которые занимаются им давно. Самоуверенность не дает человеку обращаться за советом, лишает возможности сознавать себя учащимся, учеником, но охотно делится своим мнением, отвечает на вопросы; делится многословно и обстоятельно своими объективными знаниями, заставляет поддерживать разговор и многократно повторяет объяснение уже понятого; скрывает непонимание того, о чем говорят или спрашивают; ни в коем случае не обнаруживает свою интеллектуальную несостоятельность, неосведомленность. Не терпит возражений, указаний на недостаточность сведений (знаний). Выносит суждение прежде получения доступной информации.

Самоулучшение – желание улучшить себя теми силами и способностями, которые дарованы тебе, которые ты считаешь своими и за которые не приносишь благодарности Создателю. Близко к самоправедности, самонадеянности. Может быть сравнено с желанием вытащить себя самого за волосы из болота.

Самоупокоение – желание, если испытываешь беспокойство от упреков совести или окружающих, оправдываться в собственных глазах. Близко к сомнению, самооправданию, порождает безразличие.

Самоуслаждение – желание усладить собственные телесные чувства или делами, или постоянным представлением приятного тебе.

Самоуправство – желание пользоваться для удовлетворения наших похотений властью и средствами, предоставленными нам для выполнения наших обязанностей, и пренебрегать управляющими нашими поступками законами.

Самолюбование – желание любоваться собой, своими действительными или мнительными достоинствами, способностями; внешностью или иными формами и проявлениями одаренности.

Внешне, в зависимости от одаренности и развития человека, может принимать самые различные формы: это и стремление приобрести красивую одежду; проведение длительного времени перед зеркалом; подчеркивание или демонстрация тех особенностей внешности, которые считает привлекательными любующийся собой человек. При этом потребность в гармоничности одежды, обуви, прически совершенно не обязательно должна расцениваться как самолюбование, так как достигнутая гармоничность в подборе цвета и формы в дальнейшем не привлекает внимания человека и не вызывает желания снова и снова рассматривать себя, услаждаться своим видом, изыскивать все новые способы улучшения своей внешности. Любование собой возможно не только по отношению к своей внешности, но и по отношению к своему интеллекту, способности логически мыслить, петь, красиво говорить. Обычно же любование собой распространяется и на телесные и на душевные качества, имея причиной, как и всякий грех, душевное расположение, душевное согрешение. Спортсмен может любоваться своей силой и ловкостью движений; шофер – своим умением оценить дорожную ситуацию и владеть машиной; музыкант – своим слухом; художник – своим чувством цвета и формы, научный работник – своими знаниями; врач – своим умением помочь людям, пониманием тонкостей болезней или бескорыстием и т.д. У человека, любующегося собой, достаточно часто отмечается склонность склонять голову в сторону и постановка стопы при ходьбе с сильно вывернутыми наружу носками. Мужчинам, страдающим самолюбованием, свойственно отпускать длинные волосы, носить серьги. Учитывая, что жесты и мимика являются следствием (воплощением) того или иного душевного расположения, а воспроизведение этой мимики и жестов ведет, в обратном порядке, к формированию соответствующего душевного расположения, можно предположить, что в балетных школах целеустремленно учат самолюбование. И чем больше это качество воспитывается в человеке, тем больше шансов он имеет на успех при прочих равных условиях. Отличительной чертой любующегося собой является не внимание к окружающему, к результатам, которые он может достигнуть, пользуясь своей одаренностью, а внимание к себе, совершение или демонстрация самому себе того, чем он любит себя независимо от того, как к этому относятся окружающие и к каким результатам это может привести, так как любование собой – (это цель) самоцель. Фактически, любующийся собой – это актер, но чаще всего только для самого себя играющий роль, ласкающую его тело, льстящую его душе. Такой человек может искать возможность высказаться, если ему нравится, как он говорит. Он может долго и пространно говорить всем, что уже понятно, если любит себя своей логичностью. Так же пространно

и до утомления долго будет отвечать на вопросы, приводя многочисленные примеры, проводя аналогии и сравнения, если он любит своими знаниями, даже если заданный вопрос предельно прост.

В душе удовлетворяемое самолюбование ощущается как необременительная и не утомляющая приподнятость, никуда не увлекательная человека (ни к чему внешнему). Мысленно любующийся собой безусловно считает себя приятным и интересным для окружающих и свои “достойные” любования черты оценивает как свою собственную заслугу, неблагодарно забывая, что *всякая одаренность от Бога*. Часто сочетается с *самодовольством или самомнением*. Проистекает от гордости через самолюбие. Противостоят самолюбванию удобнее всего благодарностью, ответственностью (за использование даров), обязательностью, ибо никакая одаренность не оценивается сама по себе, а только по тому, как и на что ее употребили. В окружающих, кроме перечисленных качеств, отвергается скромность и служение (готовность служить другим людям). Обратной стороной этой бесовской медали является *боязливость и опасливость*. Те, кто находится в окружении любующегося собой, своим вниманием впиваются эту страстищу, фактически заражаются ею, сочувствуют ей и испытывают приятность, которая и заставляет людей, наравне с тщеславием, посещать театры, балет, и т.д. В зависимости от формы самолюбования, оно порождает такие качества, как ханжество, чопорность, кичливость, надменность, кокетство.

Самолюбование, как и любая страсть, охватившая человека, заставляет его оценивать как настоящее, так и будущее именно с точки зрения этой страсти, с точки зрения ее удовлетворения, пренебрегая всем остальным (обязанностью, верностью, скромностью и т.д.), и формируя условия, способствующие удовлетворению данной страсти.

Своеволие – желание поступать по своей личной воле. При этом предполагается, что своя воля должна отличаться от воли других людей, должна быть на нее непохожей. В связи с этим, поскольку воля находит свое воплощение в словах и поступках человека, своевольный ищет возможность подчеркнуть, что он действует по своей воле, выбирая те формулировки и поступки, которые обнаруживают ее отличие от воли других людей. Так, например, ищут необычности поведения больные шизофренией, для формирования которой наличие своеволия является обязательным. В тех случаях, когда это качество не дошло до уровня страсти, своеволие проявляется в поисках оригинальных решений любого вопроса, и на следовании этим решениям своевольный человек настаивает даже в том случае, если они требуют больше усилий и времени и при этом приводят не к лучшему результату, чем общепринятые действия. В душе человека своеволие рождает ощущение собственной необычности, отличности от других людей, подтверждения чему своевольный постоянно ищет и что со временем приводит к ощущению отдаленности, отчужденности от других людей. Своеволие не так заметно, как жадность или осуждение, но с большей силой разрушает любовь: *“Я не лучше других, я не имею превосходства над ними, но я не такой, как они, и у меня нет с ними ничего общего”*. Схематично своеволие, очевидно, занимает на древе греха место среди качеств, которые можно объединить одним понятием *“самости”*. *“Самость”* объединяет в себе грехи, если так можно выразиться, третьего поколения, как-то: саможаление, самолюбование, самозаботливость, самоугодность, самооправдание и им подобные. *Своеволие участвует как обязательный, но не единственный фактор формирования шизофрении* и может приводить к вычурности (необыкновенности) мимики, жестуляции, высказываний и поступков. Некоторое значение оно играет и в формировании бредовых представлений больного, что легко объяснимо: необычный человек естественно должен привлекать к себе внимание окружающих, а это внимание, само собой разумеется, должно принимать необычные формы. Таким образом, идеи величия или преследования являются результатом ощущения больным собственной необычности и желательны для него, поскольку позволяют, хотя бы мысленно, удовлетворять описываемому качеству.

Естественно противостоит своеволию – *послушание*, и оно же им наиболее отвергается. К оправданию перед людьми своевольный прибегает крайне редко, а сам себе объясняет собственную необычность особой одаренностью, гениальностью. Обратной стороной своеволия, видимо, можно считать *податливость*, которая легче обнаруживается в тех случаях, когда предлагаемое другими людьми ординарное решение резко оттеняет необычность поведения своевольного человека в данной конкретной ситуации в его собственных глазах.

Своеволие часто сопровождается мучительными сомнениями, бездеятельностью в повседневной жизни, в обычных делах, которые слишком банальны, чтобы своевольный ими занимался. В связи с чувством отчужденности, которое испытывает своевольный и которое ощущается окружающими людьми и воспринимается ими как свое собственное отношение, своевольный обычно не имеет совсем или имеет очень ограниченное количество людей, которых можно назвать близкими, поскольку люди отчуждаются от него, “отражая” его собственное настроение. При этом имеющиеся контакты с людьми чаще всего носят формальный характер и вызваны внешними потребностями. Единственно, с кем легко (относительно) находит контакт своевольный, – это подобострастные ему люди (с подобной, такой же страстью). Своевольный может вынужденно, подчиняясь обстоятельствам, следовать обычному ходу жизни, может подчиняться чьей-то воле, но внутренне никогда с этим не соглашается, и как только представляется возможность, ведет себя *“по-своему”*.

Святотатство – желание похитить или осквернить святое, священное, предназначенное Богу. Порождается жестокостью, жадностью.

Сквернословие – желание произносить бранные (скверные) слова. Противостоит молитвословию.

Скупость – желание удержать при себе уже имеющиеся материальные ценности ради них самих. Внешне похожа на бережливость.

Славолюбие – желание прославления тебя людьми, не обязательно знающими тебя лично или находящимися рядом с тобой.

Смелость – желание совершать поступки, на которые не имеешь права (*Как ты смел так поступить?! Как ты осмелился?!*). Порождается сомнением.

Смехотворство – желание постоянно склонять людей к смеху, изыскивая для этого повод и причину. Близко к терпимости, насмешливости. Делает жизнь эмоционально бедной, так как смех умаляет все то, на что направлен – с равным успехом и доброе, и злое. Противостоит серьезности.

Спесивость – желание любоваться своим высоким происхождением.

Спорливость – желание настоять в беседе на своей правоте.

Строптивость – желание, чтобы тебя заставляли делать то, что для тебя же хорошо и полезно.

Сребролюбие – желание обладать деньгами. Дает иллюзию возможности обладания многими вещами и властью в материальном мире, даже при относительно малом количестве денег. Иллюзию, во-первых, потому, что человек может быть лишен всего в любое время помимо его согласия, а во-вторых, потому что *деньги, в мечтах*, дают ощущение возможности приобретения гораздо большего богатства, чем то, что на них реально можно приобрести.

Суетливость – желание совершать то, на что не хватает времени, переходя к последующему делу прежде завершения предшествующего. Недалеко от торопливости, многозаботливости, рвения.

Терпимость – желание *согласиться* (соглашаться) не с тем, что в окружающей жизни есть зло, а, собственно, с самим злом.

В поведении человека, будучи одним из самых распространенных и мало замечаемых грехов, обнаруживается привычными для всех словами *“это не мое дело; это меня не касается”*. Фактически этими словами человек обнаруживает свое согласие с тем злом, которое видит вокруг себя, свою готовность с ним сотрудничать, извлекая из этого выгоды, или к нему приспосабливаться, избегая нападков со стороны любых проявлений зла. *Легко паразитирует на христианской потребности прощать, но отличается от нее желанием оправдать зло*. Может подделываться под терпение, но отличается от терпения стремлением не обличать зло, а оправдывать его внешними обстоятельствами или внутренними побуждениями человека: например, так называемая *“ложь во спасение”*, ложное смирение, которое святые отцы называли бесовским (*“а что я при моей слабости могу сделать?”*). Внутренне может быть замечаемо человеком, как постоянная готовность обнаружить зло, обычно в устройстве других людей и воспользоваться злом (грехом, а следовательно, слабостью) другого человека с выгодой для себя. Человек, охваченный терпимостью, будет противодействовать злу только тогда, когда оно направлено непосредственно на него и каким-либо образом ущемляет именно его и только его личные интересы. В своих крайних выражениях приводит к оправданию не только грешащего человека, а собственно, греха. Например, можно оправдать блудника, что уже неправильно, ибо мы не имеем права не только осуждать, но и судить. Следовательно, мы не являемся судьями, а только судья имеет право вынести равно обвинительный или оправдательный приговор. По степени своего отвержения добра, терпимость, возможно, превосходит даже самооправдание, которое отцы именовали вершиной греха, ибо делает человека прямым сообщником бесов, которым человек терпимый всей своей жизнью содействует, потакает, попустительствует, поощряет и скрывает их мерзкую сущность от людей неискушенных, участвуя в погублении человеческих душ. В становлении своем, представленном схематически, идет от гордости – самолюбия – самомнения – самооправдания к терпимости. Самооправдание обязательно имеет место в структуре личности терпимого человека, так как, оправдывая грешащих и грехи, он косвенно оправдывает и самого себя в своих согрешениях. Поскольку терпимость оправдывает грех временем, социальными условиями, приверженностью к этому греху подавляющего большинства людей, слабостью человека (которая, кстати, тоже происходит от греха) или конкретной ситуацией, то она неизбежно приводит к невозможности для человека обратиться к признанию собственной худости (греховности), исповеди и раскаянию.

Окружающие, не умеющие оправдать свои грехи или сохранившие ощущение постыдности самооправдания, охотно делятся своими переживаниями с терпимым человеком, слышущим добрым, человеколюбивым и отзывчивым, который их утешит и оправдает и укрепит их в намерении погубить собственную душу. В окружающих терпимость наиболее рьяно отвергает такие качества, как достоинство, правдивость, обличение, терпение, исповедь и раскаяние. Обратной стороной “медали” терпимости, как ни странно на первый взгляд, является осуждение, которое доставляет терпимому человеку достаточно большое удовольствие, которое его веселит.

Противостоять терпимости удобно с помощью терпения, исповеди и раскаяния. Правильнее, по-видимому, говорить не об осуждении людей терпимым человеком, а о злорадстве, с которым он констатирует в других людях грехи, приводящие к душевной смерти. Терпимость лишает человека сожаления о грехе, жалости к другим людям, делает грех дозволенным, но, если дозволен один грех, то равно может быть дозволен и другой, что и приводит к вседозволенности.

В настоящее время в нашей стране терпимость примиряет людей с преступниками разных рангов, начиная от президентов и банкиров, и не позволяет людям противостоять врагам Бога, Родины и народа.

Торопливость – желание затрачивать на предлежащую работу как можно меньше времени, меньше, чем необходимо для добросовестного ее выполнения.

Трусость – желание избегнуть любых неприятностей любыми доступными, телесными или душевными, усилиями.

В повседневной жизни может проявляться как стремлением к избытку того, что приятно для данного человека (или сожалением об отсутствии приятного), так и стремлением избегнуть неприятностей, уклониться от них, опровергнуть любые указания окружающих на недолжное поведение и расположение, так как признание худости является одновременно и признанием вины, а наличие виновности, по справедливости, влечет за собой наказание, которое всегда неприятно. В повседневной жизни трусость может не бросаться в глаза, а бывает резко выражена и проявляется видимыми всеми действиями в экстремальных ситуациях: предательство, ложь, бегство, оставление в беде и т.д. Каких-либо особенностей в мимике и жестике не замечено, хотя достаточно часто трусливые бывают сутулы. В случае, если трусость не находит удовлетворения, то есть человек, согласный с ней, не позволяет себе ее проявлять, может возникнуть соматизация греха, приводящая к заболеванию гастритом или язвенной болезнью желудка. Как и другие грехи, трусость берет начало от гордости. Дальнейший путь ее формирования такой: самолюбие – саможаление (самозаботливость) – трусость. Так же, как тщеславие имеет практически обязательной стороной “медали” – человекоугодие, точно так же трусость может сопровождаться (маскироваться) смелостью, задиристостью, заносчивостью, которые носят характер гиперкомпенсации. В зависимости от того, какие неприятности (приятности) являются значимыми для трусливого человека, трусость в своих проявлениях может видоизменяться, может быть очень узко направлена или может распространяться практически на все окружающее, граница в

этом с робостью. Понятно, что у чревоугодника, тщеславного или блудливого трусость примет совершенно специфические формы. Трусливый хвостун будет испытывать трусость при мысли о том, что его не выслушают, но сможет легко перенести отсутствие приятной пищи; трусливый чревоугодник будет испытывать трусость, что ему не достанется пищи в желаемом количестве или желаемого качества, но легко перенесет боль физическую или отсутствие восхищения со стороны окружающих и т.д. Будучи, как и всякий грех, всего лишь отрицанием добродетели, трусость заставляет трусливого человека в первую очередь отвергать храбрость, самоотверженность и терпение, а также людей, обладающих этими качествами. Поскольку трусость, как и всякий грех, пытается оправдать себя объективными причинами, постольку подвластный ей человек, когда трусость достаточно выражена, создает в своей жизни разнообразные ситуации, могущие повлечь за собой неприятные последствия, с тем, чтобы уклоняясь от них, избегая их, иметь возможность (обоснованную) удовлетворять трусости. Для этого трусливый человек может не выполнять данные обещания, подводить людей, провоцируя у людей, которых он подвел, либо желание отомстить, либо желание наказать, либо прекратить с ним общение. Противостоять трусости, не меняя привычного поведения, но резко меняя свое отношение к себе, к окружающим и к своим обязанностям можно, прибегнув к таким качествам, как: *осмотрительность, осторожность, умеренность и постепенность*. Не менее успешно трусость искореняется *храбростью, самоотверженностью, терпением и покорностью* (ни в коем случае не путать терпение с такой распространенной и рьяно насаждаемой как атеистами, так и еретиками мерзостью, как терпимость). Трусость легко приводит к *пугливости, опасливости, боязливости и робости*. Склонность к развлечению тоже может быть порождением трусости, так как любые развлечения (кино, театр, спорт) временно отвлекают внимание человека от того неприятного, что есть в его жизни, но, как правило, не устраняют неприятности, а усугубляют их, так как человек не уделяет разрешению неприятных ситуаций ни внимания, ни желания, ни сил. В связи с тем, что смех обладает способностью уменьшать значимость любых событий и впечатлений и облегчает перенесение неприятностей, у трусливого человека может отмечаться склонность к подсмеиванию, подхихикиванию, носящая защитный характер. Трусливый человек может совершить действия, чреватые для него стойким и длительным повреждением, сам факт которого неприятен и может повлечь за собой отсутствие удовольствий, но дает человеку уже непреходящую возможность сожалеть о наличии неприятностей и отсутствии приятностей. Очевидная нелепость такого поведения, как и всякого поведения, диктуемого грехом, дала возможность сформулировать все это практически в двух словах **“от трусости (или другого греха) потерял голову”**.

Трусость – желание избегнуть тех утруждений и неприятностей, которые естественно, в силу нашего несовершенства, сопутствуют нашей жизни. В первую очередь это желание устранить неприятное отношение людей: их несогласие с тобой, их пренебрежение или недостаточно высокую оценку твоих мнений, их желание воспользоваться твоими знаниями, связями, умом, и результаты этого в дальнейшем приписать себе; их, естественное для атеистов, недружественное отношение к тебе и между собой. На втором месте идет проистекающее отсюда, имеющее место быть, или предполагаемое в будущем лишение возможности по своему усмотрению совершать дела в материальном мире и пользоваться их плодами.

Тоска – желание сожалеть о том, что в настоящее время что-то не так, как было бы приятно, как ты считаешь правильным.

Тщеславие – желание человеческой похвалы, славы, всегда возможно только через привлечение к себе внимания людей. Вырождается в желание привлечь к себе внимание чем угодно, даже откровенно неприличным поведением, вульгарностью, крикливостью. Поскольку удовлетворить этой страсти могут люди, то неразрывно связана с *человекоугодием*. В зависимости от уровня одаренности и развития, тщеславятся яркой одеждой, украшениями, остроумием, интеллектом. Проявляется в постоянных попытках завладеть вниманием аудитории, в несвоевременных и неуместных высказываниях, в акцентуированной (преувеличенной) мимике и жестах, в интонациях и речи. Все поведение носит характер демонстративности, театральности. Тщеславные пытаются произвести впечатление более значащих и весомых людей (в знаниях, в имущественном положении, связях), чем это есть на самом деле. При этом, в зависимости от аудитории, могут менять свои взгляды и суждения достаточно легко, поскольку не обладают постоянством принципов, а приспосабливаются к окружающей среде.

Чувство неудовлетворенности и поисков внимания исчезает, когда тщеславный человек оказывается в положении, при котором внимание к нему обусловлено его должностью или ситуацией (временной ситуацией). При этом не имеет значения, за счет какой должности привлечено внимание людей: актера, священника, “народного избранника”, свидетеля или обвиняемого по делу о преступлении, больного и т.д. Будучи зависимым от мнения окружающих, тщеславный человек, по сути дела, при том, что очень высоко ценит себя и любит себя, не имеет возможности быть самим собой, не имеет своей личности, а колеблется в зависимости от настроения аудитории. Тщеславие является профессиональным обязательным грехом практически любого актера, поэта независимо от степени одаренности. Это относится и к участникам любых зрелищных (по славянски “позорищных”) мероприятий: спортивных, театральных, цирковых, музыкальных. Видимо, поэтому Церковь **запрещала**, согласно канонам, становиться актерами и посещать театры, и это запрещение по сей день не утратило своего значения и силы, хотя пренебрегается как мирянами, так и церковнослужителями.

Тщеславному человеку свойственны подчеркнутая демонстрация своего понимания собеседника, своего участия, любых своих эмоций при полном безразличии к окружающим. Оно убивает душу, не давая обрести определенность, целеустремленность, постоянство. Противоположна тщеславию – скромность, потребность не привлекать к себе внимания.

Отсутствие тщеславия или уменьшение его автоматически ведет к тому, что больше внимания уделяется не себе, а окружающим людям, и вместо человекоугодия – возникают заботливость, уважительность, человеколюбие.

Поскольку тщеславный делает все напоказ, постольку он не испытывает изображаемых им эмоций, а только проигрывает их. В психиатрии тщеславных именуют истериками.

Убийство – желание лишить жизни человека не только своими действиями (бездействием), ибо сказано, что *всякий, гневающийся на брата своего – человекоубийца*. Может быть с участием сознания или на одном желании.

Увлекаемость – желание безотлагательно отдать время и силы тому, что для тебя приятно, что тебя привлекает; то же – увлеченность.

Уклончивость – желание избежать уяснения людьми твоего ответа на поставленный ими вопрос или твоего мнения, или твоего решения, или отношения к чему-либо.

Уныние – желание сожалеть о том, что не будет в жизни так, как именно тебе представляется правильным. Уныние *не есть сожаление, а именно желание сожалеть*, и обнаруживается это тем, что человек отстаивает обоснованность своих сожалений и отвергает мнение тех, кто указывает на беспочвенность уныния, на незначительность причин, его вызвавших (а точнее. на незначительность того, чем пытается укрыться уныние). В поведении уныние может проявляться сонливостью по утрам, что объясняется не физиологической потребностью человека во сне, а его желанием не просыпаться и не включаться в ту жизнь, в которой, как он знает заранее, не будет того, что *ему* хочется или как *ему* хочется. Именно это знание о том, что в данном месте не будет того, чего человек желает, исподволь приводит к бродяжничеству как отдельных людей, так и целые народы. Видимо, можно сказать, что уныние у цыган является национальной чертой так же, как тоска для евреев, но евреи верят, что в будущем будет так, как им хочется и в этом месте, а цыгане – не верят и поэтому, не будучи в состоянии изменить время, пытаются хотя бы изменить место и уйти оттуда, где все равно не будет по их желанию. В мимике и в поведении уныние может обнаруживаться выражением лица, которое так и называется: унылое. Опущенные плечи, поникшая голова, опущенные уголки рта, замедленность жестов и мимики, отсутствие интереса к окружающему и своему состоянию говорят о нем же. Может отмечаться стойкое снижение артериального давления. В беседах с окружающими унылый человек с удовольствием фиксирует внимание на сведениях о предстоящих неприятностях, бедах, по отношению к которым его позиция предельно проста и однозначна: *я так и знал, что будет плохо*. Если же они не обнаруживаются, прилагает усилия для их изыскания, даже если изыскиваемые беды мнимые. Уныние безусловно принимает участие в формировании многих форм депрессий, маниакально-депрессивного психоза, меланхолического характера, но его проявление естественно меняется под влиянием сопутствующих грехов и отношением к унынию страдающего от него человека. Противостояние предстоящим неприятностям унылый не считает целесообразным, так как *“все равно все будет плохо”*, и выправление складывающегося положения совершает неохотно, не по произволению, а по принуждению обстоятельствами, всемерно стараясь уклониться от разрешения тех вопросов, которые возникают и вызывают у него уныние. При этом унылый не ищет успешности своих действий, ибо, если они будут успешны и грядущие беды будут устранены, то не из-за чего будет унывать. Говоря коротко, уныние заставляет человека не преодолевать и устранять предстоящее зло, а сохранять его в угоду унынию. Душой уныние воспринимается как вялость, инертность. Унылый зачастую не видит смысла совершать те или иные действия, а служебные и житейские обязанности выполняет, как говорится, спустя рукава. Хорошее настроение окружающих вызывает у него недоумение, раздражение и проявляемый или скрытый протест. Уныние проистекает от гордости – самолюбия – похотливости как самостоятельное качество. А как сопутствующее сопровождает любой грех, удовлетворение которого недоступно ни сейчас, ни в обозримом будущем. Блудливый импотент может унывать по поводу невозможности усладиться количеством пищи или разнообразием вкуса; скупой – из-за того, что не может уклониться от расходования средств... В окружающих уныние, если оно достаточно выражено, вызывает беспричинное угнетенное состояние, в связи с чем общения с унылым пытаются избежать. Противостать унынию удобнее всего *кротостью, покорностью, терпением и надеждой*, а также *благодарностью* за то хорошее, что имеется. Препятствует унынию, его развитию признание человеком своей ограниченности и худости, ибо, если ты ограничен, то не можешь знать будущего, так как толком не знаешь и настоящего, а если ты худ (грешен), то не имеешь права претендовать на то, чтобы твои желания исполнялись. Разумеется, что именно перечисленные качества (положительные) наиболее активно отвергаются унылым человеком и в себе, и в окружающих. Если же окружающие не отказываются от того, что несовместимо с унынием, то унылый отвергает и общение с ними, и их самих. Оправдывается уныние, как правило, наличием объективно существующих и возрастающих мерзостей в окружающем нас мире. Выраженное уныние может маскироваться избыточной активностью, возбужденностью, рвением, а на уровне страсти приступами *“немотивированной”* ярости, во время которых человек готов сокрушать все окружающее безо всякого учета последствий (ажитированная депрессия, *raptus melancholicus*).

Практически всегда сопровождается обессиливанием, пассивностью, отсутствием побудительных причин трудиться не только ради достижения желаемого, но и ради необходимого. Унынием сопровождаются практически любые неудовлетворенные желания (грехи), если человек не отказывается от них по тем или иным причинам. С возрастом уныния конкретные желания утрачивают свое значение и остается душевное состояние, которое изыскивает именно те желания, выполнения которых достичь невозможно (для питания уныния как такового), а в последующем наличие желаний вообще перестает иметь какое-либо значение и остается субъективно приятное, а объективно губительное для человека состояние, приводящее к упадку как психических, так и физических функций организма. Помимо уныния, в обессиливании человека играет роль истощающее постоянное переживание неудовлетворенности тех страстей, которые не вылились в уныние или запрещены унынием.

Упрямство – желание совершить то, что ты наметил, и тем способом, который тобою избран вопреки мнениям и просьбам окружающих, несмотря на изменившиеся обстоятельства; желание настоять на своей правоте делами; желание не совершать поступков, которых от тебя ждут.

Фанатизм – желание принудить окружающих принять правильность твоего понимания духовных ценностей и следовать этому пониманию. Пример – атеизм. Но даже если ты заставляешь следовать тому, что является безусловным благом -- православию – это тоже фанатизм

Фарисейство – желание любоваться (гордиться) своими добрыми делами, совершаемыми в действительности.

Формализм – желание придать видимость (внешнюю форму), которая присуща делам, считающимися добрыми, не обращая внимание на побуждения. Близко к лицемерию. О формалистах сказано: *“Образ благочестия имущие, силы же его отвергли”*.

Ханжество – желание любоваться своими мнимыми высокими моральными качествами.

Хвастовство – желание обнаружить перед окружающими свои способности, дела, имущество, которые, по твоему предположению, могут вызвать их похвалу, восхищение. Более конкретно и материально, чем тщеславие, недалеко от задорности, задиристости.

Хитрость – желание не трудиться для достижения цели, а достигнуть ее, обходя трудности. Способствует коварству, лукавству; связано с ленью и презрительностью.

Хула – желание умалить чьи-либо действительные и несомненные достоинства.

Цинизм – желание бесстыдно любоваться собственным грехом.

Чванство – желание любоваться своим положением, заслугами.

Человеконадеяние – желание надеяться на получение от людей, а не от Бога через людей, того, что тебе представляется полезным. Куда человек обращается в первую очередь, когда попадает в беду? Туда, где надеется получить помощь, сочувствие, поддержку. Поэтому невинное желание поделиться с ближним своими горестями и получить от них поддержку также может говорить не о надежде на Бога, а о человеконадеянии.

Человекоугодие – желание угождать людям, чтобы, видя твою годность для них, они обращали бы на тебя свое внимание и способствовали достижению твоих целей.

Чопорность – желание любоваться своим благопристойным поведением, несмотря на предосудительные поступки окружающих и незаслуженно стесненные условия существования (реальные или мнимые).

Чревобесие – желание услаждать чрево большим количеством пищи независимо от ее вкуса и качества.

Чревоугодие – желание угождать собственному чреву. Может обнаруживаться как *чревобесием*, так и *гортанобесием*. Зависит не от расхода энергии, а от степени устремленности ко внешнему, материальному и в этом сходно с многословием.

Шумливость – желание производить избыточно много шума, звуков, избыточно много говорить. Связана с дерзостью, робостью, распушенностью.

Ярость – желание сокрушать беспредельно то, что тебе не по нраву. Преимущественно направлено на материальное и пользуется материальными же средствами. Высшая степень раздражения. От гнева отличается почти полной утратой рассудка.

ПЕРЕЧЕНЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ (ДОБРОДЕТЕЛЕЙ)

Аккуратность – потребность человека содержать в чистоте, порядке и на их месте принадлежащие ему вещи и свое дело.

Бдительность – потребность быть постоянно готовым к появлению как внешних, так и внутренних врагов и к их отражению.

Бесстрастие – потребность не удерживать вниманием и желанием помыслы о том, что приятно для души и тела, не беседовать с ними мысленно, не соглашаться с ними и не искать возможности воплотить их. *“Бесстрастие – отсечение страстных в сердце помыслов”* (Авва Евагрий).

Благоговение (благое говение, ради блага) – потребность в уменьшении и утишении своих слов, поступков, потребностей не ради здоровья, выгоды, самоулучшения и прочего, а ради своей худости, для предоставления места благу; воздержание от выражений своего мнения, отношения и своих чувств при соприкосновении с величием духовным и его воплощением. Может испытываться по отношению не только к Творцу и Его творению, но и к одаренности Им человека, воплощаемой в поведении или в плодах трудов, в том числе в произведениях искусства. Впервые возникает зачастую невольно, но может сохраняться памятью и произволением, защищая человека от превращения великого в его жизни в обыденное посредством привычки.

Благодарность – потребность признать, что не ты причина того хорошего, что есть в тебе и вокруг тебя, и воздать за это благом; признание благодати даров и готовность воздать даровавшему благом или бескорыстной службой; потребность тем, что тебе посылно, порадовать того, кому благодарен или хотя бы не огорчать его. Отличается от желания непременно “отблагодарить” человека, сделавшего тебе добро, даже против воли вручив ему деньги или подарок; это свидетельствует о желании избавиться от чувства благодарности, откупиться от него.

Необходимо отметить, что с благодарностью не выносит сочетания практически ни один грех, тяготящий человека: если человек сознательно удерживает в душе чувство благодарности, то к нему не имеют доступа жадность, уныние, лень и все прочие грехи.

Кроме того, получение Божиих даров обычно неподвластно человеку, но благодарностью за дарованное человек может эти дары удержать и приумножить.

“Кто во время искушений обретает чувство благодарности, тот отгоняет от себя находящие на него помыслы” (Авва Даниил).

Благодушие – потребность считать, что все окружающее и происходящее либо является благом, либо сохраняет за человеком возможность трудиться ради благой цели, либо приводит к благим результатам не по человеческому произволению, а по промыслу.

Признание того, что благо всегда (во все времена и при всех обстоятельствах) преобладает в мире, и, одновременно, согласие не отлучаться от него душой. Не отрицает наличие зла в мире. *“Благодушный – свободный от томлящих забот, мирный в себе”*.

Благородство – (родственность тому, что есть безусловное и непреходящее благо) – потребность служить высоким, благим (духовным) побуждениям, данным тебе, а не рабствовать своим низменным (плотским) влечениям.

Благость – потребность дать людям то, что для них полезно. Возможность дать людям то, чем располагаешь (содержишь в себе).

Благочестие – потребность за все воздавать почести единому Источнику всякого блага.

Безмолвие – потребность уклоняться как от сообщений людям тех сведений, в которых они не нуждаются, так и от предоставления людям поводов и причин говорить о тебе. *“Безмолвие есть не допытываться до того, что тебя не касается”* (Авва Исая).

Безмятежность – потребность не предпринимать действий, не прилагать усилий, имеющих целью изменение окружающего, а трудиться ради внутреннего благоустройства даже во внешнем; не исключает труды по выполнению мирских обязанностей.

Беспопечительность – потребность в отказе от заботы о внешних результатах своих дел и своих отношений с людьми. *“Беспопечительность – умиртвие от всякого человека и от всяких дел”*.

Безропотность – потребность признавать, что окружающие нас обстоятельства и отношение к нам людей достаточно хороши и не могут быть причиной недовольства, ропота – по нашим грехам и по вере в промысел Божий.

Бережливость – потребность расходовать силы, время, средства в материальном мире только на то, что полезно, и в количестве, не превышающем потребное.

Бескорыстие – потребность не искать личной, чаще материальной, выгоды, помогая просящим в их трудах или делая что-либо для людей по собственному почину и без их участия.

Вера (отсутствие сомнений) – потребность признания духовных реальностей и их главенствующего значения в жизни человека, и их единственного и единого Источника.

Вежливость – потребность следовать общепринятым в данном обществе нормам поведения, не раздражая людей своими поступками и словами.

Верность – потребность не отказываться от принятых на себя обязательств, не отречься от исповедуемых тобою взглядов. Относится ко всему, кроме греха.

Внимательность – потребность воспринимать все окружающее или дело, которым занимаешься, без изъятия, не считая что-либо недостойным внимания.

Воздержание – потребность не употреблять для собственных телесных нужд (для “утешения”) больше, чем необходимо, и во всяком случае не столько, сколько хочется, даже если такая возможность имеется; удержание своих желаний. *“Воздержание – удаление от греховных дел”* (Авва Евагрий).

Воодушевленность – потребность с душевным расположением делать то, что трудно, но хорошо. Отличать от увлеченности, тщеславия, самолюбования.

Грусть – потребность сожалеть об утрате или отсутствии в твоей жизни чего-либо хорошего, а не относиться к этому безразлично. Отличать от основанных на похотях грехах – тоски, печали, уныния.

Дерзновение – потребность принять обетованное, основанное на выполнении заповеданного и на вере в Божию милость, а не в свои заслуги.

Доброжелательность – потребность сделать то, что для человека хорошо или избавить его от наличествующего зла. Не бывает с принуждением, против воли того человека, которому готов принести посильное добро.

Добродетель – потребность деятельно, а не на словах, выполнять заповеди, которые и есть, по сути своей, добро. Возможно при признании истинности и благотворности не одной, а всех заповедей. *“Как мы поступаем с нашими добродетелями, так и Бог делает с нашими грехами”* (Преп. Марк Подвижник).

Добротолюбие – потребность сохранять в своих словах и поступках единение с тем, что, в меру своего разумения, понимаем как добро.

Достоинство – потребность не умалять высокое назначение человека (служение добру) и его душевные дары (бессмертие, разумность, свободу) пристрастием и рабством ограниченному, временному.

Жалость – потребность разделить с человеком труд перенесения скорбей и страданий (душой или телом) и тем облегчить и уменьшить их. Отличать от потакания, попустительства страстям, так как они и есть причина и источник бед и скорбей.

Заботливость – потребность трудиться ради выполнения тобою должного ради блага других людей. Близко к уважительности, услужливости; отличать от человекоугодия.

Злострадание – потребность, памятуя о своих грехах, произвольно лишая себя разрешенных и доступных удовольствий, утешений телесных и душевных (но не духовных). Подвижники православия говорят, что тот, кто не несет произвольных злостраданий, подвергается нечаянным скорбям и лишениям.

Искушенность – потребность, проверенная и утвержденная опытом, противостоять даже неожиданным нападениям демонов. *“Искушение случайная (неожиданная) скорбь”* (Преп. Марк Подвижник).

Исповедание – потребность признавать как свою личную, так и общечеловеческую греховность, худость. “Неукоризненное исповедание грехов – мужественное терпение их последствий”. Противоположно вере в величие человека, разве только в утраченное. Необходимо для выполнения хотя бы первой заповеди: “Покайтесь!”.

Исповедничество – потребность без сомнений и колебаний обнаруживать свою веру в Иисуса Христа и Его Евангелие в любых обстоятельствах, перед друзьями и врагами.

Исполнительность – потребность безотлагательно и безукоризненно выполнять порученное тебе дело, свои обязанности. Не смешивать (не примешивать) рвение, напористость.

Кротость – потребность не следовать собственным похотениям, укрощение их. *“Переносить все – есть кротость”* (Авва Исайя).

Ласковость – потребность обнаружить свое доброе отношение к человеку доставлением ему телесного утешения (утишения). Не путать со льстивостью или с желанием склонить к плотским страстям тех, кто ими обладает.

Любовь – потребность единства через самоотдачу. Именно о такой природе любви ведет речь Спаситель, когда говорит: “Я в них, и Ты во мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня” (Ин. 17, 23). “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою” (Ин. 13, 35), иначе говоря – взаимную любовь, которая привносит с собой мирные отношения, мир. “Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его” (2 Ин. 1, 5).

Служение страстям, служение миру также может привносить временное умирение через их насыщение (чревоугодие), но не через непреходящие устранение страстей из жизни человека любовью (воздержание). “Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так как мир дает, Я даю вам” (Ин. 14, 27).

Такой мир легче сохранить во взаимоотношениях с друзьями, с близкими людьми и гораздо труднее – с врагами. Но “трудно” – отнюдь не означает “непосильно”, “невозможно”. Все хорошее, чем стремится обладать человек, по справедливости требует времени и труда, требует научения. Впрочем, кто прошел труд обучения сам собою, все равно не может достигнуть цели; “... если не умою тебя, не имеешь части со Мною” (Ин. 13, 8). Любовь объемлет собой все добродетели без изъятия, но и в любой частной добродетели человек сам собой не может достичь совершенства, ибо “всуде трудится зиждущий, если Бог не созиждет”.

Всякая добродетель, проистекая от любви, является той или иной формой самоограничения, вплоть до самоотвержения. “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15, 13). Именно за друзей, а не за врагов, хотя их нам тоже заповедано любить. Да и нету одинаковости, да и быть не может в человеческих взаимоотношениях, а иначе не было бы сказано: “Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере” (Гал. 6, 10) и “дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам” (Мк. 7, 27).

И со словами “Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино” (Ин. 17, 2) соседствуют слова; “Я о них молю; не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои” (Ин. 17, 9).

Нет одинаковости в отношении к согрешающим, но различные слова не противоречат друг другу, и слова: “Если согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится, и скажет; каюсь – прости ему” (Лк. 17, 4) – ни в коей мере не противоречат иным словам: “Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушают их, скажи Церкви; а если и Церковь не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь” (Мф. 18, 15-17).

А о том, кого считать братом, Спаситель сам говорит: “...кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать” (Мф. 12, 50). Следовательно, нам вменено в обязанность обличать только братьев, только своих единоверцев, но ни в коем случае не иноверцев, не атеистов, не прихожан экуменических церквей.

“Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 16, 13). Заповедь представляется недостижимо высокой, а в то же время она повсеместно выполняется, но – не замечается.

Мысли, желания, эмоции – все это составляющие души. Если человек отказывается от поисков лично ему приятных эмоций, от собственных желаний ради того, чтобы порадовать другого человека или принести ему пользу в православном понимании этого слова, то он уже если не отвергает, то откладывает – пусть на время – душу свою ради ближнего своего. Ребенок многократно отказывается от выполнения собственных желаний ради послушания родителям, ради полезного или радостного для них, но этот отказ, в конце концов, приносит гораздо больше радости и пользы самим детям, чем их родителям.

Неизмеримо полезнее оказывается для человека отказ от собственных желаний и рассуждений в пользу Евангелия. Такой отказ можно прямо считать уже не благотворным, а животворным, почему и сказано: “...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее” (Мк. 8, 35). И “ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную” (Ин. 12, 25).

“Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир” (Рим. 8, 6), поэтому отвергающий душевно-телесные помышления души ради духовных ценностей Евангелия обретает жизнь, даже если сам не ставит это своей целью. Такое тоже бывает.

В Священном Писании пример и образец любви, кладущий душу свою за любимых, мы видим в отношении к распятию Самого Спасителя, который до кровавого пота молил Отца, чтобы миновала Его чаша сия, но не противился Отчей воле.

Другой пример того же самого отношения обнаруживается в словах ап. Павла: “...я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти” (Рим. 9, 3).

Да и в повседневной жизни русского народа повсеместно рассеяны проявления того, как люди души свои, пусть понемногу, в меру сил, кладут за ближних своих: это и милиционер, постоянно теряющий здоровье, а иногда и жизнь за покой ближних; это и врач, подвергающийся душевному вреду в результате общения с больным; даже обличающий злоупотребления руководства совершенно обоснованно может быть отнесен к категории людей, которые “кладут душу свою за ближние своя”.

На всех, кто причастен любви, от малого до великого, она накладывает те или иные обязательства.

“Симон Ионин! Любишь ли ты Меня? – Паси овец Моих” (Ин. 21, 16). Правда, Божье стадо надлежит пасти “не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над причтом, но подавая пример стаду (Петр. 5, 2-3). Не только пастыри, но “каждый из вас должен угождать ближнему во благо, к созиданию” (Рим. 12, 21). “Никто не ищи своего, но каждый пользы другого” (1 Кор. 10, 24), что не исключает выполнения ни семейных, ни служебных обязанностей. А уж одеть нагого, напоить жаждущего, накормить голодного настолько естественно, что об этом, возможно, и не стоило бы говорить отдельно.

В Евангелии достаточно полно и широко для желающего видеть обрисованы не только признаки наличия любви, но и свидетельства ее отсутствия, а также разрушающие ее факторы.

Бог есть Любовь, поэтому все, что говорится о Боге, может быть отнесено к любви, и, напротив, говоримое о Любви имеет прямое отношение к Богу. “Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его” (2 Ин. 1, 5).

Но Бог – это дух, а “посему живущие по плоти Богу угодить не могут” (Рим. 8, 8). При этом отнюдь не имеются в виду облеченные (и обремененные) плотью все вообще человеческие существа, а только те из них, которые живут по плотским (физическим) законам исключительно ради плоти, плотских целей. А если человек, подчиняясь плотским законам и в полном соответствии с ними, выполняет заповеди, то он служит уже не плоти, а Духу. Правда, всякому делу предшествует мысль о плоти или о Духе, и “помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир” (Рим. 8, 6).

Под словом “мир” имеется в виду не внешний, видимый мир, а мир внутренний, душевный; мирное устройство души. Иначе не было бы сказано: “Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей” (1 Ин. 2, 15) и “Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда на Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу” (Иак. 4, 4). И врагом любви. И не имеет ни малейшего значения, какое служебное или социальное положение занимает тот или иной служитель “мира”, чьей дружбы домогается православный: во всяком случае он становится врагом Богу.

Что же еще разлагает общество, разрушая любовь? Ставшее обычным несоблюдение законов, которое как бы и перестало быть нарушением, а узаконилось обыденностью, повсеместностью, безнаказанностью. А “по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь” (Мф. 24, 12). Ну, охладела любовь. Что ж с того? А с того – уже наступившая разобщенность, разделенность, неприязнь, вражда, которая найдет свое воплощение.

Поскольку сатана извечный противник Бога, то и порождения сатанинские (грехи) активно стремятся разрушать любовь. О сатане сказано, что он лжец и отец лжи. Поэтому и любой грех есть та или иная форма лжи, с помощью которой людей отвлекают от Бога, от Жизни. Убийство, сквернословие, хвастливость, многословие, забывчивость, блуд, лицедейство – все они согласно отторгают человека от Бога, разве что с разной силой. Ложь то, что присуще каждому греху, что является их общим признаком. Святые отцы говорили, что всякий грех лстит душе или ласкает тело. И в наше время люди возлюбили грехи, поскольку, видимо, уже послал “им Бог действие лсти, во еже веровати им лжи” (2 Фес. 2, 11).

Любовь безмерна и всеобъемлюща. Она объемлет, не испытывая изъяна, и то, что ей противится. Бесследное устранение этого противления доступно и просто – это первая заповедь Евангелия: “Покайтесь!”

Но на добровольно принимающего и следующего ей любовь налагает обязательства иногда трудные, но никогда – тяготящие. Обязательства эти могут быть столь трудны, что заставили одного из слушателей Христа невольно вымолвить: “Если такова обязанность по отношению к жене, то лучше не жениться” (Мф. 19, 10).

Наиболее пространно взаимные обязанности людей по отношению к своим домашним описаны у ап. Павла.

Обязанности-то разные, а сама любовь и качественно, и количественно одна и та же, если, конечно, к ней не прикрадется пристрастие.

И действительно, любовь к матери, жене, дочери – одинакова, а вот в налагаемых ею обязанностях нет ничего сходного – по крайней мере, у нормальных людей.

Но нам заповедано любить и врагов. Не смею возражать, ибо любовь что к друзьям, что к врагам одинакова: иначе, по природе любви, и быть не может. Любовь-то одинакова, да обязанности-то ой как различны. И выполнение по отношению к врагам тех же обязанностей, что и по отношению к друзьям, вполне может быть расценено как своеобразное извращение. К тому же по отношению к врагам это будет просто нечестно. А я хочу и любить врагов, и честно выполнять по отношению к ним свои обязанности, которые налагают на меня обязанности перед ближними, долг перед своей страной и любовь к врагам. Та же самая Любовь, Которая сказала:

“Кто не со Мной, тот против Меня” (Мф. 12, 30), и при всей своей кротости, спросила: “Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение” (Лк. 12, 51).

Заповедь о любви к Богу не случайно соседствует с заповедью о любви к ближнему. “Иной, большей сих, заповеди нет” (Лк. 12, 31). Заповедь об одной только любви дана просто потому, что любовь исполняет все остальные мыслимые добродетели, о которых в данном случае нет нужды упоминать.

Эти заповеди не только соседствуют, они просто невозможны друг без друга. “Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?” (1 Ин. 4, 20). Иначе и быть не может, ибо “верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом” (Лк. 16, 10). И по тому, как человек относится к ближнему своему, как он ведет себя с людьми, легко можно сделать заключение о его отношении с Богом и к Богу. И наоборот, обнаруживаемое отношение человека к Богу (многословное, панибратское, хвастливое, испытующее) свидетельствует с несомненностью о его, возможно скрываемом, отношении к людям.

Любознательность – потребность признавать полезность, нужность для человека знаний, готовность трудиться ради их приобретения. Отличать от любопытства, надменности.

Любомудрие – а) потребность признавать большое значение для человека и для окружающих мудрости; предполагает не ее наличие, а труд ради нее; б) мудрость, основанная на любви.

Милосердие – потребность от всего сердца помиловать (избавить от заслуженного, справедливого обвинения и наказания, сделать милым себе) не только того, кто ради этого трудится, но и того, кто, признавая свою вину и слабость, просит о помиловании, не имея заслуг. Лишается смысла по отношению к тем, кто считает себя невинным и протестует против скорбей и страданий (наказаний) возмущенно вопрошая “За что?!”. От прощения отличается тем, что освобождает от обвинения, а не только от наказания.

Молитвословие – потребность постоянно обращаться, хотя бы мысленно, к молитве, предпочитая молитвенный помысел всякому другому размышлению, рассуждению.

Молчаливость – потребность говорить только тогда (и столько), когда (и сколько) это необходимо слушающему по его просьбе или для выполнения твоих обязанностей, но не похотений.

Мудрость – потребность рассуждать о предметах и явлениях физических и духовных беспристрастно. К мудрости ведет (по отцам): воздержание – страх Божий – вера – терпение – надежда – бесстрашие – любовь – познание – богословие.

Мужество – потребность принять на себя то, что является обязанностью мужчины, мужа не в бытовом, а в общечеловеческом смысле этого слова: защиту слабых и угнетенных, пропитание семьи и управление ею, выполнение наиболее тяжелого труда и ответственность за все перечисленное.

Надежда – потребность обращаться с ожиданием духовных и земных благ к Богу, как к первопричине всякого блага или к иным подателям блага (ангелы, святые), как к исполнителям Его благой воли. *“Надежда воспринимается умом через самоотверженность”* (Преп. Марк Подвижник).

Надежность – потребность не сделать тщетной чью-либо надежду на нас, выполнить взятые на себя обязательства (кроме греховных).

Негодование – потребность безусловно, безотлагательно и несомненно признавать **негодными** любые планы, высказывания, поступки, имеющие грех целью или средством достижения цели. От гнева отличается направленностью не на человека, а на его мнения, высказывания, поведение.

Нищета – потребность считать, что все, видимо принадлежащее тебе (имущество, здоровье, способности), по сути не твое, а дано тебе во временное пользование, на время, и ты должен будешь отчитаться, как пользовался этим. *“Нищета есть – незлобивое сердце”* (Авва Исая).

Обличение – потребность предать гласности скрываемую человеком греховную причину его поведения, если это полезно ему самому, либо окружающим. Несовместимо с осуждением, сомнением, самооправданием. Направлено не против человека, а против его грехов или основанных на них поступках.

Общительность – потребность не отчуждаться от людей, разделять с ними их радости и их трудности.

Обязательность – потребность прилагать все силы для выполнения своих обязанностей, обусловленных положением, должностью или взятыми на себя произвольно.

Определенность – потребность поставить своим произволением пределы своим же намерениям, планам; четко определять свое мнение по любому вопросу. Противоположно увлеченности, близко целеустремленности. Не смешивать с ограниченностью.

Осторожность – потребность, в связи с естественной ограниченностью человека и неспособностью все предусмотреть, быть внимательным к окружающему, не исключая неожиданного и непредвиденного возникновения опасностей. Невозможно без терпения. Не путать с пугливостью и трусостью.

Осмотрительность – потребность, прежде выполнения твоих дел, предварительно (мысленно или физически) осмотреться, выявляя благоприятствующие или препятствующие делу обстоятельства.

Откровенность – потребность открыто высказывать свое мнение без настояния на нем, даже если окружающие с ним не согласны. Не смешивать с задиристостью, задорностью, запальчивостью.

Отвага – потребность не считаться со значимостью (важностью) собственного здоровья, комфорта, со значимостью собственной личности ради служения Богу или людям ради Него.

Отважность – потребность совершить опасный для тебя поступок, основанная на его важности (от – его – важности) для людей, а не на приятности для тебя.

Подчиняемость – (управляемость) – потребность выполнять во всем, кроме греха, волю тех, кто облечен большей властью мирской, чем твоя. Нет власти не от Бога, но святые отцы считают, что не должно угождать людям более, чем Богу, а власть нечестивцев расценивают как наказание за грехи. Наказания же советуют отвращать покаянием, каюсь, в том числе, и в содружестве с нечестивцами.

Покорность – потребность принимать укоры как словами от людей, так и неуспешностью твоих дел, неблагоприятностью обстоятельств – от Бога. Отличать от робости отношением к укорам как к проявлениям заботы, любви и внимания, а не неприязни.

Последовательность – потребность для достижения цели совершать последующее не ранее предшествующего и не совершать того, что противоречит или противодействует твоим собственным намерениям. Последовательность внутренняя, душевная иногда влечет за собой внешнюю, видимую несогласованность поступков.

Послушание – потребность добровольно и сознательно выполнять заповеди как по отношению к Богу, так и к людям ради Бога. *“Послушание – соблюдение заповедей”* (Авва Исая). По отношению ко греху возможны: соучастие, принуждение, обман, но не может быть послушания.

Постничество – потребность отказаться и вне установленных Церковью постов от употребления и совершения того, что запрещено Церковью на время постов.

Пост (телесный) – потребность ограничивать прием пищи во времени, количестве, качестве; воздерживаться от супружеской близости, долгого сна и любых других форм угождения плоти. Цель – научить плоть слушаться душу и служить ей.

Пост (душевный) – потребность воздерживаться от любых развлечений, посвящая все душевные силы угождению Богу. Назначение двояко: 1. Обнаружение недолжных устремлений, которые выявляются только тогда, когда им противостоишь. 2. Собственно противостояние грехам, приобретение опыта в этом, познание собственной слабости и могущества помощников и заступников.

Постепенность – потребность восходить к большему и лучшему “по ступеням”, не минуя меньшего и худшего, затрачивая на путь к совершенному время и труд.

Постоянство – потребность не ставить свои взгляды или намерения в зависимость от внешних обстоятельств и отказываться от них, только получив подтверждение их ошибочности. Близко к верности, не путать с внешним “постоянством” – упрямством, самонадеянностью, педантизмом.

Почтительность – потребность оказывать человеку почет вне зависимости от состояния его личности и внешнего положения (имущественного, служебного и т.д.), основанная на том, что человек, пусть и изуродованный, но живой образ Божий, не достигший подобия.

Правдолюбие (правдивость) – потребность в отражении действительного положения вещей (правды) в мыслях, словах, поступках. Невозможно без терпения себя и, следовательно, без признания собственной худости.

Преданность – потребность не отчуждаться от тех дел, идей, людей, которым служишь ради Бога.

Предупредительность – потребность помочь человеку, если он нуждается в этом, прежде чем тебя попросили об этом. Не смешивать с подбострастием, угодливостью.

Приветливость – потребность не обидеть, не оттолкнуть (приветить) обращающегося к тебе человека.

Прилежание – потребность выполнять те дела, которые непосредственно перед тобой (во времени и пространстве), а не изыскивать занятия более интересные в ущерб тому, чем тебе прилежит (предлежит) заниматься.

Простота – потребность как не приукрашивать свои мысли, чувства, так и сказанное другими об их мыслях и чувствах считать соответствующим действительности. *“Простота – неискушенная доверчивость”*.

Прямота – потребность (без попыток приукрасить свою позицию или сделать ее более приятной для окружающих) как говорить о своих мыслях, чувствах, намерениях, так и отказываться от разговора, если не считаешь его полезным. Не путать с грубостью.

Раскаяние (изменение) – потребность изменить свое отношение к грехам, переходя от услаждения ими к сокрушению о них и противостоянию им.

Рассудительность – потребность совершать те или иные действия не по желанию, а после проверки их полезности, правильности суждением ума, после рассуждения о них.

Ревность – потребность не упускать ни малейшей возможности выполнять Заповеди. Близко к решительности, не смешивать с напористостью, рвением.

Решительность – потребность следовать принятому решению.

Самовластие – потребность сохранять власть над своими же мыслями, желаниями, действиями. Противоположно распушенности, увлекаемости, плотолобию.

Самоограничение – потребность трудиться ради ограничения, уменьшения своих притязаний на внешнее, ведущая к уменьшению зависимости от внешнего.

Самоотверженность – потребность отказываться от того, что полезно и удобно тебе, и даже от собственной жизни ради пользы людей.

Самоукорение – 1) потребность искать в себе причину огорчительных внешних ситуаций и внутренних состояний, а также укорять себя за недолжные желания, мысли и поступки, даже если они известны только тебе или оправдываются людьми и не влекут за собою очевидных неприятных последствий; 2) признание того, что в твоих действиях, житейских неудачах и плохом отношении к тебе виновны не обстоятельства и люди, а *только ты сам*.

Самоуничжение – потребность признавать себя худшим других людей не по своим способностям и возможностям, а по тому, как ты ими пользуешься (по своим грехам). Зависит не от наличия грехов, а от признания своей греховности и готовности видеть грехи, а так же от степени близости к Богу.

Серьезность – потребность признавать, что в жизни самые незначительные действия человека могут повлечь значительные последствия и что кажущиеся ничтожными внешние обстоятельства могут оказать большое влияние на судьбу человека, и основанное на этом неприятие легкого отношения к жизни.

Скорбность – потребность нести труд переживания своих скорбей без поисков возможности уклониться от них или утешиться внешним.

Скромность – потребность не привлекать к себе внимание. Не путать с застенчивостью, робостью.

Смирение – потребность относиться мирно (с внутренним миром), без враждебности не только к обстоятельствам и людям приятным или не оказывающим на тебя влияния, но и к враждебным тебе. Отличать от терпимости, робости, потакания, попустительства. Обязывает человека использовать и душевные и телесные силы для защиты Родины, угнетаемых и обижаемых, для любых иных противодействий злу не по пристрастию, а по заповеди, сожалея о врагах, но не щадя зло. Можно и должно мириться с тем, что люди заблуждаются и в результате этого враждуют, но не должно мириться с заблуждениями; должно смириться с тем, что люди, как и мы сами, грешны, но не с грехами.

Смирение – это, по-видимому, одно из немногих качеств, не состоящее полностью в произволении человека (как и целомудрие, благоговение и ряд других). Это, скорее, не качество, а состояние, к которому человека приводит жизнь, но не помимо его воли.

Каждый может способствовать приближению этого состояния если, смиряясь непроизвольно, запоминает расположение души в состоянии невольного смирения, а в последующем, уже произвольно, пытается воспроизвести это расположение вне смиряющих бед и скорбей. Способствует этому деланию постоянная память о поведении или поступках, результаты которых изменить или исправить собственными усилиями уже невозможно (память о греховном поведении или отдельных поступках) и связанные с этим самоукорения и сокрушения. Последнее сначала, когда слабо выражено, может носить форму сожаления о содеянном.

Сожалению (сокрушению) о недолжном, о грехе необходимо, но, быть может, незаметно, всегда сопутствует потребность в добродетели. Сожаление человека о том, что он недостаточно хорош, качественно отличается от сожаления о своей худости. Гордость притязает на праведность и святость, а смирение ищет возможности увидеть свои грехи и противостоять им с Божией помощью.

Смиренномудрие – 1. потребность признавать единственно правильными рассуждения, основанные на смирении (мудрость, порождаемая смирением); 2. готовность смириться, основанная на мудрости и к мудрости же приводящая.

Соболезнование – потребность разделить с человеком его переживания по поводу телесной или душевной боли. Не смешивать с потаканием саможалению или иным страстям.

Собранность – потребность удерживать неразвлеченными все три силы души: желательную, мыслительную, и раздражительную.

Совестливость – потребность не отвергать помыслы, свидетельствующие о худости твоих дел. Святые отцы считают, что если твоя совесть тебя не обличает в нарушении заповедей, то не должно доказывать людям свою невиновность не по пренебрежению к людям, а по недолжности самооправданий и доказательств.

Сосредоточенность – потребность неотвлекаемо направить свое внимание на выполняемое дело, обдумываемый вопрос.

Сострадание (страда – интенсивный, непрерывный труд) – потребность разделить с человеком труд (душевный и телесный), перенесение житейских невзгод. Возможно при согласии страдающего отвратиться от причин страдания, от грехов (как и соболезнование, сочувствие).

Сочувствие – потребность разделить чувства (обычно тягостные душевно) другого человека, и тем ослабить их.

Справедливость – потребность получать или назначать воздаяние не по пристрастию или неприязни, не по планам, а по очевидным делам и их результатам. Отличать от справедливости как душевного свойства.

Старательность – потребность добросовестно затрачивать усилия (физические, внешние) для благополучного выполнения своего дела.

Стойкость – потребность не изменять своему (православному) мнению об окружающем и отношению к нему, даже если это ведет к скорбям, неприятностям; готовность отстаивать свое право придерживаться должного.

Строгость – потребность требовать выполнения своих обязанностей теми, кто по службе или добровольно подчинен тебе.

Стыдливость – потребность не заглушать развлечениями или удовлетворением своих пристрастий ощущения нарушения тобой справедливости.

Суровость – потребность обличать грехи тех людей по отношению к которым ты имеешь на это право (подчиненные или просящие о помощи). Грехи обличать, но не осуждать самих людей. Не путать с фанатизмом.

Тактичность – потребность своим поведением и высказыванием не напоминать о том в жизни человека, чем он может быть огорчен; достигать поставленной цели, не огорчая окружающих. Не путать с человекоугодием.

Терпение – потребность принимать реальность (себя, близких, окружающее) такой, какова она есть, беспристрастно выбирая свое поведение в данной реальности. *“Долготерпение – есть не помышлять ни чего против ближнего”* (Авва Исая).

Тихость – потребность не привлекать к себе внимания многословием, громкостью речи, производимым тобою шумом.

Трудолюбие – потребность постоянно трудиться, быть занятым делом, а не пребывать в праздности; любовь к самому труду, а не к его результатам.

Тщательность – потребность неоднократно внимательно проверять правильность выполнения своих обязанностей для того, чтобы не допустить изъянов в своей работе.

Уважительность – потребность признавать важность, значимость как человеческой личности, так и ее роли в мире и влияния на окружающее независимо от ее настоящего состояния. Имеет основание в том, что человеческая личность создана по образу Божию и от Бога одарена силами и способностями, превосходящими силы остальных живых существ.

Умеренность – потребность свои личные планы и принимаемые на себя обязательства перед другими людьми соизмерять со своими возможностями, а свои потребности телесные удовлетворять мерою, соотнося с необходимым, а не с желаемым.

Усердие – потребность служить делу или человеку ради Бога, охотно отдавая служению все силы души и послушного ей тела, от “всего сердца”.

Уступчивость – потребность отдать, во избежание противоречий, свои права и возможности тому, кто тем или иным способом обнаруживает свою заинтересованность в них; в конечном счете – готовность отказаться от личных выгод и удобств в пользу другого человека. Не путать с податливостью.

Храбрость – потребность поставить себя в опасную ситуацию ради блага других людей.

Целеустремленность – потребность следовать определенной цели, которая признается главной, подчиняя ей всю свою деятельность, не упускать ее из виду.

Человеколюбие – потребность, не противопоставляя себя людям и не возносясь над ними, служить им во всем, в чем нет греха, и тем, в чем нет греха; признание единства даже с теми, кто противится нам, без принуждения их такому же, как у нас к ним, отношению к нам. *“Человеколюбие – ко всем любовь и повиновение”* (Авва Исая).

Честность – потребность своими мыслями, словами, делами не унижать высокой чести, которая оказана человеку: созданию его по образу и подобию Творца и дарованию возможности служить добру.

Чистоплотность – потребность поддерживать плоть в состоянии, для нее не разрушительном и для не окружающих не раздражающем.

Чуткость – при отсутствии безразличия, потребность замечать малейшие изменения эмоционального состояния окружающих.

Шаловливость – потребность поделиться с окружающими своим ощущением радости и веселья, обнаруживая их словами и поведением в то время, когда не занят делом; не должна мешать окружающим.

Щедлость – потребность отдать больше, чем у тебя просят, предвидя и предполагая, что просящему будет недостаточно просимого.

Целомудрие – потребность следовать беспристрастному свободному рассуждению (мудрости) ума о должном поведении (внешнем) и расположении (внутреннем); мудрость, присущая человеку в целом, всему его составу (душе и телу) без противоречий и разногласий между ними.

“Дерево греха”, которое часто упоминается святыми отцами, изображено здесь чисто схематически. Правда, эта схема отображает наиболее часто встречающиеся варианты связи и соподчинения грехов, но ею не исчерпывается все многообразие вариантов, все хитросплетение грехов, которые передают человека друг другу, оплетая его, как лианы или как паутина. Еще одна причина, по которой “дерево греха” не может рассматриваться в статике – это характер бесов, которыми грехи возбуждаются, навязываются человеку; бесами всячески подчеркивается их приятность и безвредность; бесы, как мартышки, способны скакать по этим “ветвям” во всех направлениях. Но, при всей своей схематичности, это “дерево” дает пусть самое общее, но для начала вполне наглядное и достаточное представление о росте и развитии грехов.